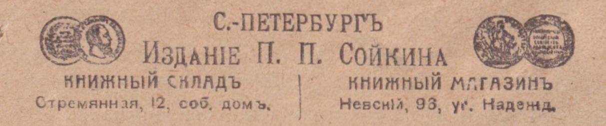
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ТРЕХЪ РУССКИХЪ
и
ТРЕХЪ АНГЛИЧАНЪ.

[Aventures de trois russes et de trois anglais].

Романъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.



Типографія П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ТРЕХЪ РУССКИХЪ И ТРЕХЪ АНГЛИЧАНЪ.

[Aventures de trois russes et de trois anglais].

I. На берегу Оранжевой рѣки

Два человѣка, расположившіеся подъ исполинскои плакучей ивой, 27-го февраля 1854 года разговаривали, не спуская глазъ съ рѣки Оранжевой. Рѣка эта, называемая голланцами Гротериверъ и готентотами Гаріетъ, по величинѣ равняется Нилу, Нигеру и Замбезе—рѣкамъ Африки. На ней есть пороги и водопады. Александръ, Буршель и Томпсонъ, изслѣдовавшіе эту рѣку, ярко описываютъ прозрачность ея воды и живописность ея береговъ.

Въ мѣстѣ, гдѣ расположились два человѣка, у горъ герцога Іоркскаго, рѣка представляетъ особенную красоту: неприступныя скалы, глыбы огромныхъ камней, окаменѣвшія деревья, глубокія пещеры, непроходимые лѣса, незнакомые съ топоромъ—все это вмѣстѣ даетъ чудесную картину, фономъ которой служатъ Гаріепскія горы. Въ этомъ мѣстѣ рѣка протекаетъ узкой полосой и вдругъ падаетъ съ четырехсотъ футовъ высоты, и вся масса воды шумитъ и бурлитъ, прорывается между зелеными зарослями кустарниковъ, сверкаетъ между скалъ, и съ грохотомъ свергается внизъ, являясь облаками тумана, блестя всѣми семью цвѣтами радуги, а кругомъ слышится гулъ и ревъ, повторяемые эхомъ долинъ.

Одинъ изъ двухъ людей, находящихся здѣсь, вѣроятно, для изслѣдованія, не обращалъ вниманія на окружающее. Видимо, это былъ бушменскій охотникъ. У него были живые глаза, быстрыя движенія и онъ казался яркимъ представителемъ

этого племени, проводящаго жизнь въ скитаніи по лѣсамъ. Самое слово бушменъ—англійское, передѣланное съ голландскаго, значитъ буквально: «человѣкъ кустовъ». Это общее названіе для всѣхъ кочевыхъ племенъ на сѣверо-западѣ отъ Капской земли. Вся жизнь этихъ племенъ проходитъ въ кочевьѣ, въ охотѣ и въ грабежахъ фермъ колонистовъ, которые оттѣснили бушменовъ внутрь страны, въ совершенно безплодную мѣстность.

Нашъ бушменъ, на видъ лѣтъ около сорока, былъ высокаго роста и обладалъ сильной мускулатурой. Тѣло его даже во время отдыха сохраняло напряженность. Въ движеніяхъ его была видна свобода, непринужденность и энергія, наполняющая «Кожанный чулокъ», героя канадскихъ прерій. У него не было только спокойствія героя Купера, что замѣчалось по постоянно мѣняющемуся выраженію его лица. Нашъ бушменъ, впрочемъ, не былъ такимъ дикаремъ, какъ его единоплеменники—древніе сакасы. Рожденный отъ англичанина и готентотки, онъ былъ вполнѣ умственно развитымъ человѣкомъ и бѣгло говорилъ на ихъ языкѣ. Его костюмъ, наполовину готентотскій, наполовину европейскій, состоялъ изъ красной фланелевой рубашки, куртки и панталонъ изъ кожи антилопы и обуви изъ кожи дикой кошки; на шеѣ охотника висѣлъ мѣшочекъ, въ которомъ былъ ножъ, табакъ и трубка; что-то въ родѣ ермолки изъ бараней кожи покрывало его голову, поясъ стягивалъ его талію, на рукахъ были браслеты изъ слоновой кости, а съ плечъ до колѣнъ падалъ плащъ «кроссъ» изъ тигровой шкуры. Собака туземной породы спала возлѣ него. Бушменъ торопливо курилъ трубку изъ кости и, видимо, проявлялъ нетерпѣніе.

— Успокойтесь, Мокумъ,—сказалъ ему его спутникъ.— Вы, вѣроятно, самый нетерпѣливый изъ людей, когда не охотитесь. Поймите, дорогой товарищъ, что мы съ вами ничего не можемъ сдѣлать. Тѣ, которыхъ мы ожидаемъ, рано или поздно, сегодня или завтра, но прибудутъ.

Товарищъ бушмена былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти-шести, совершенная противоположность охотнику. Во всѣхъ его движеніяхъ было спокойствіе. По виду не трудно было узнать сразу, что онъ англичанинъ. Его костюмъ былъ чисто городской и, очевидно, бродяжническая жизнь была ему не свойственна. Онъ имѣлъ видъ городского жителя, заблудившагося

въ этой мѣстности, и глядя на него, можно было ожидать увидѣть у него перо за ухомъ, какъ у какого-либо конторщика.

Въ дѣйствительности этотъ молодой человѣкъ былъ извѣстный ученый, Вильямъ Эмери, занимающійся при Капской обсерваторіи и уже обогатившій науку.

Здѣсь, въ пустынѣ Южной Африки, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Каптуана, молодой ученый едва сдерживалъ нетерпѣніе своего товарища.

— Господинъ Эмери,—отвѣчалъ ему охотникъ по-англійски,—вотъ ужъ восемь дней, какъ мы находимся у Оранжевой, у Моргедскаго водопада, и я не помню, чтобы кто-нибудь изъ моей семьи оставался на одномъ мѣстѣ восемь дней. Вы забываете, что мы номады и что наши ноги должны двигаться.

— Мой другъ, Мокумъ,—возразилъ астрономъ,—тѣ, кого мы ждемъ, ѣдутъ изъ Англіи и мы должны извинить ихъ, если они опоздали. Надо считаться съ разстояніями, препятствіями, которыя возможны при поднятіи вверхъ по Оранжевой, словомъ съ тысячью затрудненій, которыя могутъ встрѣтиться. Намъ предписано приготовить все для изслѣдованія Южной Африки и у Моргедскаго водопада ждать полковника Эвереста изъ Кембриджской обсерваторіи. Мы здѣсь и ждемъ. Чего вы еще желаете, уважаемый другъ?

Охотникъ не находилъ это убѣдительнымъ, и рука его лихорадочно сжимала винтовку, изъ которой можно застрѣлить конической пулей антилопу или дикую кошку на разстояніи девятисотъ ярдовъ. Свои прежнія отравленныя стрѣлы бушменъ промѣнялъ на болѣе совершенное европейское оружіе.

— Но не ошиблись ли вы, господинъ Эмери,—возразилъ Мокумъ.—Дѣйствительно ли у Моргеда и въ концѣ января вамъ назначено это свиданіе.

— Да, мой другъ,—отвѣтилъ спокойно Вилльямъ Эмери,— и вотъ письмо г. Эри, директора Гринвической обсерваторіи, которое можетъ служить доказательствомъ, что я не ошибся.

Бушменъ взялъ письмо, которое ему далъ его компаньонъ, повертѣлъ его, повернулъ, какъ человѣкъ, не умѣющій читать, и возвратилъ назадъ.

— Повторите мнѣ еще,—сказалъ онъ,—что разсказано на этомъ исписанномъ кусочкѣ.

Молодой ученый, обладающій необыкновеннымъ терпѣніемъ,

въ двадцатый разъ сталъ передавать содержаніе письма своему другу охотнику.

Въ послѣднихъ числахъ прошлаго года Вилльямъ Эмери получилъ это письмо, извѣщающее его о скоромъ пріѣздѣ полковника Эвереста съ ученой комиссіей. Цѣли этой комиссіи, ея отправленія въ пустынную часть Африки, Эмери не зналъ, но приготовилъ все, что было нужно для продовольствія каравана. Затѣмъ слышавши о туземномъ охотникѣ Мокумѣ, сопровождавшемъ Андерсона по западной Африкѣ и Ливингстона, онъ предложилъ ему начальство надъ караваномъ. Уладивъ дѣло съ бушменомъ, хорошо знающимъ мѣстность, онъ отправился, наконецъ, къ Моргедскому водопаду, гдѣ долженъ былъ ждать членовъ комиссіи, которые плыли на британскомъ фрегатѣ «Августа» къ устью рѣки Оранжевой, а по ней вверхъ до водопадовъ. Эмери и Мокумъ пріѣхали съ фурой, которую считали необходимой для перевозки иностранцевъ и багажа, если они по рѣкѣ Оранжевой не обойдутъ Моргедскіе водопады.

Окончивъ изложеніе письма, на этотъ разъ усвоенное бушменомъ, Эмери подошелъ съ нимъ къ краю глубокаго обрыва, гдѣ съ грохотомъ катилась пѣнистая рѣка. Астрономъ остановился. Съ этого высокаго мѣста было видно теченіе на много миль.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Мокумъ и его товарищъ внимательно смотрѣли на рѣку, которая дальше катилась тихо и плавно. Ни лодки, ни пироги не было видно на всемъ протяженіи рѣки. Наступилъ уже третій часъ. Январь этого мѣста соотвѣтствуетъ нашему іюлю, и солнечные лучи, падающіе почти отвѣсно, нагрѣвали воздухъ до 150° по Фаренгейту въ тѣни. Безъ западнаго вѣтра, который уменьшалъ немного эту температуру, было бы невозможно дышать никому, кромѣ бушмена. Между тѣмъ, молодой ученый, очень худощавый, весь изъ нервовъ и костей, почти не страдалъ отъ этого. Густая листва деревьевъ, которая нависала надъ обрывомъ, закрывала ихъ отъ солнечныхъ лучей. Ни одна птица не оживляла пустыню въ эти жаркіе часы. Ни одно четвероногое не покидало прохладнаго убѣжища въ кустарникахъ и не появлялось на прогалинѣ. Кругомъ было тихо, и только водопадъ наполнялъ воздухъ своимъ ревомъ.

Минутъ черезъ десять наблюденія за рѣкой Мокумъ повернулся къ Вильяму Эмери, топая своей широкой ногой отъ нетерпѣнія. Его зоркіе глаза ничего не открыли.

— А если эти люди не прiѣдутъ?—спросилъ онъ молодого человѣка.

— Они прибудутъ, мой храбрый охотникъ,—отвѣчалъ Вильямъ Эмери.—Они люди слова и будутъ точны, какъ астрономы. Впрочемъ, въ чемъ вы ихъ упрекаете? Въ письмѣ сказано, что они прибудутъ въ концѣ января. У насъ двадцать седьмое, и эти господа имѣютъ еще въ своемъ распоряженiи четыре дня, чтобы прибыть во время къ водопаду.

— Что будетъ, если и черезъ четыре дня они не явятся?—спросилъ бушменъ.

— Это будетъ случай для испытанiя нашего терпѣнiя, такъ какъ мы ихъ будемъ ждать такого времени, пока не узнаемъ, что они совсѣмъ не прiѣдутъ.

— О, богъ нашъ Ко!—вскричалъ бушменъ во все горло,—у васъ какъ видно хватитъ терпѣнiя ждать пока Гарiепо не перестанетъ низвергать свои воды въ эту бездну!

— Нѣтъ, другъ, нѣтъ!—отвѣтилъ Вильямъ Эмери, какъ всегда спокойный.—Нужно только, чтобы всѣми нашими дѣйствiями руководилъ разсудокъ. А что онъ намъ говоритъ теперь? Что будетъ, если капитанъ Эверестъ и его компаньоны, измученные труднымъ путешествiемъ, недостаткомъ во всемъ необходимомъ, заблудившiеся въ этой пустынѣ и прибывши, наконецъ, къ условленному мѣсту, насъ не найдутъ? Мы должны оставаться на мѣстѣ, иначе мы будемъ причиной, если съ ними случится какое-нибудь несчастье. Да и кромѣ того, мы ни въ чемъ здѣсь не нуждаемся. Наша фура, находящаяся въ долинѣ, служитъ великолѣпнымъ мѣстомъ для ночлега. Провизiи у насъ достаточно. Природа великолѣпна. Удовольствiе провести нѣсколько дней въ этомъ восхитительномъ лѣсу, на берегу этой несравненной рѣки, для меня совершенно ново! Что же касается васъ, Мокумъ, то чего вы можете еще желать? Пернатой и четвероногой дичи сколько угодно, и ваше ружье доставитъ намъ пропитанiе. Охотьтесь, мой храбрый другъ, убивайте время, убивая ланей и буйволовъ. Идите, добрый бушменъ!.. Я буду стеречь, а вы охотясь не рискуете, что ваши ноги вростутъ въ землю.

Охотнику понравился совѣтъ астронома, и онъ сейчасъ отправился поохотиться нѣсколько часовъ въ кустарники и ближнiя заросли. Львы, гiены и леопарды не были страшны такому охотнику, какъ онъ, сжившемуся съ африканскими лѣсами.

Онъ свистнулъ свою собаку Топа, похожую на гіену калагарійской пустыни, происходящую изъ той породы, изъ которой балабасы когда-то обучали гончихъ собакъ. Умное животное, которое такъ же теряло терпѣніе, какъ и хозяинъ, весело залаяло, выскочивъ на призывъ своего хозяина, и, казалось, одобряло рѣшеніе бушмена. Скоро охотникъ и собака скрылись въ лѣсу за массою зелени, тянувшейся далеко за водопадомъ.

Вильямъ Эмери, оставшись одинъ, легъ и сталъ думать о настоящемъ положеніи дѣлъ. Онъ находился далеко отъ жилыхъ мѣстъ, на берегу Оранжевой, еще мало обитаемой рѣки. Онъ ждалъ своихъ товарищей, которые оставили свою страну и подвергались всѣмъ случайностямъ дальней экспедиціи. Какая цѣль этой экспедиціи? Какую научную задачу хотѣли они рѣшить въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ Южной Африки?

Какія наблюденія хотѣли они сдѣлать на южной тридцатой параллели? Обо всемъ этомъ уважаемый Эри, директоръ Гринвичской обсерваторіи, ничего не сообщалъ въ письмѣ. У него, у Эмери, просили только содѣйствія, какъ у ученаго, освѣдомленнаго съ климатомъ и мѣстностью этихъ широтъ, и такъ какъ, повидимому, цѣль была научная, то его участіе въ экспедиціи, было несомнѣнно особенно полезно всѣмъ. Пока молодой астрономъ размышлялъ объ этихъ вещахъ и предлагалъ себѣ тысячу вопросовъ, на которые не могъ отвѣтить, сонъ сморилъ его, и онъ незамѣтно крѣпко заснулъ. Когда-же онъ проснулся, солнце уже скрылось за живописными холмами, которые рѣзко темнѣли на залитомъ его лучами горизонтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ почувствовалъ, что пора ужинать. Было уже шесть часовъ вечера, и пора было идти къ фурѣ, оставленной въ долинѣ.

Въ эту самую минуту раздался выстрѣлъ въ лѣсу съ правой стороны за холмами, и слѣдомъ за выстрѣломъ бушменъ и Топъ появились на опушкѣ. Мокумъ тащилъ убитое животное, которое только что застрѣлилъ.

— Идите, идите, господинъ поставщикъ!—закричалъ Вильямъ Эмери.—Что вы принесли намъ къ ужину?

— Козленка, господинъ Вильямъ, — отвѣтилъ охотникъ, бросая на землю животное, рога котораго походили на лиру.

Это былъ родъ антилопы, извѣстной болѣе подъ названіемъ «прыгающаго козла», который водится во всей Южной Африкѣ— прекрасное животное, спина котораго покрыта шелковистой

густой шерстью бѣлаго цвѣта, испещреннаго коричневыми пятнами. Его очень вкусное мясо было обречено на ужинъ. Охотникъ и астрономъ перекинули животное на палку и понесли его къ мѣсту своей стоянки, въ узкомъ ущельѣ долины, гдѣ стояла ихъ фура, охраняемая двумя бушменами-проводниками.

II. Офиціальное представленіе.

28-го, 29-го и 30-го января Мокумъ и Вильямъ Эмери не покидали мѣста, назначеннаго для встрѣчи. Въ то время, когда бушменъ, увлекаемый инстинктами охотника, преслѣдовалъ дичь въ лѣсу, окружающемъ водопадъ, молодой астрономъ занимался наблюденіемъ природы. Видъ этой дикой и величественной природы восхищалъ и наполнялъ его душу новыми впечатлѣніями. Ему, человѣку, занятому цифрами, таблицами, проводящему дни и ночи у телескоповъ, чтобы видѣть проходъ небесныхъ свѣтилъ черезъ меридіанъ, доставляли большое наслажденіе, жизнь подъ открытымъ небомъ въ непроходимомъ лѣсу, покрывающемъ холмы и пустынныя вершины, и радужныя облака изъ мелкой пыли Моргедскаго водопада. Это была радость человѣка, умъ котораго всегда занятъ математическими выкладками, поддаться поэтическому настроенію. Онъ не замѣчалъ времени ожиданія и отдыхалъ душой и тѣломъ. Новизна обстановки отчасти объясняла то неистощимое терпѣніе, которымъ отличался онъ и котораго, естественно, не могъ раздѣлять бушменъ. Охотникъ-же все время горѣлъ нетерпѣніемъ, и молодой астрономъ тщетно старался успокоить его своими хладнокровными совѣтами.

Наконецъ, наступило 31-е января, крайній день, по словамъ почтеннаго Эри. Если ученые въ этотъ день не явятся, Вильяму Эмери надо будетъ на что-нибудь рѣшиться. Ожиданія казалось, были напрасны и сколько еще ждать?

— Господинъ Вильямъ,—сказалъ охотникъ, — почему бы намъ не пойти навстрѣчу ожидаемымъ? Мы не можемъ идти по другому пути. Нѣтъ другой дороги, кромѣ этой, и если вашъ листокъ бумаги говоритъ, что они поѣдутъ вверхъ по рѣкѣ, то мы непремѣнно ихъ встрѣтимъ.

— Какая прекрасная мысль, Мокумъ!—воскликнулъ астрономъ.—Пойдемъ на встрѣчу имъ по теченію. Если мы пройдмеъ

даромъ, то вернемся южными долинами. Но скажите, пожалуйста, вы хорошо знаете здѣсь Оранжевую рѣку?

— Да!—отвѣтилъ охотникъ,—я два раза поднимался отъ мыса Вольпасъ до сліянія рѣки съ Гартомъ на границѣ Трансваальской республики.

— А теченіе ея вездѣ судоходно, кромѣ Моргедскихъ водопадовъ?

— Да вездѣ,—отвѣтилъ бушменъ.—Исключеніе бываетъ къ концу сухого времени года, когда она мелѣетъ миль на пять, на шесть отъ устья. Въ это время на ней образуется песчаная запруда, о которую разбиваются волны.

— Это не важно, потому что теперь до конца лѣта далеко, и значитъ, устье судоходно. Это не можетъ быть причиной ихъ задержанія и они прибудутъ.

Бушменъ не возразилъ. Онъ закинулъ карабинъ за плечи, свистнулъ Топа и пошелъ въ сопровожденіи своего товарища по дорожкѣ, которая спускалась съ четырехъ сотъ футовъ къ нижней части водопада.

Было девять часовъ утра. Два наши изслѣдователя, они могли назваться этимъ именемъ, шли по лѣвому берегу рѣки. Дорога эта была ужасна. Берегъ рѣки сплошь былъ покрытъ деревьями и кустарниками. Тонкія ліаны спутывали одно дерево съ другимъ и представляли почти непроницаемую зеленую сѣтку. Но ножъ бушмена не оставался въ бездѣйствіи и безжалостно разсѣкалъ вѣтви, загораживающія дорогу. Вильямъ Эмери вдыхалъ полной грудью ароматный воздухъ лѣса, насыщенный запахомъ камфоры. Къ одиннадцати часамъ они прошли около четырехъ миль.

Вѣтеръ дулъ къ западу, къ водопаду, и шумъ его не былъ слышенъ. Напротивъ, шумъ снизу рѣки доносился отчетливо и ясно.

— Остановимся въ этомъ мѣстѣ,—сказалъ астрономъ—и и отдохнемъ. Такъ какъ я не обладаю вашими ногами, то я непрочь передохнуть послѣ этого пути. Отсюда мы видимъ рѣку мили на три, и если покажется пароходъ, мы его замѣтимъ сразу.

Молодой астрономъ прислонился къ гигантскому платану, вершина котораго находилась на высотѣ сорока футовъ. Отсюда рѣка была видна далеко. Охотникъ, который не привыкъ сидѣть, прохаживался по берегу, въ то время какъ Томъ спугивалъ дикихъ птицъ.

Бушменъ и его товарищъ не пробыли на этомъ мѣстѣ и

получаса, какъ Вильямъ Эмери увидѣлъ, что Мокумъ, вдругъ остановившись, сталъ къ чему-то внимательно прислушиваться. Ужъ не услышалъ ли онъ шумъ ожидаемаго парохода?

Астрономъ быстро оставилъ свое мѣсто, покрытое мхомъ, и подошелъ къ охотнику. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на него.

— Видите вы что-нибудь, Мокумъ? — спросилъ онъ его наконецъ.

— Нѣтъ, я не вижу ничего, господинъ Вильямъ, — отвѣтилъ охотникъ,—но я слышу какой-то шумъ, который доносится снизу рѣки.

Воцарилось молчаніе; бушменъ опустился на колѣни, приложилъ ухо къ землѣ и сталъ чутко прислушиваться.

Затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Я ошибся. Это шумъ ничто другое, какъ шумъ воды, ударяющейся о камни, и шелестъ листьевъ. Однако...

И онъ снова сталъ прислушиваться, но ничего не услыхалъ.

— Мокумъ, — сказала тогда Вильямъ Эмери, — если этотъ шумъ, который вамъ послышался, шумъ парохода, то вы лучше услышите, если приложите ухо къ поверхности рѣки. Вода лучше отражаетъ звукъ, чѣмъ земля.

— Вы говорите правду, господинъ Вильямъ, — отвѣтилъ охотникъ,—я нѣсколько разъ выслѣживалъ такъ гиппопотама.

И онъ тотчасъ сталъ спускаться къ рѣкѣ съ очень крутого берега, держась за ліаны и траву. Спустившись къ рѣкѣ, онъ быстро вошелъ по колѣно въ воду, наклонился и приложилъ ухо къ поверхности воды.

— Да!—вскричалъ онъ, почти тотчасъ,—да! я не ошибся. За нѣсколько миль, внизу, слышенъ шумъ, какъ бы отъ ударовъ о воду.

— Шумъ!—воскликнулъ астрономъ.

— Вѣроятно, господинъ Эмери, тѣ, кого мы ждемъ, недалеко!

Вильямъ Эмери, знающій, какимъ тонкимъ слухомъ, обоняніемъ и зрѣніемъ обладаетъ охотникъ, не сомнѣвался въ его словахъ.

Они рѣшили остаться на этомъ высокомъ берегу, съ котораго хорошо была видна рѣка, и ждать. Прошло полчаса. Вильямъ Эмери, несмотря на свое природное спокойствіе и терпѣніе, находилъ ихъ безконечными. Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ видитъ приближающійся пароходъ. Но зрѣніе

его обманывало. Наконецъ, восклицаніе бушмена заставило забиться его сердце.

— Дымъ!—закричалъ Мокумъ.

Вильямъ Эмери сталъ смотрѣть вдаль, куда смотрѣлъ охотникъ, и увидалъ на поворотѣ черную полосу дыма и бѣлаго пара. Повидимому, пароходъ ускорялъ ходъ, чтобы пріѣхать на свиданіе въ назначенный срокъ.

Судно находилось въ 7 миляхъ отъ Моргедскаго водопада.

Былъ уже полдень. Такъ какъ здѣсь съ парохода было неудобно сойти, то астрономъ рѣшилъ вернуться къ водопаду. Онъ сообщилъ объ этомъ охотнику, который ничего не отвѣтивъ, тотчасъ пошелъ по проложенной имъ дорогѣ, по лѣвому берегу рѣки. Вильямъ Эмери слѣдовалъ за своимъ товарищемъ, и обернувшись на послѣднемъ поворотѣ рѣки, увидѣлъ англійскій флагъ, который развѣвался на суднѣ.

Они возвращались очень быстро и черезъ часъ астрономъ и бушменъ находились въ четверти мили отъ водопада. Въ этомъ мѣстѣ рѣка, врѣзываясь полукругомъ въ берегъ, образовывала бухту, въ которой пароходъ могъ остановиться, такъ какъ вода здѣсь была достаточно глубока.

Судно не должно было быть далеко, оно уже нагоняло нашихъ пѣшеходовъ, несмотря на ихъ быстрый шагъ. Хотя его еще не было видно за выступомъ берега, поросшаго высокими деревьями и мѣшающими видѣть ожидаемыхъ, но уже ясно было слышно его пыхтѣніе. Затѣмъ раздались рѣзкіе свистки. Эти свистки не прекращались: ими экипажъ старался дать знать о своемъ приближеніи къ водопаду. Это былъ сигналъ, предназначенный для Эмери. Охотникъ отвѣтилъ на него выстрѣломъ изъ карабина, повтореннымъ эхомъ.

Наконецъ, пароходъ показался, и съ него замѣтили Вильяма Эмери и его товарища.

По знаку, данному астрономомъ, судно повернуло и тихо пристало къ берегу. Бросили причалъ. Бушменъ поймалъ его и привязалъ къ пню. Съ парохода быстро сошелъ на берегъ высокій человѣкъ и подошелъ къ Вильяму Эмери.

Вильямъ Эмери тоже двинулся къ нему, говоря:

— Полковникъ Эверестъ?

— Господинъ Эмери?—отвѣтилъ полковникъ.

Астрономъ и его товарищъ по обсерваторіи раскланялись и пожали другъ другу руки.

— Господа,—сказалъ полковникъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ,—позвольте васъ познакомить съ уважаемымъ Вильямомъ Эмери, астрономомъ при Капштадтской обсерваторіи, который былъ такъ любезенъ, что встрѣтилъ насъ у Моргедскихъ водопадовъ.

Четыре пассажира, сошедшихъ слѣдомъ за полковникомъ, раскланялись съ Вильямомъ Эмери.

Затѣмъ полковникъ назвалъ ихъ другъ другу съ чисто англійской любезностью.

— Господинъ Эмери, сэръ Джонъ Мурей изъ Девоншира, вашъ соотечественникъ; господинъ Матвѣй Струксъ съ Пулковской обсерваторіи; господинъ Николай Паландеръ съ Гельсингфорской обсерваторіи и господинъ Михаилъ Цорнъ съ Кіевской обсерваторіи—три русскихъ представителя въ нашей международной экспедиціи.

III. Волокомъ.

Когда представленія окончились, Вильямъ Эмери сказалъ, что ждетъ сообщеній отъ прибывшихъ. Будучи молодымъ астрономомъ Капштадтской обсерваторіи, онъ считалъ себя въ зависимости отъ полковника Эвереста, представителя Англіи, предсѣдательствующаго съ Матвѣемъ Струксомъ въ международной экспедиціи. Онъ зналъ также Эвереста, какъ извѣстнаго изслѣдователя измѣненій туманныхъ пятенъ. Этотъ астрономъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, холодный и методичный, жизнь котораго была разсчитана часъ въ часъ. Непредвидѣннаго для него не было ничего. Его поведеніе во всемъ было не менѣе точно, чѣмъ переходъ небесныхъ свѣтилъ черезъ меридіанъ. Можно было сказать, что всѣ поступки его жизни были вывѣрены по хронометру. Вильямъ Эмери зналъ его точность, и для него не было сомнѣнія, что ученая экспедиція не можетъ запоздать ни на день. Молодой астрономъ теперь ждалъ, когда полковникъ объяснитъ ему цѣль экспедиціи, направляющейся въ южную Африку. Но полковникъ Эверестъ молчалъ, и Эмери не счелъ возможнымъ его спрашивать. Вѣроятно, по соображеніямъ полковника, не пришло еще время, когда надо было сказать ему объ этомъ.

Вильямъ Эмери также слыхалъ о богачѣ-ученомъ, Джонѣ Мурeѣ, соревнователѣ Джемса Росса и лорда Эльджина, который оффиціально не занималъ никакой должности, но былъ и зѣ

стенъ своими учеными трудами. Кромѣ того, для науки онъ сдѣлалъ огромныя денежныя пожертвованія. Такъ онъ далъ двадцать тысячъ стерлинговъ на устройство грандіознаго рефлектора, съ помощью котораго удалось сдѣлать наблюденія надъ двойными звѣздами. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, по виду вельможа, съ безстрастнымъ лицомъ, по которому нельзя было судить о его характерѣ.

Что касается трехъ русскихъ—Струкса, Паландера и Цорна, то имена ихъ тоже были достаточно извѣстны Вильяму Эмери, хотя молодой астрономъ ихъ лично и не зналъ. Николай Паландеръ и Михаилъ Цорнъ видимо выдѣляли Матвѣя Струкса, благодаря его положенію и его ученымъ заслугамъ.

Вильямъ Эмери замѣтилъ, что ученыхъ было по трое—трое англичанъ и трое русскихъ. Экипажъ парохода, называвшагося «Королева и Царь» состоялъ тоже изъ пяти русскихъ и пяти англичанъ.

— Господинъ Эмери, — сказалъ полковникъ Эверестъ, — послѣ того, какъ мы представились другъ другу, мы теперь уже старые знакомые, точно совершившіе путешествіе отъ Лондона къ мысу Вольпасу. Я чувствую къ вамъ большее уваженіе за ваши труды, которыми вы, несмотря на вашу молодость составили уже имя въ наукѣ. Это я просилъ англійское правительство, чтобы вы были назначены въ нашу экспедицію.

Вильямъ Эмери поблагодарилъ полковника и подумалъ, что теперь, наконецъ, онъ узнаетъ цѣль этой экспедиціи, но полковникъ Эверестъ не сказалъ ни слова по этому поводу.

— Господинъ Эмери, — произнесъ онъ, — все-ли у васъ готово?

— Все,—отвѣчалъ астрономъ,—получивъ предписаніе отъ господина Эри, я выѣхалъ изъ Капштадта мѣсяцъ тому назадъ и, пріѣхавъ въ Латуку, заготовилъ все нужное для путешествія: провизію, повозки, лошадей и бушменовъ. У васъ будетъ конвой изъ ста вооруженныхъ людей; предводительствовать ими будетъ извѣстный охотникъ бушменъ Мокумъ.

— Бушменъ Мокумъ! — воскликнулъ полковникъ, если можно назвать восклицаніемъ ровный и холодный тонъ, которымъ были сказаны эти слова: — бушменъ Мокумъ—я знаю это имя.

— Вотъ онъ!—сказалъ Эмери представляя бушмена.

— Ваше имя хорошо мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ Эверестъ.

Вы были другомъ Андерсона и проводникомъ знаменитаго Ливинстона. Я благодарю васъ отъ имени всей Англіи и очень признателенъ господину Эмери за то, что онъ пригласилъ васъ начальникомъ каравана. Такой охотникъ, какъ вы, долженъ любить оружіе, а такъ какъ у насъ его большой выборъ, то прошу васъ взять, что вамъ понравится. Я знаю, что оно будетъ въ хорошихъ рукахъ.

Радостная улыбка появилась на губахъ бушмена. Вниманіе Англіи было безусловно ему пріятно, но далеко не такъ, какъ предложеніе Эвереста.

Онъ поблагодарилъ полковника и отошелъ, чтобы не мѣшать разговаривать европейцамъ.

Молодой астрономъ подробно разсказалъ, какъ организована экспедиція и Эверестъ, казалось, остался доволенъ всѣмъ. Теперь имъ нужно было поскорѣе добраться до города Латуки, чтобы съ этого мѣста отправиться въ первыхъ числахъ марта, послѣ сезона дождей.

— Нужно рѣшить полковникъ,—сказалъ Эмери,—какимъ образомъ мы доберемся до этого города.

— По Оранжевой рѣкѣ, а потомъ по ея притоку Куроману, который протекаетъ возлѣ Латуки.

— Очень хорошо,—сказалъ астрономъ,—но пароходу не пробраться черезъ Моргедскій водопадъ.

— Мы обойдемъ водопадъ, господинъ Эмери, — сказалъ полковникъ,—потомъ снова сядемъ на пароходъ. Кажется вѣдь рѣка судоходна отъ верховья водопадовъ до Латуки, и на нашемъ плоскодонномъ суднѣ мы поднимемся по ней.

— Безъ сомнѣнія, полковникъ, — возразилъ астрономъ, — но вашъ пароходъ слишкомъ тяжелъ.

— Господинъ Эмери, — отвѣтилъ полковникъ Эверестъ — это судно—образцовое произведеніе Leard & C° въ Ливерпулѣ. Оно легко разбирается на части. Отвертка и нѣсколько ключей все что нужно людямъ для этого. Вы же, конечно, имѣете фуру у Моргедскаго водопада.

— Да, полковникъ,—отвѣчалъ Эмери. — Нашъ лагерь находится не далѣе мили отъ этого мѣста.

— Тогда я попрошу бушмена сходить за фурою. Въ нее мы положимъ разобранныя части судна, машину, а сами пойдемъ до того мѣста Оранжевой рѣки, гдѣ она снова становится судоходной.

Приказаніе полковника было тотчасъ исполнено. Бушменъ скоро исчезъ въ чащѣ, обѣщая черезъ часъ вернуться. Во время его отсутствія пароходъ стали разгружать. Грузъ былъ не особенно великъ. Онъ состоялъ изъ ящиковъ съ физическими инструментами, коллекціи ружей фабрики Пардей Муре, нѣсколькихъ сосудовъ съ водкой, ящиковъ съ сушенымъ мясомъ, холста для палатокъ и другихъ необходимыхъ вещей, изъ гутаперчевой складной лодки и всякихъ принадлежностей, необходимыхъ для путешествія, и наконецъ, изъ митральезы, хотя еще не усовершенствованной, но все же страшной для непріятеля, который вздумалъ бы напасть на пароходъ.

Всѣ эти предметы были снесены на берегъ. Машина въ восемь лошадиныхъ силъ, вѣсомъ въ цвѣсти десять килограмовъ, была разобрана на три части: корпусъ, паровикъ, механизмъ, отдѣляющійся отъ паровика однимъ поворотомъ ключа.

На суднѣ находилось помѣщеніе для машины, кладовая и каюты для экипажа, для полковника и его товарищей. Сразу были убраны всѣ перегородки, сундуки и кушетки. Пароходъ теперь состоялъ только изъ одного кузова.

Этотъ кузовъ, длиною въ тридцать пять футовъ, состоялъ изъ трехъ частей, такъ же какъ и у парохода Ливингстона, на которомъ онъ совершилъ свое первое путешествіе по Замбези. Онъ былъ сдѣланъ изъ гальванизированной стали, которая была очень легка и прочна. Всѣ части его были между собою скрѣплены такой же сталью для предохраненія отъ всякой порчи и течи. Вильямъ Эмери былъ пораженъ быстротой и легкостью, съ какой была снаряжена разборная фура, раньше часа, въ сопровожденіи двухъ бушменовъ прибыла на мѣсто, и все уже было готово къ отправленію. Эта фура самаго первобытнаго устройства, была поставлена на четырехъ крѣпкихъ колесахъ, причемъ между передними и задними колесами было разстояніе въ двадцать футовъ. Эта тяжелая махина передвигалась при помощи шести домашнихъ буйволовъ, погоняемыхъ остроконечной палкой. Только эти животные и могли тащить такую тяжесть.

Экипажъ «Королевы и Царя» съ ловкостью и быстротой размѣстилъ все на фуру. Болѣе тяжелыя части были положены надъ осями, а болѣе легкія въ серединѣ. Что же касается самихъ путешественниковъ, то переходъ въ четыре мили являлся для нихъ не болѣе, какъ прогулкой.

Въ три часа вечера, когда все было готово, Эверестъ далъ сигналъ къ выступленію. Полковникъ Эверестъ, его товарищи и Эмери шли впереди, бушменъ и экипажъ съ фурой слѣдовали позади.

Этотъ переходъ не былъ особенно утомителенъ. Подъемы и спуски не были очень круты и не особенно задерживали фуру. Что касается путешественниковъ, то они шли совсѣмъ легко. Разговоръ былъ общій, но о цѣли экспедиціи все еще не говорилось. Европейцы были въ восторгѣ отъ грандіозныхъ видовъ, разстилающихся передъ ихъ глазами. Эта величавая и прекрасная природа въ своей дикости очаровала ихъ такъ же, какъ и астронома. Они еще не привыкли къ картинамъ этой части Африки. Они удивлялись, но высказывали это со сдержанностью англичанъ, которые противъ всего, что можетъ показаться восторгомъ. Но водопадъ не смогъ не вызвать ихъ восклицанія, хотя и умѣренно высказаннаго: «Nil admirari» (ничему не удивляться) было ихъ девизомъ.

Вильямъ Эмери обращалъ вниманіе ихъ на всѣ особенности африканскаго лѣса. Въ половинѣ пятаго Моргедскій водопадъ былъ обойденъ. Европейцы взошли на площадку, откуда была прекрасно видна протекающая рѣка, постепенно скрывающаяся изъ глазъ. Они расположились на берегу и стали ждать фуры, которая показалась на холмѣ около пяти часовъ. Ея путешествіе было совершено вполнѣ благополучно. Полковникъ Эверестъ отдалъ приказаніе о разгрузкѣ и сказалъ, что завтра всѣ снова поѣдутъ водою.

Вся ночь прошла въ работѣ: кузовъ парохода былъ собранъ менѣе чѣмъ въ часъ, машина поставлена на мѣсто, металлическія перегородки были возстановлены между каютами и кладовыми, всѣ тюки были разложены въ образцовомъ порядкѣ; все это было сдѣлано ловко и быстро, благодаря образцовой выдержкѣ экипажа «Королевы и Царя». Эти англичане и русскіе были люди выдержанные, дисциплинированные и смышленые, на которыхъ можно вполнѣ положиться. Утромъ, перваго февраля, судно было уже готово. Черный дымъ вырывался изъ трубы и бѣлый паръ клубился, выпускаемый машинистомъ. Машина была съ высокимъ давленіемъ безъ конденсатора и выпускала паръ при каждомъ ударѣ поршня по системѣ локомотивовъ. Паровикъ былъ очень хорошо устроенъ, съ огромной поверхностью для нагрѣва, и менѣе чѣмъ въ пол-

часа доставлялъ нужное количество пара. Для топки сдѣлали тотчасъ большой запасъ изъ чернаго и багаутоваго дерева, которые росли въ окрестности.

Въ шесть часовъ утра полковникъ Эверестъ далъ сигналъ къ отплытію. Пассажиры и матросы вошли на судно «Королева и Царь». Охотникъ, который также хорошо зналъ и рѣку, сопровождалъ ихъ, оставивъ фуру двумъ бушменамъ для доставки въ Латуку.

Въ ту минуту, когда пароходъ долженъ былъ отойти, полковникъ Эверестъ сказалъ астроному:

— Кстати, господинъ Эмери, знаете ли вы цѣль нашей поѣздки?

— Не имѣю даже представленія.

— Наша задача, дорогой Эмери, измѣрить дугу меридіана въ Южной Африкѣ.

III. Нѣсколько словъ о метрѣ.

Еще въ очень давнія времена у людей возникла идея объ установленіи мѣры длины универсальной и неизмѣнной, взятой изъ самой природы. Эта мѣра должна была быть всегда такой, которую легко опредѣлить, и которая бы не измѣнялась въ зависимости отъ какихъ бы то ни было переворотовъ на земной поверхности. Но раньше сдѣлать это было невозможно.

Лучшимъ средствомъ для вычисленія такой единицы мѣры должно было служить измѣреніе окружности земного шара или части этой окружности, такъ какъ она почти не измѣняется.

Древніе старались найти эту мѣру. Аристотель, по словамъ его современниковъ, считалъ стадію или египетскій локоть, временъ Сезостриса, за стотысячную часть разстоянія отъ полюса до экватора. Эратосфенъ вычислялъ длину градуса, измѣряя теченіе Нила между Сіеной и Александріей, но это все были вѣрнѣе гаданья, чѣмъ математическія измѣренія, такъ какъ въ то время не было ни инструментовъ, ни знанія пріемовъ.

Первымъ явился Пикаръ, который во Франціи началъ регулировать способы для измѣренія длины градуса, и въ 1669 году опредѣлилъ длину небесной дуги и земной дуги между Парижемъ и Аміеномъ, вычисливши длину градуса въ пятьдесятъ семь тысячъ шестьдесятъ туазовъ.

Съ 1683 г. по 1718 Доминикъ Кассини и Лагиръ продолжали измѣреніе Пикара до Дюнкирхена и Коліура. Франсуа Кассини и Лакайль провѣрили это вычисленіе въ 1739 году. Измѣреніе дуги этого меридіана было продолжено до Барцелоны въ Испаніи Мешеномъ. Послѣ смерти Мешена измѣреніе дуги французскаго меридіана было возобновлено Араго и Біо въ 1807 году. Они продолжили измѣреніе до Болеарскихъ острововъ. Дуга простиралась отъ Дюркирхена до Форментеры и пересѣкалась посрединѣ сорокъ пятой сѣверной параллелью, находящейся на равномъ разстояніи отъ экватора и сѣвернаго полюса. Это измѣреніе дало среднюю длину дуги въ одинъ градусъ, равную во Франціи пятидесяти семи тысячамъ двадцати пяти туазамъ.

Только одни французскіе ученые до того времени занимались этими измѣреніями. Въ 1790 году, по предложенію Талейрана, Національное собраніе издало декретъ, которымъ предлагалось академіи наукъ найти единицу для всѣхъ мѣръ и вѣсовъ. Бордъ, Лапласъ, Монжъ и Кондросе предложили за единицу мѣры длины принять одну десятимилліонную часть четверти меридіана, а за единицу вѣса—вѣсъ одного кубическаго сантиметра дистиллированной воды. Эти мѣры и были установлены.

Впослѣдствіи эти опредѣленія длины одного градуса меридіана производились въ различныхъ мѣстахъ, а такъ какъ земной шаръ не является правильнымъ шаромъ, а элипсоидомъ, то, чтобы опредѣлить его сплющенность у полюсовъ, нужно было сдѣлать множество измѣреній.

Мопертюи, Клеръ, Камюсъ, Лемонье, Утье и Цельсій дѣлали измѣренія въ Лапландіи въ 1736 году и опредѣлили длину одного градуса въ пятьдесятъ семь тысячъ четыреста девятнадцать туазовъ.

Ла Кондаминъ, Буге, Годенъ, Жуанъ и Антоніо Уллоа измѣрили градусъ меридіана въ Перу въ 1745 году, опредѣливъ его длину въ пятьдесятъ шесть тысячъ семьсотъ тридцать семь туазовъ.

Лакайль измѣрилъ градусъ на мысѣ Доброй Надежды въ 1752 г. въ пятьдесятъ семь тысячъ тридцать семь туазовъ.

Въ 1754 году монахи Меръ и Босковичъ сдѣлали измѣреніе между Римомъ и Римини и вычислили длину градуса въ пятьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ семьдесятъ три туаза.

*

Бекарія въ Пьемонтѣ опредѣлилъ длину градуса въ 1762 и 1763 году въ пятьдесятъ семь тысячъ четыреста шестьдесятъ восемь туазовъ.

Въ 1768 году астрономы Мазонъ и Диксонъ измѣрили дугу меридіана въ Сѣверной Америкѣ возлѣ Мериланда и Пенсильваніи и опредѣлили длину въ пятьдесятъ шесть тысячъ восемьсотъ восемьдесятъ восемь туазовъ. Въ девятнадцатомъ столѣтіи были сдѣланы измѣренія въ восточной Индіи, Бенгаліи, Пьемонтѣ, Финляндіи, Курляндіи, Ганноверѣ, Прусіи, Даніи и другихъ мѣстахъ. Англичане и русскіе менѣе другихъ занимались этими работами. Главная работа англичанъ была сдѣлана Ройемъ для сравненія мѣръ англійскихъ съ французскими въ 1784 году.

Судя по всѣмъ измѣреніямъ, можно сказать, что длина градуса равняется пятидесяти семи тысячамъ туазовъ, т.-е. двадцати пяти стариннымъ французскимъ лье. По этому вычисленію опредѣлили и окружность земного шара, умноживши эту мѣру на число градусовъ земного шара, т. е. на 360, равняющуюся девяти тысячамъ лье.

Всѣ измѣренія, дѣланныя въ разныхъ мѣстахъ земного шара, не были одинаковы. Взявши за среднюю длину градуса, пятьдесятъ семь тысячъ туазовъ—вычислили, что длина метра равняется десятимилліонной части четверти земного меридіана, которая равняется тремъ футамъ одиннадцати линіямъ, двумъ стамъ девяносто шести тысячнымъ линіи. Это не совсѣмъ точно: Новыя измѣренія показали, что четверть меридіана содержитъ на восемьсотъ пятьдесятъ шесть метровъ больше. Разница эта на такомъ большомъ разстояніи не важна, но въ математическомъ вычисленіи метръ, принятый за единицу мѣры, не вѣренъ на двѣ десятитысячныя линіи.

Этотъ метръ былъ принятъ не всѣми цивилизованными народами. Такъ Англія и Россія, несмотря на преимущества метрической системы, не приняли ея. Бельгія, Испанія, Пьемонтъ, Голландія, Испанскія колоніи, Греція, республика Экуардъ, Новая Гренада, Коста-Рика приняли сразу.

Можетъ быть, эта система была бы принята и Англіей, если бы не помѣшали тому политическія осложненія. Учредительное собраніе 8 мая 1790 г., издавъ свой декретъ о метрѣ, пригласило англійскихъ ученыхъ соединиться съ французскими. На съѣздѣ должны были рѣшить, принять ли величину метра,

равную длинѣ простого маятника, дѣлающаго шестьдесятъ качаній въ минуту, или же опредѣленной части земного меридіана. Но этотъ съѣздъ не состоялся.

Въ 1854 году Англія приняла метрическую систему, но правительство рѣшило держать это въ секретѣ, пока не будутъ сдѣланы болѣе точныя вычисленія; оно вошло въ сношенія съ русскимъ правительствомъ, у котораго эта система тоже не была принята.

Трое англичанъ, полковникъ Эверестъ, сэръ Джонъ Муррей, Вильямъ Эмери и трое русскихъ, Матвѣй Струксъ, Николай Паландеръ и Михаилъ Цоръ—составили для этого изслѣдованія экспедицію. Члены этой экспедиціи рѣшили измѣрить дугу меридіана въ южномъ полушаріи, а потомъ въ сѣверномъ, и изъ этого измѣренія вывести возможно точную величину метра.

Нужно было сдѣлать выборъ, гдѣ удобнѣе приступить къ работамъ. Австралія и Новая Зеландія слишкомъ удалены, и тамошнія племена, всегда неспокойныя, могли помѣшать работѣ. Лучшимъ мѣстомъ оказалась Капская колонія. Она представляла всѣ удобства: такъ какъ она находится подъ однимъ меридіаномъ съ многими частями европейской Россіи, то сдѣлавши вычисленіе въ ней, можно сдѣлать второе такое же въ Россіи, на переѣздъ куда требуется немного времени и, наконецъ, англійскимъ и русскимъ ученымъ представляется случай провѣрить вычисленія французскаго ученаго Лакайля, сдѣлавши измѣренія въ тѣхъ же мѣстностяхъ.

Принявъ все это во вниманіе, экспедиція рѣшила сдѣлать измѣренія въ Капской колоніи. Правительства англійское и русское выразили свое согласіе и открыли для этой цѣли кредитъ; всѣ инструменты были приготовлены въ двойномъ количествѣ. Вильямъ Эмери сдѣлалъ приготовленія для путешествія въ Африку.

Кромѣ прямой цѣли измѣренія, англійскимъ и русскимъ ученымъ хотѣлось превзойти своихъ товарищей французовъ, сдѣлавши болѣе точныя вычисленія въ совершенно неизвѣстной странѣ. Чтобы доставить славу своему отечеству, они шли на всякія лишенія и трудности и даже готовы были рисковать жизнью.

Вотъ почему Вильямъ Эмери очутился у Моргедскихъ водопадовъ въ послѣднихъ числахъ января 1854 года.

IV. Поселокъ готентотовъ.

Путешествіе по верховью рѣки шло быстро. Погода измѣнилась, наступило дождливое время года, но путешественники, находящіеся въ каютѣ перохода, нисколько не страдали отъ проливныхъ дождей. Пароходъ подвигался быстро, такъ какъ рѣка была спокойна и на пути не встрѣчалось подводныхъ камней.

Берега Оранжевой рѣки были восхитительны. Они были сплошь покрыты разнообразнымъ лѣсомъ, въ которомъ щебетали стаи птицъ. Особенно красивымъ деревомъ было такъ называемое vagenboom, съ красновато-мраморной корой, темно-синими листьями и блѣдно-желтыми цвѣтами; дерево съ черной корой zwartebast и дерево съ вѣчно темно-зелеными листьями karres. Надъ берегами рѣки находились плакучія ивы и лѣсъ тянулся на нѣсколько миль въ глубь страны. Между лѣсомъ вдругъ открывалась равнина, покрытая сахарнымъ тростникомъ, изъ котораго вылетали стаи крошечныхъ птицъ, очень хорошо поющихъ, изъ породы соловьевъ, называемыхъ сахарными. Птицы здѣсь были всевозможныя. Бушменъ называлъ ихъ Джону Мурею, любителю и охотнику. Они очень скоро подружились, и Мурей подарилъ бушмену, прекрасное ружье, обѣщанное ему полковникомъ. Охотникъ былъ въ восторгѣ.

Бушмемъ и Джонъ Мурей, будучи оба охотниками, сразу поняли другъ друга. Джонъ Мурей считался лучшимъ охотникомъ въ старой Каледоніи. Съ большимъ вниманіемъ слушалъ онъ разсказы бушмена, и глаза его разгорались при видѣ жираффъ, буйволовъ, свирѣпыхъ гну съ лошадинными хвостами, массы антилопъ, газелей и другой дичи. Все это зажигало страсть охотника. Товарищи Джона Мурея оставались къ этому совершенно равнодушно. Вильямъ Эмери занимался наблюденіемъ надъ своими спутниками. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ — люди одинаково сдержаные и непроницаемы. Когда они встрѣчались утромъ, то казалось, что они видятъ другъ друга въ первый разъ. Невозможно было думать, что эти холодные люди когда-нибудь сойдутся, что было даже естественно, потому что двѣ льдины, попавшія другъ на друга, легче могутъ смерзнуться, чѣмъ два ученыхъ въ одной и той же отрасли могутъ сблизиться. Николай Паландеръ, по виду лѣтъ 55, казался все

время погруженнымъ въ свои вычисленія, да и не могло быть иначе, такъ какъ онъ могъ во всякое время помножить въ умѣ любое число на пятизначнаго множителя безъ малѣйшаго замедленія.

Болѣе подходящимъ къ себѣ, какъ по лѣтамъ, такъ и по характеру, Вильямъ Эмери считалъ Михаила Цорна. Несмотря на свою живость и молодость, это уже былъ извѣстный астрономъ. Наблюденія его надъ туманнымъ пятномъ Андромеды и открытія его въ Кіевской обсерваторіи дали ему громкую извѣстность. Вильямъ Эмери и Цорнъ скоро сдружились между собою и весело болтали. Эверестъ и Струксъ наблюдали другъ друга, Паландеръ занимался вычисленіями, а сэръ Джонъ Мурей съ Мокумомъ мечтали о принесеніи гекатомбъ богинѣ охоты.

Плаваніе по Оранжевой прошло безъ приключеній; иногда на пути попадались препятствія въ видѣ камней, утесовъ, массы острововъ, покрытыхъ лѣсомъ, но штурманъ, слушающій совѣтовъ Мокума, обходилъ всѣ эти препятствія благополучно.

Судно проплыло въ четыре дня около 240 миль и достигло Курумана, притока Оранжевой, на которомъ находился Латтуку, куда направлялась экспедиція. На тридцать лье выше Моргедскихъ водопадовъ рѣка поворачиваетъ на юго-востокъ, проходитъ по сѣверной части Капштадтской колоніи, снова поворачиваетъ къ сѣверо-востоку и теряется въ областяхъ Трансваальской республики.

Пятаго февраля, утромъ, во время сильнаго дождя, пароходъ подошелъ къ Клерватеру, готентотскому селенію. Полковникъ Эверестъ велѣлъ пароходу двигаться вверхъ по протоку. Теченіе здѣсь было очень быстро, такъ какъ рѣка шла по узкому руслу, теперь отъ дождей переполненному водой, и пароходъ долженъ былъ усилить пары, чтобы подниматься со скоростью трехъ миль въ часъ.

Во время этого переѣзда бушменъ много разъ показывалъ гипопотамовъ, которые несмотри на свои огромные размѣры были очень трусливы. Пароходъ ихъ пугалъ, а масса оружія, находящагося на борту, дѣлало его опаснымъ. Джонъ Мурей нѣсколько разъ хотѣлъ на нихъ испробовать свои разрывныя пули, но бушменъ его удерживалъ.

Въ Латтаку экспедиція прибыла 7-го февраля въ три часа, и разстояніе отъ устья Курумана прошла въ пятьдесятъ часовъ.

Пароходъ остановился у плотины. Сюда подошелъ человѣкъ, котораго Вильямъ Эмери познакомилъ со своими спутниками.

— Томасъ Даль, членъ лондонскаго миссіонерскаго общества и директоръ станціи Латтаку,—сказалъ онъ.

Европейцы поклонились, онъ поздравилъ ихъ съ счастливымъ пріѣздомъ и предложилъ свои услуги.

Селеніе Латтаку—самая сѣверная миссіонерская станція Капштадтской колоніи, дѣлится на старую и новую. Старая, почти запустѣвшая и новая—обѣ расположены въ равнинѣ, поросшей акаціями.

Новая состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, съ тысячами шестью жителей изъ племени бушменовъ. Въ нее-то и отправились наши путешественники въ сопровожденіи миссіонера.

Докторъ Давидъ Ливингстонъ прожилъ здѣсь три мѣсяца въ 1840 году. Когда пріѣхали въ Новую Латтаку, Эверестъ передалъ письмо директора отъ доктора Ливингстона. Томасъ Даль возвратилъ это письмо, сказавши, что оно очень пригодится путешественникамъ, такъ какъ рекомендація Давида Ливингстона, оставившаго по себѣ добрую память, здѣсь пригодится.

Экспедиція расположилась въ миссіонерскомъ домѣ, стоявшемъ на возвышеніи и обнесенномъ непроницаемой изгородью. Здѣсь было гораздо удобнѣе, чѣмъ у бушменовъ, если бы имъ пришлось остановиться тамъ. Хотя жилища бушменовъ и отличались чистотой и не пропускали дождя, но все-таки это были шалаши съ маленькими отверстіями для входа, такъ что не привычному человѣку трудно было въ нихъ и пробраться. Жилища эти состояли изъ одной комнаты и, значитъ, пришлось бы быть вмѣстѣ съ бушменами.

Начальникъ племени Мулибаганъ явился засвидѣтельствовать экспедиціи свое почтеніе. Онъ въ своемъ родѣ былъ красивъ въ плащѣ, сшитомъ изъ разныхъ шкуръ. На головѣ его была кожаная шапка, на ногахъ сандаліи изъ бычей кожи, на рукахъ браслеты изъ слоновой кости. Къ его шапкѣ былъ прицѣпленъ хвостъ антилопы, и онъ держалъ въ рукахъ палку съ пучкомъ черныхъ страусовыхъ перьевъ. При этомъ весь онъ былъ вымазанъ охрой.

Начальникъ этотъ, такой же важный, какъ Струксъ, подошелъ къ европейцамъ и потрогалъ за носъ каждаго. Русскіе были серьезны, англичане менѣе сдержаны. Этотъ обрядъ озна-

чалъ готовность оказать европейцамъ гостепріимство. Продѣлавши это, Мулибаганъ ушелъ, не сказавъ ни слова.

— Теперь, не теряя времени, примемся за дѣла,—сказалъ полковникъ. И они принялись за дѣло не теряя времени, но все-таки раньше первыхъ чиселъ марта не могли быть готовы. Полковникъ Эверестъ такъ и расчитывалъ, принимая во вниманіе, что къ этому времени дожди окончатся, и въ различныхъ трещинахъ почвы вода сохранится.

Второго марта назначено было выступленіе, и къ этому сроку все было готово; члены экспедиціи простились съ миссіонерами и выѣхали въ 7 часовъ утра.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ у полковника Вильямъ Эмери.

— Прямо, пока не отыщемъ мѣста для базы.

Въ восемь часовъ утра путешественники перешли холмы, и передъ ними открылась пустыня со всѣми ея опасностями.

VI. Въ которой всѣ совершенно узнаютъ другъ друга.

Отрядъ подъ командою бушмена, человѣкъ изъ ста туземцевъ-бушменовъ, былъ выносливъ, трудолюбивъ и способенъ на тяжелыя физическія лишенія. До пріѣзда миссіонеровъ племя это было лживое, жило разбоемъ, во время сна грабило и рѣзало своихъ враговъ. Миссіонеры нѣсколько смягчили ихъ нравъ, но все-таки не могли отучить ихъ отъ грабежа, угона скота и разбоя на фермахъ.

Десять повозокъ, кромѣ доставленной бушменомъ, везли весь багажъ экспедиціи. Двѣ изъ этихъ повозокъ представляли цѣлые дома и замѣняли палатки, на постановку которыхъ надо было бы тратить время, и которыя не были бы такъ удобны. Эти повозки представляли сухое жилье съ крышей изъ непромокаемой ткани; въ нихъ находилась необходимая мебель и всѣ туалетныя принадлежности.

Въ одной изъ этихъ повозокъ помѣщался полковникъ, Джонъ Мурей и Вильямъ Эмери, въ другой—Матвѣй Струксъ, Николай Паландеръ и Михаилъ Цорнъ. Остальные пять русскихъ и пять англичанъ размѣстились въ другихъ двухъ повозкахъ.

Разобранный пароходъ везли за путешественниками. Такъ какъ въ Южной Африкѣ весьма много озеръ, то пароходъ могъ очень пригодиться.

На остальныхъ повозкахъ помѣщались различныя вещи: оружіе, снаряды, нужные для предполагаемыхъ тригонометрическихъ съемокъ, все необходимое при изслѣдованіи базы и багажъ каравана. Изъ провизіи было больше всего взято вяленаго мяса антилопъ, буйволовъ, слоновъ, потому что такое мясо долго не портится и къ нему не нужно соли, которую трудно найти. Хлѣба не брали, разсчитывая его замѣнить сердцевиною «кафрскаго хлѣба» и плодами: мѣстными каштанами, туземными смоквами и фисташками. Плоды собирали по дорогѣ, а живность поставляли охотники отряда. Каждую повозку везли шесть быковъ съ длинными ногами, высокой холкой и большими рогами. Эти первобытные повозки, хотя и двигались не скоро, но за то препятствія на пути имъ не были страшны.

Для верховой ѣзды имѣлись маленькія лошади испанской породы, привезенныя изъ Южной Америки, очень сильныя и выносливыя. Въ караванѣ еще находились тонконогіе ослы съ выдающимися боками, на которыхъ предполагалось перевозить инструменты по такимъ дорогамъ, гдѣ повозки не могли проѣхать.

Мокумъ ѣхалъ на прекрасномъ животномъ, на которомъ держался съ замѣчательной ловкостью. Это животное было зеброй съ чрезвычайно красивой полосатой шерстью. Вышиною она была до четырехъ футовъ, а длиною до семи. Это недовѣрчивое и пугливое животное позволяло на себя садится только бушмену, съумѣвшему его пріучить и приручить. По сторонамъ бѣжало нѣсколько собакъ, называемыхъ ошибочно охотничьими гіенами. Онѣ имѣли длинныя уши и напоминали щеекъ.

Таковъ былъ составъ каравана. Онъ подвигался впередъ медленно; быки подгонялись своими возницами при посредствѣ джамбоксовъ. Караванъ растянулся въ длинную линію и представлялъ очень оригинальное зрѣлище.

Куда направлялась эта экспедиція?

— Прямо!—сказалъ полковникъ Эверестъ.

И на самомъ дѣлѣ, и полковникъ, и Матвѣй Струксъ не имѣли опредѣленнаго мѣста, куда итти, такъ какъ они искали только арену для геодезическихъ вычисленій, чтобы на ней измѣрить базу перваго изъ треугольниковъ, которыхъ они должны были построить массу на нѣсколькихъ градусахъ Южной Африки.

Полковникъ Эверестъ, объясняя бушмену, что ему нужно, говорилъ о треугольникахъ, смежныхъ углахъ, объ измѣреніяхъ меридіана и т. д. Бушменъ, прослушавши нѣсколько минутъ, потерялъ терпѣніе и воскликнулъ:

— Господинъ полковникъ, я ничего не понимаю въ вашихъ углахъ, меридіанахъ и базисахъ! Я вообще не понимаю, что вы хотите дѣлать въ пустынѣ. Но это ваше дѣло. Вамъ нужна ровная долина, и я вамъ помогу ее найти.

Мокумъ велѣлъ каравану повернуть къ юго-востоку. Здѣсь должна была быть долина немного южнѣе Латтаку. Съ этого дня бушменъ ѣхалъ впереди каравана. Джонъ Мурей ѣхалъ всегда съ нимъ. Хорошо вооруженный, онъ то и дѣло охотился за африканской дичью. Полковникъ ѣхалъ не правивши, думая объ экспедиціи, которой предстояло много трудностей. Матвѣй Струксъ тоже молчалъ. Николай Паландеръ ѣхалъ въ повозкѣ или шелъ пѣшкомъ и все время дѣлалъ вычисленія.

Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ были неразлучны. Они совершенно сдружились, ѣхали рядомъ, спорили и разговаривали, часто отъѣзжали на нѣсколько миль отъ каравана, переставали быть астрономами и восхищались природой, вдыхая чудный воздухъ, смѣясь и болтая, какъ школьники, забывая что они важныя люди, живущіе въ обществѣ кометъ и другихъ небесныхъ тѣлъ. Они составляли полный контрастъ съ полковникомъ и Матвѣемъ Струксомъ.

Они часто говорили объ этихъ ученыхъ, и Вильямъ Эмери знакомился съ ними по разсказамъ Цорна.

— Да, я внимательно слѣдилъ за ними во время переѣзда и замѣтилъ, что онѝ завидуютъ другъ другу,—сказалъ Цорнъ.— Хотя полковникъ и кажется начальникомъ экспедиціи, но Матвѣй Струксъ совершенно ему равенъ по своимъ правамъ; оба они одинаково горды и упрямы и завидуютъ другъ другу, а когда завидуютъ ученые, то это самая скверная зависть.

— И самая безсмысленная, — сказалъ Вильямъ Эмери,— потому что успѣхъ науки зависитъ отъ всѣхъ. Если ваши предположенія вѣрны, а на это много данныхъ, то для нашей экспедиціи это очень невыгодно, такъ какъ намъ для успѣха необходимо полное согласіе.

— Непремѣнно,—сказалъ Михаилъ Цорнъ,—а между тѣмъ я боюсь, что согласія этого нѣтъ. Что будетъ, если изъ-за каждаго пустяка возникнетъ недоразумѣніе: изъ-за выбора

базы, способа вычисленія, выбора мѣста, провѣрки цифръ и т. д.? Если я не ошибаюсь, произойдетъ масса непріятностей при будущей провѣркѣ нашихъ двойныхъ реестровъ и при внесеніи въ нихъ бывшихъ наблюденій, которыя дадутъ возможность опредѣлить длину метра.

— Вы меня пугаете Цорнъ, будетъ очень обидно, если изъ-за ихъ раздора пропадутъ всѣ труды, и мы вернемся ни съ чѣмъ. Хорошо бы, еслибы это не сбылось.

— Я тоже этого желаю,—отвѣчалъ молодой русскій астрономъ,—но повторяю, что во время путешествія мнѣ приходилось много разъ быть свидѣтелемъ ихъ ученыхъ споровъ, и я убѣдился въ упорствѣ обоихъ, и кромѣ того, чувствовалось, что здѣсь играетъ роль зависть.

— Но вѣдь они всегда вмѣстѣ, болѣе неразлучны, чѣмъ мы, ихъ никогда не видѣли въ отдѣльности.

— Да, — сказалъ Михаилъ Цорнъ, — они не разстаются, потому что все время наблюдаютъ другъ за другомъ, и если кто-нибудь изъ нихъ не возьметъ верхъ, будетъ очень трудно работать.

— А кого бы вы выбрали?—спросилъ нерѣшительно Вильямъ.

— Дорогой другъ, я охотно признаю того, кто побѣдитъ, потому что и тотъ, и другой знаменитые ученые, а въ этихъ случаяхъ не мѣсто національному самолюбію, и поэтому не все ли равно кто станетъ во главѣ — русскій или англичанинъ. Такъ-ли?

— Совершенно такъ, дорогой Цорнъ. Пусть предразсудки не мѣшаютъ выполненію нашей задачи, и постараемся сдѣлать все, чтобы помѣшать ихъ ссорѣ. Да и Николай Паландеръ...

— Николай Паландеръ!.. нѣтъ ужъ онъ нечего не увидитъ, не услышитъ, не пойметъ, онъ не русскій, не англичанинъ, не нѣмецъ, не китаецъ, не житель съ луны. Онъ просто Николай Паландеръ!

— Этого не скажешь о Джонѣ Мурeѣ. Онъ англичанинъ до мозга костей, страстный охотникъ, и ему интереснѣй охота на жирафа или на слона, чѣмъ изслѣдованія; итакъ на него тоже нельзя разсчитывать для предупрежденія столкновеній, если таковыя произойдутъ. Что же касается насъ, то мы, конечно, всегда останемся хорошими друзьями.

— Всегда, что бы ни случилось,—сказалъ Цорнъ, протягивая руку.

Караванъ спускался къ юго-западу. Четвертаго марта онъ подошелъ къ подножію холмовъ, по которымъ шелъ отъ Латтаку. Когда подошли къ равнинѣ, она оказалась негодной для тригонометрической съемки, такъ какъ поверхность ея была слишкомъ волниста. И они снова отправились искать. Мокумъ ѣхалъ впереди каравана, а Джонъ Мурей, Цорнъ и Вильямъ Эмери уѣхали далеко въ сторону.

Вечеромъ они подошли къ стоянкѣ буровъ, которые иногда стоятъ на одномъ мѣстѣ по нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря попавшимся хорошимъ пастбищамъ. Одинъ изъ этихъ буровъ, старый голландецъ, очень радушно принялъ всѣхъ и отказался отъ вознагражденія. Человѣкъ это былъ трезвый, мужественный, умѣющій небольшой капиталъ, затраченный на коровъ, овецъ, превратить въ богатство. Когда скотъ съѣлъ все, колонисты, какъ древніе патріархи, ищутъ болѣе обильнаго пастбища и найдя, останавливаются на нихъ на нѣкоторое время.

Фермеръ указалъ полковнику большую равнину, годную для ихъ геодезическихъ работъ.

Рано утромъ 5-го марта караванъ снова выступилъ. Однообразіе поѣздки нарушилось выстрѣломъ Джона Мурея, убившаго гну, дикаго быка съ острыми рогами и бѣлымъ длиннымъ хвостомъ. Бушменъ былъ въ восторгѣ отъ выстрѣла, а очень вкусное мясо этого животнаго послужило пищей для охотниковъ и всѣмъ понравилось.

Въ полдень караванъ былъ на мѣстѣ, указанномъ фермеромъ. Это былъ огромный, совершенно ровный лугъ. Нельзя было желать ничего лучшаго для измѣренія базиса. Бушменъ внимательно осмотрѣлъ долину, подошелъ къ Эвересту и сказалъ:

— Вотъ вамъ то, что вы искали, полковникъ!

VII. База треугольника.

Геодезическая работа, какъ мы уже знаемъ, состояла въ тріангуляціи съ цѣлью измѣрить длину дуги меридіана. Измѣрить длину одного или нѣсколькихъ градусовъ металлической линейкой, прикладывая ее одну за другой—работа, выполненіе которой совершенно невозможно. Да, кромѣ того, на всемъ земномъ шарѣ не найдется такой ровной поверхности, чтобы можно было бы исполнить эту трудную задачу. Гораздо лучшій способъ—разбить все пространство, по которому проходитъ ме-

ридіанъ на извѣстное число воображаемыхъ треугольниковъ, опредѣленіе величины которыхъ уже не представляетъ такихъ большихъ трудностей. Эти треугольники строятся визированіемъ съ помощью точныхъ инструментовъ—теодолита и др.—визированіемъ знаковъ, естественныхъ или искусственныхъ, какъ каланчи, башни, фонари. Вершинами треугольниковъ будутъ такіе знаки, а названнымъ инструментомъ можно вполнѣ точно опредѣлить углы треугольниковъ. И дѣйствительно, положеніе всякаго взятаго предмета—днемъ колокольни, вечеромъ—фонаря можетъ быть вполнѣ точно опредѣлено хорошимъ наблюдателемъ посредствомъ трубы со скрещивающимися нитями. Иногда получаются такіе треугольники, стороны которыхъ равны нѣсколькимъ милямъ; Араго, напримѣръ, соединилъ берегъ Валенціи съ Болеарскими островами огромнымъ треугольникомъ, одна сторона котораго равнялась восьмидесяти двумъ милямъ пятьсотъ пятидесяти туазамъ длины.

Если въ треугольникѣ извѣстны два угла и одна сторона, то извѣстенъ и весь треугольникъ, потому что третій уголъ и двѣ стороны можно вычислить. Итакъ, принимая одну изъ сторонъ опредѣленнаго треугольника за основаніе другого и измѣривъ углы, прилежащіе къ этому основанію, мы опредѣлимъ новый треугольникъ. Такъ можно построить рядъ треугольниковъ до предѣльной точки дуги. Когда длина всѣхъ прямыхъ, входящихъ въ рядъ треугольниковъ, извѣстна, уже не трудно опредѣлить длину отрѣзка меридіана, соединяющаго двѣ предѣльныя точки дуги. Сторона перваго треугольника всей цѣпи—базисъ всей тріангуляціи—должна быть непремѣнно измѣрена на самой мѣстности и очень точно. Это самая трудная работа.

Деламбръ и Мешенъ, измѣряя французскій меридіанъ отъ Дюнкирхена до Барцелоны, приняли за базисъ своей тріангуляціи прямолинейное направленіе отъ Мелены до Ліесенъ. Базисъ равнялся двѣнадцати тысячамъ ста пятидесяти метрамъ, и измѣреніе его заняло сорокъ пять дней. Какіе способы употребляются для этой работы, мы узнаемъ ниже изъ предпріятія полковника Эвереста и Матвѣя Струка, которые употребляли тѣ же пріемы.

Первыя геодезическія работы начались пятаго марта. Бушмены были совершенно изумлены. Мокумъ думалъ, что ученые мѣрятъ землю линейками въ шесть футовъ, кладя ихъ одну

возлѣ другой, просто для своего удовольствія. Что касается его, то онъ исполнилъ свою обязанность—нашелъ нужную равнину.

Мѣсто было очень удобно для измѣренія базиса. Равнина представляла изъ себя совершенно ровную плоскость, покрытую невысокой сухой травой. За долиной простирался рядъ холмовъ, которые служили южной границей Калагарійской пустыни, на сѣверъ долина тянулась, насколько охватывалъ взоръ, къ востоку шла возвышенность, къ западу мѣстность понижалась и становилась болотистой.

— Я думаю, полковникъ Эверестъ,—сказалъ Струксъ,—когда мы базисъ измѣримъ, на немъ можно будетъ выбрать начальную точку меридіана.

— Совершенно вѣрно, господинъ Струксъ, когда мы опредѣлимъ долготу одной точки, то свѣримъ съ картой, чтобы дуга меридіана не встрѣтила какихъ-нибудь неопреодолимыхъ препятствій, которые могутъ помѣшать работамъ.

— Я этого не думаю,—отвѣчалъ русскій астрономъ.

— Посмотримъ, — сказалъ полковникъ, — пока измѣримъ базу, здѣсь это удобно, а потомъ увидимъ будетъ ли возможно соединить ее вспомогательными треугольниками съ тѣми пунктами, по которымъ будетъ проходить дуга меридіана.

Покончивъ на этомъ, приступили къ измѣренію базиса. Работа шла очень медленно, потому что исполнялась со строгой точностью: англичане и русскіе старались превзойти въ точности измѣренія Меленскаго базиса во Франціи.

Было отдано приказаніе устроить лагерь, и на равнинѣ выросло нѣчто въ родѣ бушменскаго селенія. Селеніе раздѣлялось на двѣ части—англійское и русское, каждое со своимъ національнымъ флагомъ; повозки замѣняли жилища. Посрединѣ было нейтральное пространство. За повозками паслись лошади и буйволы, на ночь загоняемые внутрь лагеря.

Бушменъ охотой доставлялъ провизію всему лагерю. Сэръ Джонъ Мурей тоже участвовалъ въ охотѣ. Вяленое мясо берегли и пользовались свѣжимъ. Искусству бушмена и его товарищей лагерь обязанъ тѣмъ, что все имѣлъ въ изобиліи. То и дѣло были слышны ихъ выстрѣлы.

Геодезическія работы начались шестого марта. Приготовленіями къ нимъ занимались два молодыхъ ученыхъ.

— Въ путь, товарищъ,—сказалъ радостно Цорнъ,—и пусть намъ Богъ поможетъ!

Предварительно надо было намѣтить на выбранной мѣстности, на самомъ ровномъ мѣстѣ, прямолинейное направленіе. Эта прямая должна была проходить съ юго-востока къ сѣверо-западу. Линія эта была отмѣчена вѣхами, вбитыми въ землю, близко одна къ другой. Цорнъ наблюдалъ за разстановкой вѣхъ въ зрительную трубу съ перекрестными нитями: когда вертикальная нить трубы совпадала съ фокуснымъ изображеніемъ всѣхъ кольевъ—линія была прямая.

Эта линія была «провѣшена» на десять миль. Такую длину астрономы хотѣли дать базису. Эта работа была выполнена очень тщательно и заняла нѣсколько дней. Теперь надо было приступить къ непосредственному измѣренію базиса перваго треугольника. Эта работа, кажущаяся весьма простой, требуетъ очень большой тщательности, потому что отъ нея, главнымъ образомъ, зависитъ успѣхъ тріангуляціи.

Въ этомъ и состояли приготовленія къ укладкѣ линеекъ.

Десятаго марта, утромъ, по прямолинейному направленію, на землѣ были поставлены деревянныя подставки, числомъ двѣнадцать. Каждая изъ этихъ подставокъ была укрѣплена на трехъ желѣзныхъ винтахъ и удерживалась неподвижно.

На подставкѣ были положены деревянные гладкіе бруски, а на нихъ должны накладываться линейки, придерживаемыя легкой оправой.

Подставки были установлены, брусья положены. Эверестъ и Струксъ стали укладывать линейки, молодые ученые имъ помогали. Николай Паландеръ долженъ былъ записывать результаты измѣренія.

Линеекъ было запасено шесть, и длина ихъ была опредѣлена съ величайшей точностью.

Онѣ имѣли въ длину два туаза, шесть линій въ ширину и одну въ толщину, и были изготовлены изъ платины, не окисляющейся въ воздухѣ, но подъ вліяніемъ температуры измѣняющейся, при чемъ эти измѣненія должны были приниматься въ разсчетъ при работахъ. Предложено было придѣлать металлическій термометръ къ каждой линейкѣ; устройство этого термометра основано на свойствѣ различныхъ металловъ неодинаково расширяться отъ теплоты. Каждая линейка состояла изъ мѣдной, болѣе длинной, и платиновой. Верньеръ, находящійся на концѣ мѣдной линейки, точно показывалъ относительное ея удлиненіе, а зная это можно вычислить абсолютное удлиненіе

платиновой линейки. Верньеръ былъ очень чувствителенъ и снабженъ микроскопомъ, при посредствѣ котораго улавливалось расширеніе въ четверть стотысячной туаза.

Линейки укладывались на деревянныхъ брусьяхъ и такъ, что концы ихъ не прикасались другъ къ другу. Эверестъ и Струксъ уложили первую линейку по направленію базиса; на линейкахъ было по два вертикальныхъ желѣзныхъ штифтика на самой оси, поэтому ихъ было легко уложить въ «створѣ» вѣхъ.

Вильямъ Эмери и Цорнъ легли на землю, чтобы видѣть, покрываютъ ли штифтики вѣхи. Когда это сдѣлали, линейки лежали вѣрно.

— Надо точно установить начальную точку нашей работы. Для этого мы опустимъ отвѣсъ отъ конца первой линейки, а такъ какъ близко нѣтъ горы *), которая могла бы повлiять на положеніе отвѣса, то по немъ мы и опредѣляемъ начальную точку базиса.

— Да,—сказалъ Струксъ,—если мы не забудемъ принять въ разсчетъ половину толщины шнура въ точкѣ прикосновенія къ землѣ.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ полковникъ.

Установивъ начальную точку, они продолжали работу; нужно было еще обратить вниманіе на наклонъ линейки къ горизонту.

— Нѣтъ нужды укладывать линейку вполнѣ горизонтально,— сказалъ полковникъ Эверестъ.

— Я того же мнѣнія,—сказалъ Струксъ,—достаточно будетъ измѣрить ватерпасомъ уголъ, образуемый линейкой съ горизонтомъ, а послѣ можно будетъ внести необходимыя поправки.

Такъ какъ оба ученыхъ въ этомъ были согласны, то рѣшили измѣрить наклонъ посредствомъ ватерпаса, состоящаго изъ алидады, движущейся вокругъ шарнира, расходящагося на вершинѣ деревяннаго угольника. Уголъ наклона опредѣлялся черезъ совпаденіе дѣленій верньера съ дѣленіями дуги, придѣланной къ неподвижной линейки. Ватерпасъ былъ приставленъ къ линейкѣ, и уголъ наклона опредѣленъ. Николай Паландеръ собирался его уже записать, такъ какъ оба ученые были

*) Горы измѣняютъ своимъ притяженіемъ вертикальность отвѣса, почему и можетъ получиться разница при измѣреніи и вычисленіи; это и случилось, благодаря близости Альпъ, при измѣреніи дуги между Андратомъ и Мондъ ви.

согласны, но въ этотъ моментъ Струксъ предложилъ повернуть ватерпасъ, чтобы опредѣлить разность между двумя дугами. Разность равнялась двойному уклону и, такимъ образомъ, результатъ повѣрялся. Въ дальнѣйшихъ работахъ этого рода указанный способъ примѣнялся всегда.

Такимъ образомъ, два главныхъ условія—направленіе линейки по базѣ перваго треугольника и опредѣленіе угла съ горизонтомъ,—были исполнены. Результаты измѣренія записывались для большей надежности въ двухъ книгахъ и подписывались членами англо-русской комиссіи. Нужпо было сдѣлать еще два важныхъ наблюденія, и работа съ первой линейкой будетъ окончена. Оставалось опредѣлить ея измѣненіе подъ вліеніямъ температуры и точно замѣтить измѣренную длину.

Измѣненія, вносимыя температурой, измѣрялись разностью длины мѣдной и платиновой линеекъ. Микроскопъ давалъ возможность точно опредѣлить измѣненіе платиновой линейки, которую потомъ надо перевести на длину при 16° по стоградусному термометру. Когда цифры записывалъ Николай Паландеръ, ихъ провѣряли.

Теперь нужно было опредѣлить дѣйствительно измѣренную длину. Для этого надо было вторую линейку положить на деревянный брусокъ, возлѣ первой съ маленькимъ промежуткомъ. При укладкѣ его также тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы штифтики пришлись противъ вѣхъ.

Нужно было еще измѣрить промежутокъ между линейками. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась первая линейка была прилажена маленькая платиновая пластинка. Полковникъ Эверестъ подвинулъ эту пластинку такъ, чтобы она коснулась второй линейки. На этой пластинкѣ находились дѣленія (десятитысячныя туаза), верньеръ помѣщенный у однаго изъ пазовъ, между которыми двигалась пластинка, показывалъ съ помощью микроскопа стотысячныя части туаза; такимъ образомъ оставленный промежутокъ между линейками могъ быть точно опредѣленъ и немедленно же внесенъ въ журналъ.

Михаилъ Цорнъ посовѣтовалъ еще одну предосторожность для достиженія большой точности. Дѣло въ томъ, что платиновая линейка, покрытая мѣдной, нагрѣвается солнечными лучами медленнѣе послѣдней. Для избѣжанія этого были устроены маленькіе навѣсы, защищающіе отъ солнца, а для защиты отъ косыхъ лучей утромъ и вечеромъ вѣшали занавѣски.

Болѣе мѣсяца продолжались работы, производившіяся съ необыкновенной аккуратностью и терпѣніемъ.

Когда работы съ четырьмя линейками были закончены, переносили первую подставку и 5-ую линейку, къ четвертой, и измѣреніе продолжалось далѣе съ той же тщательностью. Работа шла очень медленно. Въ день измѣряли не болѣе двухъ сотъ тридцати туазовъ, а въ сильный вѣтеръ и дурную погоду—работы приходилось пріостанавливать. Передъ вечеромъ работа кончалась. Прежде чѣмъ разойтись, принимались извѣстныя предосторожности: первую линейку уставляли на землѣ, замѣчали ея конецъ, выкапывали въ этомъ мѣстѣ ямку и клали туда колышекъ съ свинцовой пластинкой; потомъ опредѣляли наклонъ линейки, поправку для тэмпературы и направленіе. Длину, измѣренную четвертой линейкой записывали; потомъ съ помощью отвѣса, на внутреннемъ краю первою линейки дѣлали отмѣтку на свинцовой пластинкѣ. Двѣ линіи, которыя пересѣкались подъ прямымъ угломъ, отмѣчались съ точностью. Затѣмъ свинцовую пластинку закрывали деревяннымъ футляромъ, ямку засыпали, а колъ оставляли до утра. Эта предосторожность была необходима на случай, если бы ночью по какой-либо причинѣ инструменты сдвинулись. Утромъ футляръ снимали, первую линейку укладывали, какъ и раньше, съ помощью отвѣса, остріе котораго должно было совпасть съ точкой пересѣченія двухъ линій.

Работа длилась тридцать восемъ дней. Всѣ полученныя цыфры тщательно провѣрялись и записывались. Полковникъ Эверестъ и Струксъ рѣдко спорили, а если поднимались разногласія по поводу какой-нибудь четырехъ сотъ тысячной доли сажени, то они рѣшались большинствомъ голосовъ.

Одинъ разъ только между двумя учеными завязался довольно оживленный споръ по поводу того, какую длину дать основанію перваго треугольника. Чѣмъ больше основаніе, тѣмъ больше уголъ при вершинѣ треугольника, и тѣмъ легче его будетъ измѣрить. Полковникъ Эверестъ хотѣлъ взять основаніе въ шесть тысячъ туазовъ, Матвѣй Струксъ—въ десять. Ни тотъ, ни другой не шли на уступки, споръ перешелъ въ ссору, и они уже спорили не какъ два ученыхъ, а какъ русскій и англичанинъ. Дурная погода, остановивъ работу, дала имъ успокоится, и большинствомъ голосовъ было рѣшено принять за основаніе длину около восьми тысячъ туазовъ.

Дальше работа шла спокойно и тщательно; математическая ея точность станетъ извѣстна послѣ измѣренія основанія послѣдняго треугольника на сѣверной оконечности меридіана. Измѣренный въ этомъ мѣстѣ базисъ равнялся восьми тысячамъ тридцати семи туазамъ и шестидесяти пяти сотымъ; на немъ нужно было устроить первый изъ треугольниковъ которыми должна покрыться на протяженіи нѣсколькихъ градусовъ южная Африка.

VIII. Двадцат четвертый меридіанъ.

Измѣреніе базы продолжалось тридцать восемь дней—съ шестого марта по 13 апрѣля. Начальники экспедиціи рѣшили не теряя времени, приняться за построеніе треугольниковъ. Нужно было опредѣлить широту южной точки оконечности меридіана; то же должно быть сдѣлано и въ сѣверной точкѣ меридіана; разность широтъ даетъ число градусовъ дуги.

Съ 14 апрѣля приступили къ точнѣйшему опредѣленію широты мѣста. Еще до того, по ночамъ, когда не производилось измѣренія базисъ, Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ опредѣлили высоту многихъ звѣздъ; опредѣленія были настолько точны, что разница, полученная между ними, была не болѣе двухъ шестидесятыхъ секунды; причиной этого ничтожнаго отклоненія, было, вѣроятно, различіе въ преломленіи, производимое измѣненіемъ слоевъ атмосферы.

Послѣ повѣрки этихъ измѣреній оказалось, что широту южной начальной точки меридіана можно вычислить очень точно. Широта эта равнялась 27°,951789. Опредѣлившихъ широту, легко было вычислить и долготу. Затѣмъ эта точка была отмѣчена на превосходной картѣ крупнаго масштаба южной Африки. Это была карта, на которую были нанесены всѣ географическія открытія, сдѣланныя въ этой части материка, и отмѣчены пути натуралистовъ и путешественниковъ Ливингтона, Андерсона, Мажаріа, Бальдвина, Вальяна, Буршеля и Лихтенштейна. На этой-то картѣ нужно было выбрать меридіанъ, чтобы измѣрить дугу въ нѣсколько градусовъ между двумя точками. Понятно, что чѣмъ измѣренная дуга будетъ длиннѣе, тѣмъ возможная при измѣреніи ошибка будетъ менѣе. Дуга отъ Дюнкирхена до Форментеры равнялась девяти градусамъ и пятидесяти шести минутамъ.

При этой англо-русской тріунгуляціи, нужно было выбрать меридіанъ очень тщательно, чтобы на пути не попались недоступныя горы, огромныя пространства воды, словомъ, непреодолимыя препятствія, могущія задержать изслѣдователей. Но, къ счастью, эта часть южной Африки была удобна для этихъ работъ: высокихъ горъ не было, а рѣки проходимы. Здѣсь могли встрѣтить опасности, но естественныхъ преградъ не было.

Эта часть южной Африки представляетъ собой обширную Калагорійскую пустыню тянущуюся отъ Оранжевой до Нгами, отъ двадцатой до двадцать девятой паралелли. Въ ширину она простирается между Атлантикой на западѣ и двадцать пятымъ восточнымъ меридіаномъ отъ Гринвича. По этому меридіану прошелъ Ливинсонъ въ 1849 г. и достигъ озера Нгами и водопадовъ Замбезе. Это собственно и не пустыня, такъ въ ней попадается много растеній: травъ, кустарниковъ, встѣчаются большіе лѣса, масса дичи; здѣсь живутъ кочевые и осѣдлые туземцы. Главное неудобство для изслѣдованія этой мѣстности недостатокъ воды въ большую часть года, благодаря засухѣ. Но теперь, когда только что окончилось дождливое время, можно было еще найти воду въ ручьяхъ.

Всѣ эти свѣдѣнія исходили отъ Мокума, который хорошо зналъ мѣстность, потому что и самъ неоднократно бывалъ въ ней и былъ проводникомъ научныхъ экспедицій. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ признали мѣсто подходящимъ для тріунгуляціи.

Оставалось, слѣдовательно, избрать меридіанъ для измѣренія дуги въ нѣсколько градусовъ. Представлялся вопросъ: можно ли избрать меридіанъ, проходящій черезъ одну изъ оконечностей базиса—это дало бы возможность обойтись безъ вспомогательныхъ треугольниковъ для соединенія базиса съ противоположнымъ пунктомъ Калагорійской пустыни.

Вопросъ этотъ былъ обсужденъ и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что начальной точкой дуги меридіана послужитъ южная оконечность базиса. Точка эта лежитъ на 24 меридіанѣ къ востоку отъ Гринвича. Отъ двадцатой до 27 параллели на этомъ меридіанѣ на картѣ не было видно никакихъ естественныхъ преградъ. Только на сѣверѣ дуга проходитъ черезъ озеро Нгами, но это нельзя было счесть непреодолимой преградой: Араго дѣлалъ изслѣдованія при худшихъ условіяхъ.

Затѣмъ, измѣрить дугу 24-го меридіана было еще удобно

и потому, что онъ проходитъ черезъ Европу, и измѣреніе сѣверной части того же меридіана можно произвести въ Россіи.

Астрономы занялись выборомъ станціи, въ которой должна находится вершина перваго треугольника. Первая станція была установлена направо отъ меридіана. Это было дерево, стоявшее на холмѣ. Его было хорошо видать и съ сѣверо-восточнаго и съ юго-восточнаго конца базиса. На обѣихъ оконечностяхъ базы было поставлено по столбу. Заостренная верхушка дерева позволяла навести на него трубу теодолита такъ, чтобы верхушка дерева приходилась какъ разъ по вертикальной нити окуляра. Астрономы опредѣлили уголъ, образуемый деревомъ съ юго-восточной оконечностью основанія. Уголъ этотъ былъ измѣренъ посредствомъ прибора Барда. Двѣ подзорныя трубы этого инструмента установлены такъ, что ихъ оптическія оси совпадаютъ съ плоскостью круга. Одна изъ этихъ трубъ была наведена на сѣверо-западную оконечность базиса, а другая— на вершину дерева къ сѣверо-востоку: уголъ между осями подзорныхъ трубъ опредѣлялъ угловое разстояніе между двумя станціями. Этотъ прекрасный инструментъ давалъ совершенно точныя показанія; что же касается верньеровъ и ватерпасовъ,— то всѣ они были самаго совершеннаго устройства. Англо-русская экспедиція имѣла четыре такихъ прибора, два изъ которыхъ служили для геодезическихъ работъ, а два другихъ для опредѣленія зенитнаго разстоянія. При этой тріангуляціонной работѣ приходилось, кромѣ опредѣленія величины угловъ, составляющихъ геодезическіе треугольники, еще измѣрять меридіональную высоту звѣздъ, которая опредѣляетъ широту мѣста.

Между тѣмъ лагерь снялся, и караванъ, предводительствуемый бушменомъ, отправился къ первой станціи. Погода стояла ясная; впрочемъ, въ случаѣ дурной погоды рѣшено было производить работы ночью съ помощью электрическихъ фонарей. Въ первый день были измѣрены два угла, и результаты, тщательно провѣренные, были дважды записаны.

Вечеромъ всѣ собрались около дерева, служившаго вершиной треугольника. Это былъ огромный баобабъ, достигавшій болѣе восьмидесяти футовъ въ обхватѣ*). Всѣ члены экспедиціи помѣстились подъ этимъ огромнымъ деревомъ. На вѣткахъ его прыгали сотни бѣлокъ, очень лакомыя до плодовъ

*) По словамъ Адансона, въ западной Африки баобабы встрѣчаются въ 26 метровъ въ окружности.

баобаба. Поваръ приготовилъ европейцамъ обѣдъ изъ антилопъ, которыя были убиты въ окрестности. Запахъ жаркого, распространившійся въ воздухѣ, пріятно возбуждалъ аппетитъ.

Послѣ сытнаго обѣда астрономы разошлись. Мокумъ разставилъ стражу, а ярко горѣвшіе большіе костры пугали дикихъ звѣрей, привлеченныхъ запахомъ мяса.

Вильямъ Эмери и Цорнъ спали не болѣе двухъ часовъ: спѣша окончить работу, они дожны были опредѣлить высоту звѣздъ, чтобы такимъ путемъ опредѣлить широту станціи. Забывши объ усталости, они расположились возлѣ инструментовъ. Работая при воѣ гіенъ и ревѣ львовъ, они, несмотря на это, точно опредѣляли измѣненіе угловъ при переходѣ ихъ съ первой станціи на вторую.

IX. Краалъ.

На другой день, 25 апрѣля, геодезическія работы продолжались безостановочно. Уголъ, образуемый станціей у баобаба съ двумя оконечностями базиса, обозначенными столбами, былъ точно измѣренъ. Это измѣреніе дало возможность провѣрить первый треугольникъ. Окончивши эту работу, выбрали двѣ станціи направо и налѣво отъ меридіана: одну предоставлялъ собой холмъ, въ разстояніи 6 миль, а другую обозначили столбомъ миляхъ въ восьми. Тріангуляція продолжалась въ теченіе мѣсяца. 15 мая было построено геодезически семь треугольниковъ, и астрономы подвинулись на градусъ къ сѣверу.

Полковникъ Эверестъ и Михаилъ Цорнъ въ первое время почти не работали вмѣстѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ былъ занятъ на станціи, отстоящей отъ другой на нѣсколько миль, и это мѣшало столкновеніямъ. Когда же они возвращались вечеромъ въ лагерь, то каждый изъ нихъ уходилъ въ свое отдѣльное помѣщеніе. Впрочемъ, подымались иногда споры изъ-за мѣста назначенія станцій, но это обыкновенно скоро улаживалось, и Вильямъ Эмери съ Цорномъ надѣялись, что крупныхъ столкновеній между соперниками не произойдетъ.

Къ 15 маю, какъ было сказано, экспедиція подвинулась на одинъ градусъ отъ южной точки меридіана и оказалась на параллели Латтаку. Въ тридцати миляхъ къ востоку отъ станціи находилось африканское селеніе.

Здѣсь расположился обширный краалъ, и тутъ же была на-

значена остановка на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть. Въ это время Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ должны были опредѣлить высоту солнца, а Николай Паландеръ—высмотрѣть различныя точки визированія, чтобы всѣ ихъ вычисленія привести къ уровню океана. Джонъ Мурей рѣшилъ отдохнуть за охотой и изученіемъ фауны.

Южно-африканскіе туземцы называютъ «краалями» передвижныя деревни. Такія деревни обыкновенно заключаютъ жилищъ до тридцати, и въ нихъ живетъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Крааль, гдѣ остановилась англо-русская экспедиція, былъ расположенъ кругообразно на берегу ручья, притока Куромана, и состоялъ изъ множества шалашей. Шалаши эти были сдѣланы изъ непромокаемыхъ цыновокъ, прикрѣпленныхъ къ деревяннымъ стойкамъ; входъ завѣшивался шкурами и устраивался такъ, что войти въ него можно было только ползкомъ. Этотъ входъ былъ единственнымъ отверстіемъ шалаша, и изъ него всегда клубился дымъ отъ очага. Жить въ такомъ помѣщеніи кому-нибудь, кромѣ бушменовъ, едва ли было бы пріятно.

Когда караванъ приближался къ селенію, жители его заволновались. Ихъ было до двухсотъ человѣкъ, и всѣ они вооруженные копьями, ножами, дубинами, вышли изъ своихъ шалашей; собаки подняли лай. Однако, послѣ нѣсколькихъ словъ Мокума, сказанныхъ старшинѣ селенія, туземцы тотчасъ успокоились. Каравану позволили расположится возлѣ частокола, которымъ былъ обнесенъ крааль на берегу ручья. Бушмены позволили имъ воспользоваться своими пастбищами, не чувствуя для себя отъ этого никакого ущерба.

Караванъ расположился, повозки разставили вокругъ лагеря, и каждый принялся за свою работу. Джонъ Мурей отправился съ Мокумомъ на охоту, оставивши своихъ товарищей заниматся изслѣдованіями. Онъ ѣхалъ на лошади, а Мокумъ на ручной зебрѣ. За ними бѣжали три собаки. Охотники были вооружены карабинами съ разрывными пулями, ожидая встрѣчи съ хищными звѣрями. Они направились къ сѣверо-востоку, гдѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ крааля виднѣлся лѣсъ.

— Теперь, надѣюсь, любезный Мокумъ, вы исполните свое обѣщаніе и покажете мнѣ самую богатую дичью страну. Конечно, вы не подумаете, что въ Африкѣ я собираюсь охотиться на зайцевъ или лисицъ, которыхъ у насъ въ Шотландіи совершенно достаточно. Меньше чѣмъ черезъ часъ я хотѣлъ бы убить буйвола.

— Меньше чѣмъ черезъ часъ! Вы немного спѣшита, на охотѣ нужно прежде всего терпѣніе, а что касается меня, то я только и могу быть терпѣливымъ на охотѣ, — отвѣчалъ Мокумъ.—Для того, чтобы убить звѣря, надо его выслѣдить, узнать привычки, мѣстность, найти тропинки, по которымъ онъ ходитъ—это цѣлая наука. Мнѣ случалось стеречь буйвола или козулю цѣлые дни, и когда я убивалъ ихъ, то былъ вполнѣ удовлетворенъ.

— Хорошо—отвѣтилъ Джонъ Мурей,—я буду терпѣливъ, но не забывайте, что мы остановились не болѣе, какъ на четыре дня, и что намъ дорогъ каждый день.

— Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣчалъ бушменъ, такъ спокойно, что совершенно не походилъ на человѣка, ожидающаго прибытія каравана на Оранжевой.—Мы убьемъ все, что намъ попадется: будетъ ли это антилопа, лань, гну или дикая коза. Все хорошо, лишь бы не терять времени попустому.

— Да, я ни на что, кромѣ антилопы или дикой козы, и не разсчитывалъ. Что же вы думаете еще мнѣ предоставить, храбрый бушменъ?

Охотникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на товарища и отвѣчалъ съ ироніей:

— Если ваша честь этимъ будетъ удовлетворены, то и очень хорошо; я же думалъ, что вы не прочь подстрѣлить пару носороговъ или слоновъ.

— Мокумъ,—сказалъ Мурей,—я поѣду за вами всюду и буду охотится за тѣмъ, что вы найдете. Не станемъ терять времени на безполезные разговоры, ѣдемъ!

Лошади поскакали галопомъ, и охотники приближались къ лѣсу. Равнина, по которой они ѣхали, повышалась къ сѣверо-востоку, была покрыта кустарниками цвѣтовъ; изъ нихъ выдѣлялась липкая душистая смола, изъ которой туземцы приготовляютъ мазь для ранъ. Попадались красивыя группы деревьевъ «ванасы», изъ породы фигъ, сикиморъ, верхушки которыхъ кончались громадными зелеными зонтами. Въ листвѣ порхала масса крикливыхъ попугаевъ. Здѣсь были и мимозы съ желтыми кистями, и алоэ съ длинными ярко-красными колокольчиками, похожими на кораллы со дна морского. Земля была покрыта прекрасными амариллисами, съ голубоватыми листьями.

До опушки лѣса наши охотники ѣхали меньше часу. На

опушкѣ росли акаціи, тянувшіяся на нѣсколько квадратныхъ миль. Вѣтки ихъ переплелись между собою и не пропускали солнечныхъ лучей. Лошадь сера Джона Мурея и зебра Мокума смѣло вошли въ чащу и прокладывали себѣ дорогу. Въ лѣсу попадались широкія прогалины, на которыхъ останавливались охотники и вглядывались въ чащу.

Надо замѣтить, что въ первый день судьба не благопріятствовала Мурею, и они не встрѣтили ни одного животнаго, представителя африканской фауны, вѣроятно, оттого, что осторожныя животныя ушли отъ близкаго сосѣдства крааля. Мокумъ этому не удивлялся и не раздражался. Къ шести часамъ надо было возвратиться въ лагерь. Серу Мурею было очень досадно на неудачу, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуться съ дичью, будь это животное или птица, годное для ѣды или нѣтъ. Судьба какъ-будто сжалилась надъ нимъ. Недалеко отъ крааля, шагахъ въ полутораста отъ охотниковъ, выскочилъ африканскій заяцъ, извѣстный подъ названіемъ lepus rupestris. Серъ Джонъ Мурей выстрѣлилъ. Бушменъ вскрикнулъ отъ негодованія.

— Можно ли стрѣлять разрывной пулей въ зайца, когда для него довольно простой дроби!

Мурей былъ доволенъ и помчался къ мѣсту, гдѣ, онъ думалъ, долженъ былъ находиться заяцъ. Однако, онъ торопился напрасно: осмотрѣлъ всѣ кусты, собаки обшарили всѣ кустарники, но кромѣ нѣсколькихъ капель крови, ничего не было.

— Да вѣдь я же попалъ въ него!—вскрикнулъ Джонъ Мурей.

— Даже очень, и такъ какъ это была разрывная пуля, то отъ него ничего не осталось.

Заяцъ разлетѣлся на маленькія кусочки. Разсерженный и переконфуженный англичанинъ, не сказавъ ни слова, вернулся въ лагерь.

Бушменъ думалъ, что на другой день Джонъ Мурей снова захочетъ ѣхать на охоту, но сконфуженный англичанинъ избѣгалъ встрѣчи съ Мокумомъ и занялся провѣркой инструментовъ, а для отдыха пошелъ въ крааль посмотрѣть, какъ стрѣляютъ изъ лука и играютъ на «горѣ», туземномъ инструментѣ, состоящимъ изъ кишки, натянутой на лукѣ; играютъ на немъ страусовымъ перомъ, раздувая его. Женщины хлопочутъ по хозяйству, куря мотокуано, очень вредное вещество,

добываемое изъ конопли. Говорятъ, что куреніе этого вещества увеличиваетъ физическую силу въ ущербъ умственнымъ способностямъ; и дѣйствительно, многіе изъ бушменовъ имѣли безсмысленный видъ.

На другой день, 17-го мая, Джонъ Мурей проснулся отъ словъ, сказанныхъ надъ его ухомъ.

— Я думаю, ваша милость, что сегодня мы будемъ счастливѣе. Только не станемъ стрѣлять въ зайцевъ гранатами!

Серъ Джонъ Мурей не обидѣлся и отвѣтилъ, что готовъ ѣхать, хотя бы сейчасъ. Охотники отъѣхали довольно далеко влѣво отъ лагеря, въ то время, когда астрономы еще спали. На этотъ разъ Джонъ Мурей захватилъ съ собою простое ружье, болѣе пригодное для охоты на газелей и антилопъ. Они, конечно, могли встрѣтить и другихъ животныхъ, но Джонъ Мурей теперь скорѣе согласился бы стрѣлять дробью по льву, чѣмъ повторить выстрѣлъ, небывалый въ лѣтописяхъ спорта.

Судьба въ этотъ день благопріятствовала охотникамъ: они убили пару черныхъ, очень рѣдкихъ, антилопъ, охота за которыми весьма трудна. Это были чудесныя животныя вышиною около четырехъ футовъ, съ расходящимися, длинными, загнутыми въ формѣ сабель рогами. Голова у нихъ продолговатая, копыта черныя, шерсть мягкая и густая, уши узкія и заостренныя, грудь и животъ бѣлые, какъ снѣгъ. Охотники могли гордиться этой добычей, такъ какъ это животное составляло всегда желанную добычу Делегоржевъ, Вальберговъ, Кумминсовъ и Бальдвиновъ, и представляетъ самый замѣчательный образецъ южной фауны.

Но сердце англичанина сильно забилось, когда Мокумъ показалъ ему крупные слѣды на опушкѣ лѣса, недалеко отъ большого и глубокаго болота, вокругъ котораго росли огромные молочаи и голубыя водяныя лиліи.

— Если ваша милость захочетъ придти сюда завтра на разсвѣтѣ, то пусть возьметъ съ собою ружье съ разрывными пулями,—сказалъ Мокумъ.

— Почему вы мнѣ даете этотъ совѣтъ?—спросилъ Джонъ Мурей.

— На землѣ видны свѣжіе слѣды.

— Неужели эти громадныя углубленія—слѣды животныхъ! Ноги, оставившія такіе слѣды, должны имѣть не менѣе полусажени!

— Это значитъ, — сказалъ бушменъ, — что животныя, имѣющія такія ноги, должно быть не менѣе девяти футовъ въ плечахъ.

— Слонъ!—вскричалъ Джонъ Мурей.

— Да, сэръ, и это, вѣроятно, самецъ, очень крупный.

— До завтра, бушменъ.

— До завтра, серъ.

Охотники возвратились въ лагерь и привезли съ собою черныхъ антилопъ, вызвавшихъ всеобщіе восторги. Всѣ поздравляли охотниковъ, кромѣ Матвѣя Струкса, котораго могли тронуть только такія животныя какъ: Большая Медвѣдица, Драконъ, Пегасъ и Центавръ.

На другой день, въ четыре часа утра, оба охотника сидѣли неподвижно на лошадяхъ въ густой чащѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали слоновъ. Съ ними были собаки. Свѣжіе слѣды показывали, что животныя проходили здѣсь недавно. При охотникахъ были ружья, заряженныя разрывными пулями. Съ полчаса они ожидали, наконецъ, въ шагахъ пятидесяти отъ болота, чаща заколыхалась.

Серъ Джонъ Мурей схватился за ружье, но бушменъ его остановилъ. Показались огромныя тѣни. Слышно было, какъ лѣсъ раздвигался, скрипѣли деревья, трещали кустарники, доносилось шумное и тяжелое дыханіе. Это было стадо слоновъ. Шесть гигантскихъ животныхъ, не уступающихъ по величинѣ индійскимъ, появились на полянѣ и стали подвигаться къ болоту. Разсвѣтъ давалъ возможность Джону Мурею любоваться этими могучими животными. Одинъ изъ нихъ былъ особенно великъ: онъ имѣлъ широкій выпуклый лобъ, длинныя, повислыя уши и огромные изогнутые клыки, которыми онъ ударялъ со страшною силой по деревьямъ. Можетъ быть, онъ предчувствовалъ опасность.

Мокумъ наклонился и тихо спросилъ Джона Мурея:

— Какъ вамъ нравится этотъ гигантъ?

— Чудесенъ!

— Хорошо, мы его отдѣлимъ отъ стада.

Между тѣмъ слоны подошли къ болоту. Они втягивали хоботомъ воду и съ шумомъ выливали ее въ горло. Огромный самецъ, видимо встревоженный, осматривался кругомъ, втягивалъ въ себя воздухъ, точно чувствуя какой-то подозрительный запахъ.

Вдругъ бушменъ крикнулъ какимъ-то особеннымъ образомъ, и его три собаки съ громкимъ лаемъ бросились на слоновъ. Мокумъ, крикнувши товарищу: «оставайтесь!», кинулся наперерѣзъ слону.

Слонъ и не думалъ убѣгать; онъ съ бѣшенствомъ ударялъ хоботомъ по деревьямъ и размахивалъ хвостомъ. Серъ Джонъ не спускалъ съ него глазъ и держалъ ружье наготовѣ.

Въ эту минуту слонъ увидѣлъ врага и бросился на него. Джонъ Мурей находился на разстояніи шестидесяти шаговъ отъ слона. Когда тотъ приблизился шаговъ на двадцать, онъ выстрѣлилъ, но движеніе лошади помѣшало вѣрности прицѣла; пуля попала въ мягкія части и, не встрѣтивъ препятствія, не разорвалась.

Разъяренный слонъ побѣжалъ быстрѣе; это было похоже на быстрый шагъ, но такимъ шагомъ онъ могъ обогнать любую лошадь. Лошадь сера Джона Мурея взвилась на дыбы и понеслась, несмотря на всѣ усилія сѣдока ее удержать. Слонъ преслѣдовалъ, охотникъ не могъ зарядить ружья; слонъ нагонялъ. Они оба очутились на равнинѣ у опушки лѣса. Собаки съ лаемъ неслись возлѣ нихъ. Слонъ былъ такъ близко, что Джонъ Мурей уже чувствовалъ его горячее дыханіе. Каждую минуту онъ ждалъ, что его обхватитъ страшный хоботъ. Вдругъ лошадь присѣла, слонъ ударилъ ее по спинѣ, она заржала отъ боли и сдѣлала скачекъ въ сторону, чѣмъ спасла Мурея отъ смерти, потому что слонъ по инерціи пронесся впередъ, схватилъ одну изъ собакъ и съ яростью потрясалъ ею въ воздухѣ. Лошадь, инстинктивно чувствуя, что можно спастись въ лѣсу, понесла его туда; онъ, наконецъ, зарядилъ ружье. Между тѣмъ, слонъ снова погнался за охотникомъ, потрясая собакой, пока не убилъ ее о стволъ смоковницы; лошадь понеслась въ глубь лѣса и остановилась.

Серъ Джонъ, окровавленный и расцарапанный, обернулся назадъ, тщательно прицѣлился и выстрѣлилъ въ плечо. Пуля попала въ кость и разорвалась; другой выстрѣлъ, раздавшійся почти въ то же время, ранилъ животное въ лѣвый бокъ. Слонъ упалъ на колѣни у маленькаго озера, сталъ втягивать хоботомъ воду, поливать свои раны и испускать жалобные стоны. Въ эту минуту появился бушменъ.

— Онъ нашъ, онъ нашъ,—кричалъ Мокумъ.

Дѣйствительно, огромный слонъ былъ смертельно раненъ,

онъ испускалъ жалобные стоны, махалъ хвостомъ, и втягивая хоботомъ окровавленную воду, поливалъ деревья и кустарники краснымъ дождемъ. Потерявъ послѣднія силы, онъ упалъ и больше не шевелился.

Въ эту минуту Джонъ Мурей вышелъ изъ кустарниковъ; онъ былъ полураздѣтъ. Отъ охотничьяго костюма на немъ остались только лохмотья. Но онъ былъ очень доволенъ и не пожалѣлъ бы и своей кожи за такой успѣхъ.

— Чудное животное,—сказалъ онъ, разсматривая трупъ слона,—хотя нѣсколько тяжело для охотничей сумки.

— Да—сказалъ Мокумъ—но мы возьмемъ съ собою только лучшее. Посмотрите, какіе чудные клыки. Въ нихъ вѣсу не менѣе 25 фунтовъ въ каждомъ, а фунтъ слоновой кости стоитъ пять шилинговъ!

Сказавши это, охотникъ принялся разбирать животное; онъ отрубилъ клыки, ноги и хоботъ, такъ какъ эти части считаются наиболѣе вкусными и взялъ съ собою, чтобы угостить спутниковъ. Это заняло довольно много времени, и охотники возвратились только къ полудню.

Бушменъ приготовилъ жаркое изъ ногъ животнаго по африкански, т. е. зарывъ въ землю съ раскаленными углями. Отъ кушанья всѣ были въ восторгѣ, даже Николай Паландеръ, и въ одинъ голосъ хвалили храбраго Джона Мурея.

X. Потокъ.

Когда караванъ стоялъ въ краалѣ, полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ не встрѣчались. Широта опредѣлялась безъ нихъ. А если имъ не надо было видѣться съ научной цѣлью, то они и вовсе не встрѣчались. Наканунѣ отъѣзда полковникъ Эверестъ послалъ Матвѣю Струксу карточку за подписью «Р. Р. С.» и адресованную «русскому астроному»; въ отвѣтъ отъ него Эверестъ получилъ такое же письмо. 19-го мая караванъ двинулся къ сѣверу. У восьмого треугольника, вершина котораго приходилась на горѣ, влѣво отъ меридіана, углы, прилегающіе къ основанію, были измѣрены, и оставалось лишь дойти до этой новой станціи, чтобы снова продолжать работу.

Съ 19-го по 29-е мѣстность была соединена съ меридіаномъ двумя треугольниками. Было сдѣлано все, чтобы до-

стигнуть возможной точности. Работа шла хорошо, погода вполнѣ благопріятствовала. Почва не представляла непреодолимыхъ препятствій. Даже своей ровностью она отчасти затрудняла измѣреніе угловъ.

Это была совершенно ровная, зеленая равнина, пересѣкаемая ручьями, протекающими между корагу, изъ вѣтокъ которыхъ, бушмены дѣлаютъ луки. Встрѣчались обломки вывѣтрившихся скалъ, смѣшанныхъ съ глиной, пескомъ и желѣзистыми частями. Въ такихъ мѣстахъ воды совсѣмъ не было, а изъ растеній встрѣчался только мохъ.

Для наблюденій приходилось устанавливать столбы вышиною въ 10—12 метровъ, которые бы служили точками визированія. Это очень замедляло тріангуляцію, потому что каждый разъ столбъ надо было переносить на нѣсколько миль, чтобы образовать вершину новаго треугольника. Но продѣлывалось это экипажемъ «Королевы и Царя» очень искусно и быстро; работу ихъ оставалось только хвалить, если бы между ними иногда не возникали вопросы, задѣвающіе національность и вызывающіе раздоры.

Соревнованіе между начальниками экспедиціи, служащее причиной вражды между ними, часто передавалась и подчиненнымъ; Михаилу Цорну и Вильяму Эмери приходилось употреблять всѣ усилія, чтобы прекратить эти ссоры, которые легко могли перейти въ драку. Когда въ такія ссоры вмѣшивались полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ, то становилось еще хуже, потому что каждый принималъ сторону своихъ соотечественниковъ, не заботясь о томъ, кто правъ; ссора возникала и между ними, возрастая пропорціонально массамъ, какъ выражался Михаилъ Цорнъ. Черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда, Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ были уже пріятелями, даже Николай Паландеръ и сэръ Джонъ Мурей, одинъ поглощенный вычисленіями, а другой, занятый охотой, начали вмѣшиваться въ ссоры. Но это мало помогало, и однажды, Матвѣй Струксъ сказалъ полковнику Эвересту:

— Не воображайте о себѣ слишкомъ много, милостивый государь, и не забывайте, что вы имѣете дѣла съ астрономомъ Пулковской обсерваторіи, обладающей могущественнымъ телескопомъ!

Полковникъ Эверестъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ честью состоять при Кембриджской обсерваторіи, благодаря [illegible]

которой оказалось возможность опредѣлить, что пятно Андромеды принадлежитъ къ ложнымъ туманнымъ пятнамъ. Далѣе Матвѣй Струксъ сказалъ, что въ Пулковскій телескопъ, имѣющій четырнадцати-дюймовый объективъ, видны звѣзды тринадцатой величины. На это полковникъ Эверестъ возразилъ, что объективъ Кембриджскаго телескопа также имѣетъ четырнадцать дюймовъ въ діаметрѣ, и что ночью 31-го января 1852 года съ его помощью былъ открытъ таинственный спутникъ, вызывавшій неправильности въ движеніи Сиріуса.

Когда ученые доходятъ до подобныхъ препирательствъ, то отношенія между ними становятся невозможными, а за судьбу тріангуляціи приходится серьезно опасаться.

До сихъ поръ споры касались только мелочей геодезическихъ работъ; случалось, что оспаривались показанія теодолита, но о выборѣ станцій споръ не возникалъ; разногласія же о показаніяхъ инструмента лишь способствовали точности вычисленія.

31-го мая погода измѣнилась къ худшему. Въ другомъ мѣстѣ при подобномъ состояніи погоды можно было ожидать грозу и дождь. Небо было покрыто тучами, блеснула молнія, но грома не было; не было также дождя. Послѣ этого небо нѣсколько дней было пасмурнымъ, стоялъ туманъ, и точекъ для визированія на разстояніи мили уже не было видно.

Чтобы не терять времени, рѣшили работать по ночамъ. Мокумъ совѣтовалъ принять нѣкоторые предосторожности, чтобы обезопасить наблюдателей, такъ какъ звѣри, привлекаемые блескомъ электрическихъ лампъ, собирались и поднимали вой и ревъ.

Первое время, астрономамъ, окруженнымъ звѣрями, трудно было сосредоточиться на работѣ, которая, если и дѣлалась не менѣе точно, то во всякомъ случаѣ гораздо медленнѣе. Ревъ льва и сверкающіе глаза другихъ звѣрей смущали ученыхъ. Нужно было обладать очень большимъ присутствіемъ духа, чтобы при такихъ условіяхъ правильно наводить инструменты на свѣтъ сигналовъ и опредѣлять угловыя разстоянія.

Однако, члены ученой комиссіи черезъ нѣсколько дней освоились съ обстановкой и работали такъ же спокойно, какъ и въ обсерваторіи. На каждой станціи было нѣсколько бушменовъ, вооруженныхъ карабинами, и не мало дерзкихъ гіенъ пало подъ ихъ пулями. Джонъ Мурей былъ въ восторгѣ, что смотря въ окуляръ, онъ имѣлъ въ рукахъ ружье, и часто между двумя

номъ двумя [illegible]деніями дѣлалъ мѣткіе выстрѣлы.

Несмотря на дурную погоду, работы продолжались съ прежней точностью, и измѣреніе меридіана правильно продолжалось по направленію къ сѣверу. Съ 30-го мая по 17-е іюня никакихъ приключеній не было; новые треугольники безостановочно строились при помощи искусственныхъ станцій, и по разсчетамъ полковника Эвереста и Матвѣя Струкса къ концу мѣсяца долженъ быть измѣренъ новый градусъ 24-го меридіана, если какое-нибудь естественное препятствіе не задержитъ работу.

17-го іюня на пути нашей комиссіи встрѣтился довольно широкій потокъ, который пересѣкъ дорогу ученымъ; однако, перебраться черезъ него комиссіи было нетрудно, такъ какъ у нихъ имѣлся каучуковый челнокъ, спеціально предназначенный для такихъ переправъ. Повозка же и другія вещи приходилось переправлять въ бродъ.

Матвѣй Струксъ посовѣтовалъ европейцамъ съ инструментами ѣхать въ лодкѣ, а каравану подъ предводительствомъ Мокума спуститься ниже къ броду, который былъ извѣстенъ бушмену.

Притокъ Оранжевой рѣки здѣсь былъ шириною около полумили. Въ немъ находились подводные камни, и плаваніе по немъ въ такой лодкѣ было далеко не безопасно. Матвѣй Струксъ сказалъ объ этомъ, но не желая показаться трусомъ, присоединился къ общему рѣшенію.

Изъ ученыхъ одинъ лишь Николай Паландеръ сопровождалъ караванъ. Онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы боялся, — да онъ былъ такъ занятъ другимъ, что едва ли и подумалъ бы объ опасности. Онъ не былъ необходимъ для производства работъ, а въ маленькомъ челнокѣ трудно было помѣстить всѣхъ пассажировъ, необходимые инструменты и припасы. Нужны были опытные моряки, чтобы управлять лодкой, и Николай Паландеръ уступилъ свое мѣсто одному изъ матросовъ съ «Королевы и Царя», который въ этомъ случаѣ былъ навѣрное полезнѣе гельсингфорскаго астронома.

Условились встрѣтиться къ сѣверу отъ потока, и караванъ подъ предводительствомъ бушмена сталъ спускаться по лѣвому берегу. Скоро они совсѣмъ скрылись изъ виду. Полковникъ Эверестъ, Матвѣй Струксъ, Вильямъ Эмери, Михаилъ Цорнъ, Джонъ Мурей, два матроса и одинъ бушменъ остались на берегу Нозуба. Такъ туземцы назвали потокъ, который, благодаря проливнымъ дождямъ, сдѣлался очень широкъ.

— Очень красивая рѣчка—сказалъ Михаилъ Цорнъ Вильяму Эмери, лежа на травѣ, пока матросы приготовляли для чепреправы лодку.

— Да, очень красивая, но перебраться черезъ нее будетъ трудно,—сказалъ Вильямъ Эмери.—Вѣкъ этихъ потоковъ очень кратокъ, но живутъ они что называется «во-всю». Когда настанетъ засуха, въ этомъ потокѣ воды едва хватитъ, чтобы напоить караванъ, но теперь онъ непроходимъ. Теченіе его очень быстро, за то скоро и высохнетъ. Это вообще физическій и нравственный законъ природы. Лодка уже готова, и и разсуждать о философскихъ вопросахъ нѣтъ времени. Какъ то мы переберемся черезъ эту быстроту!

Каучуковая лодка, развернутая и скрѣпленная, была спущена въ воду. Вода здѣсь была спокойная, благодаря повороту вокругъ выдающагося мыса. Инструменты уложили въ лодку на связку травы, чтобы предохранить ихъ отъ толчковъ. Астрономы усѣлись такъ, чтобы не мѣшать гребцамъ, а бушменъ помѣстился на кормѣ, чтобы править рулемъ.

Туземецъ этотъ былъ проводникъ каравана. Мокумъ рекомендовалъ его, какъ хорошо знающаго африканскіе потоки. Онъ говорилъ немного по англійски и посовѣтовалъ пассажирамъ молчать во время переправы черезъ потокъ.

Канатъ отпустили, и не болѣе, какъ черезъ сотню шаговъ, они уже попали въ бурный потокъ. Приказанія, отдаваемыя рулевымъ, исполнялись матросами въ точности; они то приподымали весла, чтобы не натолкнуться на лежащее подъ водою дерево, то глубже забирали, чтобы преодолѣть водоворотъ, то предоставляли лодку теченію. Рулевой зорко слѣдилъ за теченіемъ воды и движеніемъ лодки и во-время предупреждалъ опасность. Европейцы были очень обезпокоены этой переправой. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Джонъ Мурей, неразлучный съ ружьемъ, любовался птицами, почти касавшимися поверхности воды. Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ разсѣянно смотрѣли на быстро мелькавшіе берега. Скоро они попали въ полосу самаго быстраго теченія; мѣсто это надо было пересѣчь наискось, чтобы попасть къ противоположному берегу, гдѣ теченіе уже было спокойнѣе. По приказанію рулевого, матросы сильно налегли на весла, но не могли удержать лодку, и она быстро понеслась внизъ по теченію. Ни руль, ни весла не могли дать

ей другого направленія. Положеніе становилось опаснымъ— легко было натолкнуться на скалу или выступъ берега, — и тогда лодка должна неминуемо опрокинуться. Всѣ ясно понимали опасность, но хранили полное молчаніе.

Рулевой приподнялся, чтобы лучше слѣдить за движеніями лодки, но не могъ ея задержать. Теченіе было такъ быстро, что совершенно парализовало руль. Шагахъ въ двухстахъ отъ лодки на поверхности воды была видна куча деревьевъ и камней, на которую лодка, казалось, должна была неминуемо налетѣть и разбиться. Вскорѣ, дѣйствительно, почувствовался толчокъ, но не такой сильный, какого ожидали; лодка наклонилась, ее захлеснуло волной, но путешественники удержались на своихъ мѣстахъ. Когда они очнулись, то увидѣли, что «скала», о которую они ударились, шевелилась и двигалась въ водѣ. Оказалось, что это былъ чудовищный гипопотамъ, прибитый теченіемъ къ островку и не рѣшавшійся двинуться, чтобы достигнуть берега. Когда его толкнули, онъ поднялъ голову и осматривался своими маленькими глупыми глазами. Онъ имѣлъ слишкомъ десять футовъ длины и покрытъ твердою, темною, голою кожей. Ротъ былъ открытъ, и изъ него выступали острые верхніе рѣзцы и громадные клыки. Онъ стремительно бросился на лодку и схватилъ ее зубами за бортъ. Джонъ Мурей, не потерявшій присутствія духа, выстрѣлилъ, и пуля попала гипопотаму возлѣ уха. Несмотря на боль, животное не выпускало лодки и сильно трясло ее. Серъ Джонъ снова зарядилъ ружье и выстрѣлилъ въ голову. Рана оказалась смертельная, и гипопотамъ, выпустивъ лодку, мертвый поплылъ по теченію.

Путешественники не успѣли опомниться, какъ лодка завертѣлась, попавъ бокомъ къ теченію и приняла направленіе къ срединѣ потока. Нѣсколько саженей ниже Нозубъ измѣнялъ направленіе; лодка донеслась до этого мѣста, и отъ сильнаго толчка о берегъ остановилась. Путешественники вышли на берегъ на двѣ мили ниже того пункта, гдѣ сѣли въ лодку.

XI. Гдѣ находился Николай Паландеръ?

Геодезическія работы возобновились. Былъ построенъ новый треугольникъ съ помощью двухъ станцій, соединенныхъ съ третьей, находящейся за рѣкой. Работѣ ничто не мѣшало.

кромѣ змѣй, которыхъ было здѣсь множество. Встрѣчались и очень ядовитыя, напримѣръ «мамбосъ», достигавшіе 10 футовъ длины; укушеніе ихъ смертельно. 21 іюня, черезъ четыре дня послѣ переправы, путешественники находились въ невысокомъ лѣсу, который не мѣшалъ тріангуляціи. На горизонтѣ виднѣлись возвышенности, отстоящія другъ отъ друга на нѣсколько миль; на нихъ было удобно установить столбы и фонари. Мѣсто это представляло изъ себя низкую равнину сырую, но плодородную. Вильямъ Эмери нашелъ здѣсь фиговыя деревья, плоды которыхъ очень любятъ бушмены. Воздухъ былъ наполненъ нѣжнымъ ароматомъ растеній, плоды которыхъ достигаютъ трехъ дюймовъ, торчатъ изъ подъ корней и распространяютъ пріятный ароматъ. Дѣти очень любятъ эти плоды, называемые кукумакранти. Кромѣ того, здѣсь встрѣчались цѣлыя поля колоквинтовъ и безконечные луга мяты.

Несмотря на плодородіе этой мѣстности, въ ней не было ни одной деревни и не видно было даже слѣдовъ костра. Воды было вполнѣ достаточно; встрѣчались маленькія озера к рѣчки, по всей вѣроятности, впадающія въ притоки Оранжевой рѣки.

Срокъ, назначенный Мокумомъ, приходилъ къ концу, и караванъ вскорѣ долженъ былъ уже прибыть. Наступалъ вечеръ, а его еще не было видно. Вѣроятно, его что-нибудь задержало. Джонъ Мурей предполагалъ, что, вѣрно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ караванъ разсчитывалъ перейти черезъ рѣку, брода не оказалось, благодаря сильнымъ дождямъ. Прошло и 22 число, но каравана не было. Полковникъ Эверестъ очень безпокоился, потому что безъ принадлежностей съемки и припасовъ они не могли двигаться къ сѣверу, а это могло дурно отозваться на изслѣдованіяхъ.

Матвѣй Струксъ замѣтилъ по этому поводу, что онъ съ самаго начала совѣтовалъ всѣмъ идти съ караваномъ, соединивши геодезически послѣднюю станцію по ту сторону рѣки съ двумя станціями, находящимися по другую ея сторону; нужно было его послушаться, и тогда бы экспедиція не попала въ затруднительное положеніе. Онъ прибавилъ, что если тріангуляція пострадаетъ отъ этой задержки, то виноваты будутъ тѣ, кто предлагалъ и т. д., и что во всякомъ случаѣ русскіе и т. д.

Полковникъ Эверестъ возражалъ противъ этихъ обвиненій, говоря, что рѣшеніе было принято сообща. Ихъ споръ прекратилъ Джонъ Мурей, разъяснившій пріятелямъ, что сдѣлан-

наго не вернешь и что теперь споръ все равно ни къ чему не приведетъ. Рѣшили ждать до завтра, а если караванъ не прибудетъ, то Михаилъ Цорнъ и Вильямъ Эмери отправятся его искать по указаніямъ проводника; остальнымъ придется ждать. Покончивъ на этомъ, соперники оставили другъ друга въ покоѣ. Джонъ Мурей отправился къ зарослямъ. Звѣрей не нашлось, птицы было много, но негодной для ѣды; однако, какъ естествоиспытатель, онъ получилъ удовлетвореніе, убивъ двухъ рѣдко встрѣчающихся птицъ—прекраснаго франколина въ двѣнадцать дюймовъ длины, съ короткими ногами, спиною темносѣраго цвѣта, краснымъ клювомъ и лапами. Другая птица принадлежала къ хищнымъ; это былъ родъ южно-африканскаго сокола съ красной шеей и бѣлымъ хвостомъ. Проводникъ аккуратно очистилъ обѣихъ птицъ, не портя ихъ оперенія.

Пришло и 23 іюня. Караванъ не показывался, и молодые астрономы уже собирались идти разыскивать его, какъ вдругъ раздался отдаленный лай, а затѣмъ показался Мокумъ на своей зебрѣ.

— Скорѣе, храбрый охотникъ, — вскрикнулъ радостно Джонъ Мурей, мы ужъ не надѣялись васъ дождаться. Я бы никогда не утѣшился, если бы вы пропали. Безъ васъ и охоты нѣтъ. Ну теперь, по этому случаю выпьемъ шотландской виски!

Бушменъ ничего не отвѣтилъ на привѣтствіе и тревожно искалъ кого-то глазами. Весь его видъ выражалъ какое-то безпокойство.

Полковникъ Эверестъ, замѣтившій это, подошелъ къ охотнику и спросилъ:

— Кого вы ищете Мокумъ?

— Господина Паландера,—отвѣчалъ бушменъ.

— Какъ, развѣ онъ не съ караваномъ! — воскликнулъ полковникъ.

— Нѣтъ, онъ не съ нами, и я полагалъ, что онъ здѣсь. Однако его, и здѣсь нѣтъ, значитъ—онъ заблудился.

Услышавши эти слова, Матвѣй Струксъ быстро подошелъ къ бесѣдовавшимъ.

— Николай Паландеръ заблудился!—вскричалъ онъ,—мы вамъ его поручили, и его съ вами нѣтъ, вы за него должны отвѣтить и не думайте, что сказавши «онъ заблудился»— вы все сдѣлали!

Слова эти совершенно возмутили охотника, который былъ хладнокровенъ только во время охоты.

— По какому праву вы такъ говорите, господинъ русскій астрономъ,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Я не обязанъ заботиться о вашемъ товарищѣ, если онъ самъ этого не дѣлаетъ. Напрасно вы обвиняете меня: онъ самъ виноватъ! Двадцать разъ я говорилъ ему, погруженному въ свои вычисленія, «не удаляйтесь отъ каравана!», двадцать разъ я ему говорилъ, что это опасно, и самъ провожалъ его; два дня тому назадъ онъ куда то исчезъ, и я его не могъ найти. Если вы искуснѣе меня, то попробуйте, поищите; за помощью обратитесь къ вашему телескопу, можетъ быть онъ вамъ поможетъ.

Бушменъ наговорилъ бы еще много, если бы Джону Мурею не удалось успокоить охотника и прекратить ссору. Здѣсь Матвѣй Струксъ вдругъ накинулся на полковника:

— Ни въ какомъ случаѣ я не позволю бросить своего товарища и употреблю всѣ усилія, чтобы разыскать его. Я увѣренъ, что если бы это случилось съ кѣмъ-нибудь изъ англійскихъ астрономовъ, то полковникъ Эверестъ бросилъ бы всѣ работы, чтобы отыскать товарища. Не понимаю, почему это такъ для англичанъ и по иному для русскихъ!

Полковникъ былъ видимо разобиженъ этими словами.

— Господинъ Струксъ, — воскликнулъ онъ, бросая негодующій взглядъ на своего противника,—какое право вы имѣете меня оскорблять, и за кого вы считаете англичанъ? По какому праву вы смѣете думать, что мы не пойдемъ отыскивать этого полоумнаго математика!

— Милостивый государь, — насторожился русскій, оскорбленный эпитетомъ, даннымъ Николаю Паландеру.

— Да, полоумному, повторилъ полковникъ Эверестъ, отчетливо выговаривая каждый слогъ. — А въ доказательство прибавлю, что если наши работы задержатся, то виноваты въ томъ будутъ русскіе, а никакъ не англичане.

— Полковникъ,—закричалъ Матвѣй Струксъ—ваши слова...

— Мои слова совершенно справедливы, милостивый государь, и я утверждаю, что пока не найдется вашъ математикъ, никакія работы производиться не будутъ. Готовы вы?

— Я былъ готовъ раньше, чѣмъ вы заговорили—сердито отвѣчалъ Матвѣй Струксъ.

И каждый изъ противниковъ направился къ своему помѣщенію, такъ какъ караванъ уже прибылъ. Джонъ Мурей, который слѣдовалъ за полковникомъ, сказалъ:

— Къ счастію, этотъ чудакъ не унесъ съ собою журналовъ съ записями.

— Я опасался, чтобы этого не случилось.

Оба англичанина, подойдя къ Мокуму, стали разспрашивать о подробностяхъ происшествія. Охотникъ разсказалъ, что математика послѣдній разъ видали два дня тому назадъ на разстояніи двѣнадцати миль отъ лагеря. Какъ только было замѣчено его отсутствіе, Мокумъ тотчасъ же сталъ его отыскивать, почему и запоздалъ съ караваномъ; не найдя ученаго, онъ рѣшилъ, что послѣдній встрѣтился со своими; но такъ какъ его не оказалось, то теперь надо искать къ сѣверо-востоку, въ лѣсистой части страны, не откладывая поисковъ, если хотятъ найти его живымъ. Уже прошло два дня, какъ онъ находится въ мѣстности, которая кишитъ змѣями и звѣрьми; совершенно безпомощный, онъ могъ уже умереть съ голоду. Нужно какъ можно скорѣе притти на помощь, чтобы не опоздать.

Черезъ два часа полковникъ Эверестъ, Матвѣй Струксъ, Джонъ Мурей и два молодыхъ астронома выѣхали верхомъ изъ лагеря. Всѣ ѣхали на быстрыхъ лошадяхъ, и Матвѣй Струксъ мысленно проклиналъ своего соотечественника, причинившаго ему столько безпокойствъ. Посадка его на лошади была такова, что только одни корректные англичане могли удержаться отъ смѣха. Мокумъ попросилъ проводника одолжить ему собаку, очень чуткую и смышленную. Онъ далъ ей понюхать шапку Паландера, посвисталъ особеннымъ свистомъ, и умное животное побѣжало къ сѣверо-востоку. Всѣ понеслись за нимъ и скрылись въ лѣсу. Цѣлый день полковникъ Эверестъ и его товарищи ѣздили за собакой, которая то забѣгала впередъ, то возвращалась, не находя настоящаго слѣда.

Астрономы громко звали по имени пропавшаго товарища, стрѣляли изъ ружей, стараясь дать знать Николаю Паландеру о своемъ присутствіи. Районъ на пять миль кругомъ лагеря былъ тщательно обысканъ, но ничего не найдено. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, и поиски пришлось отложить до другого дня.

Ночевали подъ группою деревьевъ у разложеннаго костра. Часто доносился ревъ лѣсныхъ звѣрей, вызывавшихъ мрачныя опасенія за участь Паландера, голоднаго, окоченѣвшаго въ холодную ночь, и совершенно беззащитнаго. Строили много плановъ для его спасенія, при чемъ англичане выказывали такъ много вниманія и сочувствія, что тронули даже Матвѣя

Струкса. Рѣшено было не приступать ни къ какимъ работамъ, пока не будетъ отысканъ Паландеръ.

Съ наступленіемъ утра, осѣдлали лошадей и поѣхали искать пропавшаго ученаго въ болѣе далекую мѣстность. Удаляясь все дальше и дальше къ сѣверо-востоку, достигли мѣстности совершенно болотистой и прорѣзанной потоками, въ которыхъ водились крокодилы,—огромныя прожорливыя животныя, достигавшіе до тридцати футовъ длины. Джонъ Мурей хотѣлъ было въ нихъ выстрѣлить, но Мокумъ посовѣтовалъ не терять безполезно времени.

Астрономы продолжали свои поиски почти безъ надежды на успѣхъ; присматривались къ помятой травѣ, къ вѣткѣ, сломанной на высотѣ человѣческаго роста, ко всякому значку на деревьяхъ,—но ничего утѣшительнаго не могли открыть.

Отъѣхавши миль на десять къ сѣверу отъ послѣдней ночевки, они собирались было уже повернуть, по совѣту бушмена, на юго-западъ, какъ вдругъ замѣтили, что собака усиленно залаяла, замахала хвостомъ, обнюхивала землю, быстро отбѣгала и снова возвращалась на прежнее мѣсто.

— Полковникъ, — сказалъ бушменъ — собака разыскала слѣдъ дичи, то бишь, ученаго, на котораго мы охотимся; пусть удостовѣрится.

— Да, это навѣрное такъ; замѣтьте какъ она странно лаетъ, точно разговариваетъ съ самой собою; я готовъ дать бы ея хозяину пятьдесятъ фунтовъ, если она приведетъ насъ къ Николаю Паландеру.

Матвѣй Струксъ не обратилъ вниманія на пренебрежительный тонъ бушмена и думалъ лишь о томъ, какъ бы найти товарища.

Всѣ ждали, когда, наконецъ, собака побѣжитъ по опредѣленному направленію. Это случилось скоро; собака громко залаяла и быстро исчезла въ зарослях.

Лѣсъ былъ слишкомъ густъ, и путешественникамъ пришлось слѣдовать опушкой сообразуясь съ лаемъ собаки. Теперь уже никто не сомнѣвался, что ученый будетъ найденъ. Вопросъ былъ лишь въ томъ—живымъ или мертвымъ? Было одиннадцать часовъ. Лай на нѣкоторое время замолкъ. Бушменъ и Джонъ Мурей, ѣхавшіе впереди, пріостановились, какъ вдругъ лай раздался снова, на разстояніи полумили къ западу, уже не въ лѣсу. Всѣ помчались туда и очутились на болотистой

равнинѣ. Ясно слышенъ былъ лай собаки, но видать ея не было за высокимъ камышемъ. Путешественникамъ пришлось слѣзть съ лошадей и пѣшкомъ пробираться черезъ камышъ на лай собаки.

Выйдя изъ камышей они увидали огромное пространство воды, густо заросшее растеніями; это было самое низкое мѣсто болота.

Собака, бѣгая по берегу, громко и порывисто лаяла.

— Вотъ, вотъ!—вскричалъ бушменъ.

Дѣйствительно, на краю мыса, шагахъ въ трехстахъ отъ нихъ сидѣлъ на пнѣ Николай Паландеръ съ карандашемъ и записной книжечкой въ рукахъ, погруженный въ вычисленія и ничего вокругъ себя не замѣчая.

А кругомъ его сторожило цѣлое стадо крокодиловъ, приближавшихся съ высунутыми изъ воды головами. Казалось, еще моментъ, и несчастный математикъ будетъ схваченъ чудовищами.

— Скорѣе!—крикнулъ охотникъ.—Удивляюсь, чего крокодилы еще ждутъ.

— Можетъ быть они ждутъ когда онъ тронется,—сострилъ сэръ Мурей, вѣдь вы говорите, что крокодилы никогда не ѣдятъ свѣжаго мяса.

Бушменъ и Джонъ Мурей, оставивъ своихъ товарищей на берегу, пошли по узкому перешейку къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Паландеръ.

Ученый ничего не видѣлъ и невозмутимо продолжалъ выводить цыфры. Не успѣли пріятели пройти и двухсотъ шаговъ, какъ крокодилы выбрались на берегъ и прямо двинулись къ своей добычѣ. «Только мѣткость выстрѣла и хладнокровіе могутъ еще спасти его»,—тихо проговорилъ охотникъ.

Они опустились на колѣни и прицѣлились въ двухъ ближайшихъ крокодиловъ. Мѣткіе выстрѣлы перебили животнымъ хребты, и они грузно скатились въ воду; остальные поспѣшно скрылись.

Звукъ выстрѣловъ заставилъ Николая Паландера выйти изъ забытья. Завидѣвъ знакомыхъ, онъ поспѣшно подошелъ къ нимъ со словами:

— Я нашелъ, я нашелъ!

— Что вы нашли, господинъ Паландеръ? — спросилъ его сэръ Джонъ Мурей.

— Неточность въ мантиссѣ логарифма 103-хъ по таблицамъ Джона Уильсона.

Дѣйствительно, онъ нашелъ ошибку. Удивительный человѣкъ! Онъ замѣтилъ неточность въ логарифмѣ. И имѣлъ право на сто фунтовъ, обѣщанныхъ издателемъ Джономъ Уильстономъ. Вотъ чѣмъ былъ занятъ русскій астрономъ впродолженіи четырехъ дней, во время своего одиночества! Самъ Андре Мари Амперъ, наиболѣе разсѣянный изъ всѣхъ ученыхъ, не могъ бы превзойти этого чудака.

XII. Станція во вкусѣ сэра Джона.

Какъ бы то ни было, но русскій математикъ былъ, наконецъ, найденъ. И когда его спросили, какъ онъ провелъ эти четыре дня, онъ не могъ дать отвѣта. Опасности, которымъ онъ подвергался, были прямо невѣроятны. Когда ему разсказали о случаѣ съ крокодилами, онъ не хотѣлъ вѣрить, принимая разсказъ за шутку. Былъ-ли онъ голоденъ? Нисколько. Питался онъ цифрами, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что даже открылъ ошибку въ логариѳмическихъ таблицахъ. Въ присутствіи своихъ товарищей, Матвѣй Струксъ, изъ чувства національнаго самолюбія не хотѣлъ дѣлать никакихъ упрековъ Николаю Паландеръ, но нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи разсѣянный русскій астрономъ получилъ хорошую головомойку отъ своего начальника, и, вѣроятно, значительно умѣрилъ свой пылъ къ разыскиванію ошибокъ въ логариѳмахъ.

Измѣренія немедленно были возобновлены. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней работы шли успѣшно. Ясная погода благопріятствовала какъ опредѣленію зенитныхъ разстояній, такъ и измѣренію угловъ при станціяхъ. Къ прежнимъ треугольникамъ были прибавлены новые, и углы ихъ были тщательно измѣрены. 28-го іюня астрономы подошли уже къ основанію пятнадцатаго треугольника. По ихъ разсчетамъ, этотъ треугольникъ долженъ былъ заключить отрѣзокъ меридіана между вторымъ и третьимъ градусомъ. Чтобы покончить вполнѣ съ послѣднимъ треугольникомъ надо было измѣрить прилежащіе углы визированіемъ станціи, составлявшей вершину этого треугольника.

Но здѣсь возникло серіозное затрудненіе. Вся мѣстность была закрыта зарослями, и нельзя было найти такого мѣста, гдѣ можно было бы помѣстить сигнальные знаки. Довольно большой наклонъ къ сѣверу позволялъ установить вѣхи, но мѣшали ихъ видѣть. Лишь одно возвышенное мѣсто позволяло

установить на ней рефлекторъ, но оно была слишкомъ отдалена. Это была вершина горы въ 1.200—1.300 фут., расположенной въ 30-ти миляхъ къ сѣверо-западу. При такихъ условіяхъ стороны 15-го треугольника должны были бы выйти длиннѣе двадцати тысячъ саженъ. Хотя при нѣкоторыхъ геодезическихъ предпріятіяхъ случалось брать стороны треугольника и въ два, три, даже четыре раза большіе, но англо-русской комиссіи приходилось прибѣгать къ этому лишь въ первый разъ.

Послѣ серьезнаго обсужденія этого вопроса, рѣшено было все-таки установить на этой вершинѣ электрическій фонарь, а до тѣхъ поръ, пока сигнальный знакъ будетъ установленъ, работы пришлось временно прекратить. Полковникъ Эверестъ, Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ вмѣстѣ съ тремя матросами и двумя проводниками отправились къ возвышенности, чтобы установить свѣтящеюся точку, на которую при ночныхъ наблюденіяхъ надо было направить трубу теодолита. Разстояніе было слишкомъ велико, чтобы днемъ при свѣтѣ солнца можно было бы производить измѣреніе съ должной точностью. Собравъ свои инструменты, приборы и съѣстные припасы, которые были уложены на спинахъ муловъ, экспедиція отправилась въ путь утромъ 28-го іюня. Полковникъ Эверестъ, разсчитывалъ дойти до подошвы горы не раньше слѣдующаго дня, и какъ бы легокъ ни былъ подъемъ, фонарь могъ быть установленъ въ ночь съ 29-го на 30-е. Наблюдатели, оставшіеся въ лагерѣ, не могли замѣтить свѣтящейся точки на вершинѣ 15-го треугольника раньше, чѣмъ черезъ тридцать шесть часовъ. Въ отсутствіе полковника Эвереста, Матвѣй Струксъ и Николай Паландеръ принялись опять за свои прежнія занятія. Джонъ Мурей и бушменъ, бродя по окрестностямъ лагеря, убили нѣсколько разновидностей антилопъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ южной Африкѣ. Кромѣ антилопъ, сэръ Джонъ убилъ еще нѣсколько жираффъ,—животныхъ, рѣдко встрѣчающихся на сѣверѣ Африки, но весьма обыкновенныхъ въ южныхъ степяхъ. Охота на жираффъ признается охотниками самою интересною. Сэръ Джонъ и бушменъ напали на стадо, головъ въ двадцать. Жираффы настолько осторожны, что не позволяютъ подходить ближе пятисотъ шаговъ. Но одна самка отстала отъ стада, и охотники рѣшили ее загнать. Животное убѣгало не скоро, и казалось, не представлялось особенной трудности его настичь; но когда лошади сэра Джона и бушмена, казалось, совсѣмъ уже

приблизились, жираффа, вытянувъ шею, помчалась съ невѣроятной быстротой. Ее пришлось преслѣдовать на протяженіи двухъ миль. Наконецъ, пуля, посланная ему вслѣдъ сэромъ Джономъ, уложила животное, ранивъ его въ предплечье. Жираффа была ростомъ не менѣе одиннадцати футовъ, считая отъ копыта до маленькихъ роговъ, покрытыхъ волосами.

Въ продолженіе слѣдующей ночи два русскихъ астронома опредѣлили угловую высоту нѣкоторыхъ звѣздъ, что дало имъ возможность опредѣлить широту мѣста, гдѣ былъ расположенъ лагерь.

День 29-го іюня прошелъ безъ всякихъ приключеній. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали ночи, чтобы намѣтить вершину пятнадцатаго треугольника. Ночь наступила беззвѣздная, сухая, безъ малѣйшаго тумана; такая ночь вполнѣ благопріятствовала наблюденіямъ за сильно отдаленной свѣтящейся точкой, которую нужно было уловить въ полѣ зрѣнія трубы. Всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы заранѣе. Зрительная труба отражательнаго круга была направлена на вершину горы, для того, чтобы уловить свѣтъ электрическаго фонаря.

Въ продолженіе ночи съ 29-го на 30-е марта Матвѣй Струксъ, Николай Паландеръ и Джонъ Мурей чередовались у окуляра инструмента... Но на вершинѣ горы не удавалось замѣтить никакого сигнала.

Наблюдатели заключили, что, вѣроятно, подъемъ былъ очень труденъ, и полковникъ Эверестъ къ вечеру не успѣлъ добраться до вершины. Свои наблюденія они отложили до слѣдующей ночи, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы свѣтъ отъ фонаря удалось замѣтить днемъ.

Но каково было ихъ изумленіе, когда 30-го іюня, около двухъ часовъ пополудни полковникъ Эверестъ и его товарищи возвратились въ лагерь. Сэръ Джонъ побѣжалъ навстрѣчу товарищамъ.

— Вы ли это, полковникъ?—вскричалъ онъ.

— Да, мы, сэръ Джонъ.

— А гора? Развѣ она неприступна?

— Напротивъ, очень приступна,—отвѣтилъ Эверестъ,—но она охраняема. Вотъ почему мы вернулись за подкрѣпленіями.

— Кѣмъ? Туземцами?

— Да, четвероногіе туземцы, и съ косматой гривой, они уже растерзали одну нашу лошадь.

И въ нѣсколькихъ словахъ полковникъ разсказалъ своимъ товарищамъ о своихъ приключеніяхъ. До подошвы горы все обстояло благополучно. Послѣ осмотра оказалось, что гора доступна только съ юго-западнаго пригорка, и проходить надо было черезъ ущелье. А тамъ, по выраженію бушмена, львы учредили свою резиденцію. Всѣ попытки полковника выжить ихъ оттуда, оказались тщетны. Такъ какъ путешественники не захватили достаточно оружія, то должны были уйти, потерявъ одну лошадь, у которой левъ однимъ ударомъ лапы переломилъ хребетъ.

Этотъ разсказъ не могъ не взволновать Джона и бушмена. «Гора львовъ» была необходимая станція для продолженія геодезическихъ работъ. Случай помѣриться силами съ самыми страшными представителями кошачьей породы былъ слишкомъ заманчивъ, чтобы имъ не воспользоваться; экспедиція была немедленно снаряжена и выступила въ походъ.

Всѣ европейскіе ученые, не исключая равнодушнаго Паландера, захотѣли принять въ ней участіе; однако, необходимо было кому-нибудь остаться въ лагерѣ, чтобы измѣрить углы, прилежащіе къ основанію новаго треугольника. Полковникъ Эверестъ, понимая, что его присутствіе необходимо для контроля надъ работами, рѣшилъ остаться въ обществѣ двухъ русскихъ астрономовъ. Съ другой стороны, никакіе доводы, не остановили бы Джона Мурей. Отрядъ, назначенный для очищенія ущелья, которое вело къ горѣ, состоялъ изъ сэра Джона, Вильяма Эмери, Михаила Цорна и еще изъ трехъ туземцевъ, которыхъ Мокумъ зналъ, какъ за замѣчательно смѣлыхъ и хладнокровныхъ охотниковъ.

Пожавъ руки своимъ товарищамъ, трое европейцевъ въ четыре часа вечера покинули лагерь и скрылись въ кустарникѣ по дорогѣ къ горѣ. Они нетерпѣливо погоняли лошадей и къ девяти часамъ вечера успѣли проѣхать пространство въ 30 миль. Не доѣзжая двухъ миль до горы, отрядъ расположился на ночлегъ. Огня не зажигали, потому что Мокумъ не хотѣлъ привлекать вниманіе животныхъ, предпочитая сразиться съ ними среди бѣла дня. Въ продолженіе этой ночи былъ слышенъ почти все время неумолкаемый ревъ львовъ: эти хищники только ночью покидаютъ свои берлоги, охотясь за пищей. Ни одинъ изъ охотниковъ не спалъ, и бушменъ воспользовался этой безсонницей, чтобы дать своимъ спутникамъ нѣсколько драгоцѣнныхъ наставленій.

— Господа,—началъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ,—если полковникъ Эверестъ не ошибался, мы завтра будемъ имѣть дѣло съ черногривыми львами. Эти звѣри принадлежатъ къ особенно свирѣпой породѣ, чрезвычайно опасной. Намъ надо быть крайне осторожными. Рекомендую особенно остерегаться ихъ первыхъ прыжковъ на разстояніи отъ 16 до 20 шаговъ. Но если прыжокъ неудаченъ, левъ рѣдко его повторяетъ. Говорю вамъ это по личному опыту. Когда утромъ львы будутъ возвращаться въ свои берлоги, мы и нападемъ на нихъ. Но они будутъ защищаться, и защищаться не жалѣя себя. Надо знать, что по утрамъ они болѣе сыты и потому не такъ сильны и не такъ свирѣпы. Это самое важное, но вотъ и второстепенное: они дѣлаются тѣмъ трусливѣе, чѣмъ чаще ихъ тревожатъ безъ причины. Но здѣсь въ этой дикой странѣ они будутъ страшно свирѣпы. Совѣтую также сообразоваться съ разстояніемъ выстрѣла. Дозвольте звѣрю приблизиться, не торопитесь, цѣльте прямо въ предплечье. Прибавлю, что лошадей мы оставимъ позади; эти животныя испугаются при видѣ львовъ и помѣшаютъ всадникамъ хорошо мѣтить. Сражаться мы будемъ пѣшими, и надѣюсь, что хладнокровіе васъ не покинетъ.

Товарищи бушмена внимательно слушали каждое его слово. Мокумъ былъ привычный охотникъ. Онъ зналъ, что дѣло предстоитъ серьезное; если, дѣйствительно, левъ не бросается на человѣка, проходящаго равнодушно мимо него, то на нападающаго онъ бросается съ яростью, доходящей до крайнихъ предѣловъ. Тогда это ужасный звѣрь, котораго къ тому же природа наградила гибкостью, кровожадностью и силой. Бушменъ еще разъ посовѣтывалъ европейцамъ сохранить полное присутствіе духа и въ особенности сэру Джону, который иногда слишкомъ увлекался своей отвагой. «Стрѣляйте въ льва такъ же спокойно, какъ въ куропатку. Это главное», говорилъ бушменъ.

Дѣйствительно, это главное. Но кто, положа руку на сердце, можетъ сказать, что онъ не потеряетъ хладнокровія при встрѣчѣ со львомъ?

Въ четыре часа утра охотники, привязавъ своихъ лошадей въ чащѣ лѣса, покинули ночную стоянку. День еще не начался. Нѣсколько красноватыхъ облаковъ плыло по темному фону восточнаго горизонта. Было еще совсѣмъ темно. Бушменъ посовѣтовалъ спутникамъ осмотрѣть свои ружья. Сэру Джону и

ему надо было вложить только мѣдную гильзу съ зарядомъ въ свои карабины и осмотрѣть курокъ. Михаилъ Цорнъ и Вильямъ Эмери перемѣнили пистоны въ своихъ нарѣзныхъ винтовкахъ, такъ какъ прежніе могли отсырѣть. Туземцы же вооружились луками, которыми владѣли очень хорошо; не одного льва они подстрѣлили уже на смерть своими стрѣлами.

Всѣ шесть человѣкъ направились къ ущелью по той дорогѣ, которую наканунѣ осмотрѣло двое молодыхъ ученыхъ. Они не говорили ни слова, молча пробираясь среди деревьевъ, какъ краснокожіе въ чащѣ своихъ лѣсовъ. Скоро маленькая группа достигла той возвышенности, гдѣ находилось ущелье. У этого мѣста начинался проходъ между двумя гранитными скалами. Приблизительно на полдорогѣ до ближайшей отлогости было логовище львовъ. Бушменъ распоряжался планомъ охоты. Сэръ Джонъ Мурей и одинъ изъ туземцевъ должны были по выступамъ доползти до ущелья и выгнать оттуда львовъ къ выходу ущелья. Тамъ, два молодыхъ европейца и два бушмена встрѣтятъ ихъ пулями и стрѣлами. Мѣстность представляла всѣ удобства для выполненія этого плана. Тамъ подымалась громадная сикомора, которая далеко раскинула свои вѣтки и представляла собой вѣрное убѣжище для охотниковъ, такъ какъ львы на деревья не влѣзаютъ, составляя почти единственное исключеніе изъ породы кошекъ. Охотники, расположившись такимъ образомъ на вѣткахъ, были бы въ безопасности отъ страшныхъ львиныхъ прыжковъ и могли очень удобно и спокойно стрѣлять.

Самая опасная задача лежала на Мокумѣ, сэрѣ Джонѣ и одномъ изъ туземцевъ. На возраженія, которыя сдѣлалъ Вильямъ Эмери, охотникъ отвѣтилъ, что иначе и быть не можетъ, и настаивалъ на строгомъ выполненіи его плана. Молодые люди не сдѣлали никакихъ возраженій.

День началъ заниматься. Верхъ горы, облитый лучами солнца, горѣлъ, какъ факелъ. Бушменъ, осмотрѣвъ своихъ четырехъ товарищей, сидящихъ на вѣткахъ, далъ сигналъ Джону и туземцу отправиться съ нимъ. Они ползли по выступу у правой сторонѣ ущелья. Бушменъ разсчитывалъ, что львы, вернувшись съ ночной охоты, въ своемъ логовищѣ пожираютъ добычу, а можетъ быть и спятъ. Онъ думалъ застать львовъ именно въ этомъ состояніи и покончить съ ними.

Четверть часа спустя послѣ того, какъ они вступили въ

ущелье, Мокумъ и его спутники достигли обвала, про который имъ говорилъ Михаилъ Цорнъ. Это была довольно глубокая пещера, но разсмотрѣть ее вполнѣ не представлялось возможности, такъ какъ входъ былъ заваленъ остатками животныхъ и кучей костей. Нельзя было сомнѣваться, что это дѣйствительно было именно то логовище, про которое говорилъ полковникъ Эверестъ.

Но въ эту минуту, вопреки ожиданіямъ охотниковъ, логовище оказалось пустымъ. Мокумъ, съ ружьемъ на готовѣ, поползъ дальше на колѣняхъ. Онъ добрался до входа въ логовище. Взглядъ, брошенный въ глубину, открылъ ему, что тамъ никого нѣтъ. Это обстоятельство, про которое они совсѣмъ и не думали, немедленно измѣнилъ весь планъ. Два товарища тотчасъ явились по его зову.

— Сэръ Джонъ,—сказалъ охотникъ,—наша дичь еще не вернулась, но она не замедлитъ появиться, и я предлагаю занять ея мѣсто. По моему, такимъ молодцамъ, какъ намъ, пріятнѣе быть атакованными, чѣмъ атаковывать самимъ, да еще будучи въ такомъ удобномъ положеніи. Что вы на это скажете?

— Я скажу то же, что и вы,—отвѣтилъ Джонъ Мурей,—я подъ вашимъ начальствомъ—приказывайте!

Мокумъ, сэръ Джонъ и туземецъ пробрались въ логовище. Это была огромная пещера, усѣянная костями и кусками окровавленнаго мяса. Убѣдившись вполнѣ, что она совсѣмъ пустая, охотники забаррикадировали входъ громадными камнями, которые прикатывали съ большимъ трудомъ. Разстоянія между камнями они заполнили вѣтками и хворостомъ, въ которыхъ недостатка не ощущалось. Эта работа была скоро окончена, и охотники, засѣвъ за баррикадами, стали ждать.

Ждать пришлось недолго. Въ четверть шестого показались левъ и двѣ львицы. Это были громадные звѣри; черногривый левъ, волоча по землѣ свой хвостъ, несъ въ зубахъ цѣлую антилопу, потрясая ею, какъ кошка трясетъ мышь. Эта тяжелая ноша, видимо, нисколько его не обременяла, не казалась тяжелой для его челюстей; онъ шелъ съ ней совершенно свободно. Двѣ желтыя львицы, прыгая и рѣзвясь, слѣдовали за нимъ.

Сэръ Джонъ, какъ онъ самъ послѣ признавался, почувствовалъ, что сердце его страшно бьется. Зрачки расширились, лобъ покрывался морщинами, и онъ испытывалъ тотъ страхъ,

къ которому примѣшивалось нетерпѣніе и удивленіе. Но это продолжалось недолго, и онъ быстро овладѣлъ собою. Что же касается его двухъ товарищей, то они были спокойны, какъ обыкновенно.

Между тѣмъ, левъ и львицы почуяли опасность. При видѣ своего закрытаго жилища, они остановились менѣе чѣмъ въ шестидесяти шагахъ. Самецъ испустилъ ужасный ревъ, и всѣ бросились въ то мѣсто, около котораго раньше были охотники. Совершенно ясно черезъ вѣтви можно было видѣть этихъ звѣрей съ желтыми туловищами, со сверкающими глазами и съ настороженными ушами.

— Вотъ такъ куропатки!—пробормоталъ сэръ Джонъ на ухо бушмену.—Каждому по одной.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мокумъ тихимъ голосомъ,—здѣсь еще не вся семья, и выстрѣлъ ихъ только напугаетъ. Бушменъ, попадете вы изъ лука на такомъ разстояніи?

— Да, Мокумъ,—отвѣтилъ туземецъ.

— Ну, хорошо, такъ цѣльте же въ лѣвый бокъ самцу и пронзите ему сердце!

Бушменъ натянулъ тетиву и сталъ со вниманіемъ прицѣливаться сквозь хворостъ. Стрѣла завизжала. Левъ свалился шагахъ въ 30-ти отъ пещеры и не шевелился. Можно было видѣть его оскаленные зубы, выдѣлявшіеся межъ окровавленныхъ губъ.

— Прекрасно, бушменъ!—сказалъ охотникъ.

Въ эту минуту львицы, покинувъ чащу, бросились на трупъ льва. На ихъ сильное рыканіе появились еще два льва. За старымъ, желтымъ самцомъ, шла третья львица. Грива ея, которая поднялась отъ ярости, придавала ей гигантскій ростъ. Она казалась вдвое больше противъ натуральной величины. Всѣ львы прыгали и страшно ревѣли.

— Берите карабины, — вскричалъ бушменъ, — стрѣляйте сейчасъ же, такъ какъ едва ли они успокоятся!

Грянуло два выстрѣла. Одинъ левъ свалился мертвымъ: разрывная пуля бушмена попала ему въ хребетъ. Другой, въ котораго стрѣлялъ сэръ Джонъ, былъ раненъ въ лапу и съ яростью бросился къ засадѣ, а за нимъ и львицы. Они старались открыть входъ въ пещеру, и, вѣроятно, сдѣлали бы это, если бы имъ не мѣшали выстрѣлы. Бушменъ, сэръ Джонъ и туземецъ отошли въ глубину пещеры. Ружья были съ поспѣш-

ностью вновь заряжены. Два или три мѣткихъ выстрѣла—и охота была бы кончена, но непредвидѣнное обстоятельство внезапно измѣнило дѣло.

Въ пещерѣ вдругъ загорѣлся хворостъ отъ упавшаго на него пыжа. Мгновенно пламя, развѣваемое вѣтромъ, стало преградой между охотниками и звѣрями. Львы отступили. Охотникамъ угрожала опасность задохнуться въ пещерѣ. Положеніе было ужасное. Никто не зналъ за что приняться.

— Прочь отсюда, скорѣй! — кричалъ, почти задыхаясь, бушменъ.

Хворостъ былъ разбросанъ ружейными прикладами, камни съ трудомъ раздвинули, и трое охотниковъ, почти задыхаясь въ клубахъ дыма, выскочили изъ засады.

Туземецъ и сэръ Джонъ едва успѣли опомниться, какъ оба были повергнуты на землю: африканецъ ударомъ лапы, а англичанинъ—ударомъ хвоста огромныхъ львицъ. Туземецъ, получившій ударъ въ грудь, лежалъ безъ движенія. Сэръ Джонъ думалъ, что сломалъ ногу, и упалъ на колѣни. Въ эту минуту, когда животное хотѣло броситься на него, его во-время остановила пуля бушмена, разорвавшись въ тѣлѣ послѣ того, какъ наткнулась на кость.

Въ эту минуту Михаилъ Цорнъ, Вильямъ Эмери и два бушмена явились весьма кстати изъ-за поворота ущелья. Два льва и львица были уже убиты пулями и стрѣлами. Но оставались двѣ львицы и самецъ, у котораго нога была ранена выстрѣломъ сэра Джона. Карабины между тѣмъ дѣлали свое дѣло въ искусныхъ рукахъ ихъ владѣльцевъ. Вторая львица упала сраженная въ голову и бокъ пулями. Раненый левъ и и третья львица однимъ прыжкомъ перепрыгнули черезъ головы охотниковъ и исчезли за поворотомъ, получивъ вдогонку двѣ двѣ стрѣлы и двѣ пули.

Крикъ торжества вырвался у сэра Джона. Львы были побѣждены; четыре трупа неподвижно лежало на землѣ. Всѣ бросились къ Джону Мурею. Съ помощью своихъ друзей онъ поднялся. Его нога, къ счастію, не была сломана. Что же касается туземца, то онъ былъ лишь оглушенъ сильнымъ ударомъ и черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ себя. Часъ спустя, вся компанія была въ лѣсу, гдѣ находились оставленныя лошади. Двухъ львовъ-бѣглецовъ, которые спаслись, они больше не встрѣчали.

— Ну, что, сэръ Джонъ, какъ вамъ нравятся африканскія куропатки?—спросилъ Мокумъ.

— Превосходны,—отвѣчалъ тотъ, потирая больную ногу,—превосходны! Но какіе у нихъ хвосты! Что за хвосты!

XIII. Съ помощью огня.

Полковникъ Эверестъ со своими товарищами ожидали съ вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ, вѣсти о результатѣ сраженія, происходящаго у подножія горы. Ночью должна появиться свѣтящаяся точка, въ томъ случаѣ, если будетъ удачна. Легко представить себѣ ту тревогу, въ которой путешественники провели весь день. Инструменты были готовы. Они направили ихъ на вершину горы, чтобы постараться увидѣть свѣтъ черезъ зрительную трубу, какъ бы слабъ онъ ни былъ.

Но покажется ли этотъ свѣтъ?

Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ ни на одну минуту не могли успокоиться. И только Николай Паландеръ, занятый своими вычисленіями, забылъ о той опасности, которая грозила его товарищамъ. Да не сочтется ему за грѣхъ его природный эгоизмъ! Сказанное о математикѣ Бульвардѣ, можно повторить и о немъ: «онъ до тѣхъ поръ не перестанетъ вычислять, пока не перестанетъ жить». А между тѣмъ два ученыхъ, англичанинъ и русскій, очень безпокоились какъ за выполненіе геодезическихъ работъ, такъ и за своихъ друзей, которымъ грозила серьезная опасность. Эту опасность они вполнѣ преодолѣли бы сами но удастся ли это ихъ товарищамъ? И если продположить, что не удастся, то неожиданное препятствіе можетъ совсѣмъ остановить ихъ работы, или весьма ихъ затянуть. Легко понять по этому безпокойство двухъ астрономовъ, въ продолженіи всего знаменательнаго дня.

Наконецъ, ночь настала. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ, поочередно проводили по полчаса у окуляра зрительной трубы. Во время этихъ наблюденій они не произносили ни одного слова и смѣняли одинъ другого съ хронометрической точностью. Кто первый увидитъ свѣтъ, который ожидался съ такимъ нетерпѣніемъ?

Часы проходили. Миновала полночь, но ничего еще не появлялось на вершинѣ горы. Наконецъ, когда было уже безъ

четверти три, полковникъ Эверестъ спокойно вставая, просто произнесъ «Сигналъ!»

Ему посчастливилось, къ большой досадѣ его русскаго товарища, увидѣть свѣтъ первому.

Русскій не замедлилъ тотчасъ же самъ убѣдиться въ появленіи сигнала. Но Матвѣй Струксъ, сдержавшись, не произнесъ ни одного слова. Послѣ нѣсколькихъ наблюденій, измѣренный уголъ оказался въ 73°58'42"413. Какъ видитъ читатель, величину его опредѣляли съ точностью до тысячныхъ долей секунды, иначе говоря—почти съ абсолютной точностью.

На слѣдующій день, 2-го іюля, лагерь, чуть свѣтъ снялся. Полковникъ Эверестъ хотѣлъ увидѣть своихъ товарищей, какь можно скорѣе. Ему интересно было узнать—не слишкомъ ли дорогой цѣной купили они свою побѣду. Повозки двинулись вслѣдъ за своими проводниками, и въ полдень всѣ члены научной экспедиціи соединились. Всѣ оказались налицо. Разсказъ о боѣ со львами былъ встрѣченъ поздравленіемъ побѣдителей.

Въ продолженіи этого утра Джонъ Мурей, Михаилъ Цорнъ и Вильямъ Эмери измѣрили съ вершины горы угловое разстояніе новой станціи, которая была расположена въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ меридіана.

Работы могли продолжаться безъ замедленія. Астрономы опредѣлили высоту нѣкоторыхъ звѣздъ, а также опредѣлили широту мѣста, изъ чего Николай Паландеръ убѣдился, что послѣдними тригонометрическими наблюденіями получена вторая часть дуги меридіана въ одинъ градусъ. Отсюда слѣдовало, что общее протяженіе пятнадцати треугольниковъ покрываетъ два градуса меридіана.

Работы продолжались безостановочно. Имъ помогали благопріятныя условія, и вполнѣ можно было надѣяться, что для полнаго окончанія работъ не встрѣтится никакихъ препятствій. Въ продолженіи пяти недѣль небо было чисто и безоблачно. Мѣстность, немного гористая, была очень удобна для устройства лагерей. Въ съѣстныхъ припасахъ, которыми завѣдывалъ бушменъ, недостатка не ощущалось: во главѣ съ сэромъ Джономъ охотники въ изобиліи снабжали ими экспедицію. Почтенный англичанинъ, уже больше не считалъ тѣхъ породъ буйволовъ и антилопъ, которыя падали подъ его выстрѣлами.

Все шло превосходно. Здоровье было у всѣхъ цвѣтущее; въ водѣ недостатка не было. И наконецъ, споры между полковникомъ Эверестомъ и Матвѣемъ Струксъ, казалось, начали стихать къ всеобщему удовольствію. Трудились всѣ, не жалѣя силъ, и можно, казалось, было предвидѣть окончательный успѣхъ ихъ труда. Какъ вдругъ одно препятствіе внезапно остановило наблюденія и вновь вызвало прежніе споры.

Это было 11-го августа. Наканунѣ караванъ пробирался по заросшей кустарникомъ мѣстности, на цѣлыя мили покрытой лѣсомъ. Въ это утро повозки остановились передъ густымъ лѣсомъ фиговыхъ деревьевъ, которыя тянулись далеко за горизонтъ.

Что можетъ быть величественнѣе этой массы зелени, образовавшей нѣчто въ родѣ занавѣсей въ сто футовъ высоты! Никакое описаніе не дастъ яснаго представленія объ этихъ прекрасныхъ африканскихъ деревьяхъ. Тамъ есть всевозможныя породы—и *гунда*, и *мосокосо*, и *мукомду*, лѣсъ разыскиваемый для строенія судовъ. Деревья съ большими стволами, покрытыми совсѣмъ черной корой, *богинія*—твердая какъ желѣзо, *бухнера* съ оранжевыми цвѣтами, великолѣпные *рудебланы*, свѣтлые у ствола и украшенные замѣчательно эффектно расположенной листвой, *гайасы*, нѣкоторые изъ которыхъ имѣли въ окружности пятнадцать футовъ. Изъ этой чащи доносился шопотъ, иногда таинственный, иногда явственный и сильный, напоминавшій шумъ буруна. Это вѣтеръ, проходя черезъ густыя вѣтви, съ шумомъ вырывался на опушку гигантскаго лѣса.

На вопросъ, предложенный полковникомъ Эверестомъ, охотникъ отвѣтилъ:

— Это лѣсъ Равума!

— А насколько онъ тянется съ востока на западъ?

— На сорокъ пять миль.

— Ну, а отъ юга на сѣверъ?

— Приблизительно миль десять.

— Какъ же мы пройдемъ черезъ эту густую массу деревьевъ?

— Мы и не пойдемъ насквозь,—отвѣчалъ Мокумъ,—тамъ нѣтъ совсѣмъ тропинокъ. Намъ ничего не остается, какъ обогнуть лѣсъ съ западной или съ восточной стороны.

Услыхавъ столь опредѣленные отвѣты Мокума, начальникъ

экспедиціи пришелъ въ большое затрудненіе. Очевидно невозможно было установить точекъ визированія въ этомъ лѣсу, который занималъ совершенно ровную мѣстность. Если же его обходить то это значило бы удалиться отъ меридіана миль на 20 или 25, что во-первыхъ, затянуло бы работу, а во-вторыхъ пришлось бы къ тригонометрической сѣти прибавить около дюжины треугольниковъ.

Но какъ бы то ни было, а надо рѣшить, что дѣлать съ этой преградой. Вопросъ былъ важенъ и труденъ для рѣшенія.

Какъ только лагерь устроился въ тѣни группы великолѣпныхъ деревьевъ, въ разстояніи, приблизительно, около полумили отъ опушки, астрономы собрались на совѣтъ, чтобы притти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Предложеніе пробраться черезъ чащу деревьевъ было немедленно отвергнуто. Теперь оставалось только рѣшить—обходить ли лѣсъ съ правой или съ лѣвой стороны, но такъ какъ меридіанъ пересѣкалъ лѣсъ посерединѣ, то удаленіе отъ него было какъ въ одну, такъ и въ другую сторону одинаково. Члены англо-русской комиссіи рѣшили, что лѣсъ надо обогнуть съ восточной или западной стороны, — это уже было безразлично. Но случилось такъ, что этотъ, ничего незначущій вопросъ вызвалъ ожесточенный споръ между полковникомъ Эверестъ и Матвѣемъ Струксъ. Противники, нѣкоторое время сдерживавшіеся, дали просторъ своей скрытой ненависти, разговоръ дѣлался все громче, вопросъ обострялся, и дѣло кончилось крупной и серьезной ссорой. Напрасно товарищи пытались ихъ успокоить. Два начальника ничего не желали слушать. Первый, англичанинъ, стоялъ за правую сторону, приближавшую экспедицію къ дорогѣ по которой шелъ Давидъ Ливингстонъ, въ свое первое путешествіе къ водопадамъ Замбези; планъ англичанина имѣлъ свою выгодную сторону, такъ какъ эта мѣстность, болѣе извѣстная и чаще посѣщаемая, могла представить значительныя удобства. Что же касается русскаго, то онъ предлагалъ лѣвую сторону, но лишь съ единственной цѣлью—противорѣчить полковнику. Если бы полковникъ предложилъ лѣвую сторону, то онъ стоялъ бы за правую. Недоразумѣніе шло все дальше, и можно было опасаться, что члены экспедиціи раздѣлятся.

Михаилъ Цорнъ, Вильямъ Эмери, Джонъ Мурей и Николай Паландеръ, видя что ничего не могутъ подѣлать, не вмѣшивались больше въ споры начальниковъ. Упрямство ихъ было

настолько сильно, что можно было боятся, что работы остановяться на этомъ мѣстѣ и будутъ продолжаться по двумъ развѣтвленіямъ сѣти косыхъ треугольниковъ.

День прошелъ, но обѣ враждующія стороны не пришли ни къ какому результату. На другой день, 12-го августа, сэръ Джонъ предвидя, что ученыя еще долго не придутъ къ соглашенію, предложилъ Мокуму побродить по окрестностямъ, а тѣмъ временемъ, можетъ два астронома и придутъ къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Но во всякомъ случаѣ, кусокъ свѣжей дичи не будетъ лишнимъ. Всегда готовый Мокумъ свиснулъ собаку, Топа и два охотника углубились въ лѣсъ; разговаривая охотясь, они отошли на нѣсколько миль отъ лагеря. Вполнѣ естественно, что разговоръ касался обстоятельства, остановившаго геодезическія работы.

— Представляю,—сказалъ бушменъ,—что намъ порядочно времени придется провести на опушкѣ Равумскаго лѣса. Ни одинъ, ни другой изъ нашихъ начальниковъ не уступитъ противнику. Простите за вульгарное сравненіе, но они мнѣ напоминаютъ двухъ быковъ—одинъ тянетъ налѣво, другой направо, когда не хотятъ идти вмѣстѣ, а повозка такимъ образомъ ни съ мѣста.

— Это ужасно досадно,—возвразилъ сэръ Джонъ Мурей, и я боюсь, чтобы ихъ упрямство не привело къ полному разногласію. Если бы здѣсь не были затронуты интересы науки, то я совершенно индифферентно отнесся бы къ ссорѣ астрономовъ, милый Мокумъ. Здѣсь въ степяхъ Африки, мнѣ есть чѣмъ разсѣяться, и до тѣхъ, пока они придутъ къ соглашенію, я буду гулять съ ружьемъ.

— Но все-таки, значитъ, вы думаете, что они придутъ къ соглашенію? Что касается меня, я на это не надѣюсь, и думаю, что простоимъ мы здѣсь весьма продолжительное время.

— И я этого боюсь, Мокумъ, отвѣтилъ сэръ Джонъ. Наши начальники спорятъ о пустомъ вопросѣ, которыя они не могутъ рѣшить научнымъ путемъ. Оба они правы, можно сказать, и оба неправы. Полковникъ Эверестъ заявилъ категорически, что онъ не уступитъ и не согласится. Матвѣй Струксъ поклялся, что никогда не согласится съ мнѣніемъ полковника, и оба ученыхъ, которые безусловно сдались бы передъ научными данными, въ вопросѣ затрагивающемъ самолюбіе, никогда не согласятся. Дѣйствительно, какая досада, что этотъ лѣсъ пересѣкаетъ меридіанъ!

— О, чертъ съ этимъ лѣсомъ!—говорилъ бушменъ,—когда дѣло принимаетъ такой оборотъ. И между прочимъ, что за фантазія пришла ученымъ—измѣрять ширину и длину земли? Къ чему они придутъ, измѣривъ ее дюймами и футами? Что касается меня, то я съ большимъ удовольствіемъ отстранилъ бы себя отъ всѣхъ такихъ вещей. Я предпочитаю считать тотъ шаръ, на которомъ я живу, громаднымъ, и всякія лишнія вычисленія будутъ только умалять его величину! Нѣтъ, сэръ Джонъ, если я еще проживу сто лѣтъ, то и тогда не буду признавать вашихъ затѣй.

Сэръ Джонъ не могъ сдержать улыбки. Часто этотъ вопросъ трактовался между нимъ и охотникомъ; и это дитя природы, этотъ свободный житель лѣсовъ, и долинъ, этотъ неустрашимый преслѣдователь дикихъ звѣрей не могъ понять пользы тріангуляціи. Иногда, сэръ Джонъ старался его разувѣрить, но бушменъ приводилъ ему аргументъ изъ его примитивной философіи, которые онъ сообщалъ съ дикимъ краснорѣчіемъ, и Джонъ, полуученый и полуохотникъ, вполнѣ понималъ его.

Болтая такимъ образомъ, сэръ Джонъ и Мокумъ, стрѣляя мелкую дичь, горныхъ зайцевъ, «жіосіуровъ» (породу грызуновъ, которую изслѣдовалъ Ожили и назвалъ «graphiceus elegans»). И цѣлую массу куропатокъ съ коричневыми, желтыми и черными перьями. Но можно сказать, что въ этой охотѣ участвовалъ одинъ лишь Джонъ. Бушменъ стрѣлялъ мало. Онъ, казалось весь былъ поглощенъ разногласіемъ двухъ ученыхъ, вызвавшимъ остановку въ работахъ. «Инцидентъ съ лѣсомъ», озабочивалъ его больше, чѣмъ самаго сэра Джона. Дичь, попадающаяся на пути, не привлекала его вниманія, а у такого страстнаго охотника—это не къ добру.

И дѣйствительно, мысль о разногласіи, сначала весьма неясная, впослѣдствіи овладѣла всецѣло бушменомъ, и по немногу принимало въ его умѣ все болѣе ясныя формы. Сэръ Джонъ вскорѣ увидѣлъ бушмена, разговаривающимъ съ самимъ собою, спрашивающимъ себя, и отвѣчающимъ. Онъ видѣлъ ружье бездѣйствующимъ, а его владѣльца равнодушнымъ къ приближенію дичи, пушной и пернатой, и иногда останавливающимся, какъ Николай Паландеръ, когда тотъ находилъ ошибку въ своихъ логарифмахъ. Но сэръ Джонъ отнесся съ уваженіемъ къ этой работѣ ума и не мѣшалъ своему товарищу размышлять. Два или три раза въ продолженіе этого дня

Мокумъ приближался къ сэру Джону и говорилъ: «Итакъ, вы думаете, что полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ никогда не сговаряться по этому предмету»?

На этотъ вопросъ сэръ Джонъ отвѣчалъ, что возможность соглашенія ему кажется сомнительной, и что можно опасаться полнаго разрыва между англичаниномъ и русскимъ.

Въ послѣдній разъ—это было подъ вечеръ, за нѣсколько миль до лагеря,—Мокумъ предложилъ опять свой вопросъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. Но тогда онъ прибавилъ:

Ну хорошо—вы можете быть совершенно спокойны, я нашелъ средство удовлетворить сразу обоихъ ученыхъ!

— И это правда? — Спросилъ сэръ Джонъ, сильно удивленный.

— Да! и я это утверждаю, сэръ Джонъ. Еще до завтра полковикъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ не найдутъ больше предлога спорить, если вѣтеръ будетъ благопріятствовать.

— Что вы этимъ хотите сказать, Мокумъ?

— Ужъ я знаю что, сэръ Джонъ!

— Ну хорошо, поступайте, какъ знаете, Мокумъ. Вы окажете большую услугу ученому міру, и ваше имя сохранится въ лѣтописяхъ науки.—Сэръ Джонъ не сталъ больше распрашивать бушмена. Но онъ все-таки не могъ догадаться, какимъ образомъ его товарищъ приведетъ къ согласію обоихъ ученыхъ, которые такъ упорно мѣшали благопріятному исходу работъ.

Охотники приблизились къ лагерю около пяти часовъ вечера. Вопросъ не подвинулся впередъ ни на шагъ, а недоразумѣніе между русскимъ и англичаниномъ все обострялось. Вмѣшательство и довольно частое Михаила Цорна и Вильяма Эмери неприводило ни къ какому результату. Полное примиреніе послѣ тѣхъ оскорбительныхъ намековъ, которыми они успѣлиобмѣняться, казалось, совершенно неосуществимымъ. Можно было даже опасаться вызова, который былъ бы естественнымъ слѣдствіемъ спора. Если тріангуляція не прекратится окончательно, что все говоритъ за то, что каждый изъ начальниковъ будетъ ее продолжать отдѣльно. Но въ такомъ случаѣ вся коммиссія раздѣлится, а это было бы особенно печально для двухъ молодыхъ людей, которые такъ привыкли другъ къ другу и отвѣчали одинъ другому горячей симпатіей.

Сэръ Джонъ понялъ, что происходило въ нихъ и проникся вполнѣ ихъ грустью. Можетъ быть онъ успокоилъ бы ихъ,

передавъ имъ слова бушмена; не будучи увѣренъ въ справедливости этихъ словъ, онъ не хотѣлъ заранѣе обнадеживать молодыхъ людей и рѣшилъ ждать результата до слѣдующаго дня.

Въ продолженіе вечера, бушменъ не измѣнилъ ничего въ своихъ обычныхъ занятіяхъ. Около лагеря онъ разставилъ стражу, какъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать. Осмотрѣлъ расположеніе повозокъ и принялъ всѣ предосторожности, чтобы обезопасить караванъ.

Сэръ Джонъ уже началъ думать, что онъ забылъ о своемъ намѣреніи. Передъ отходомъ ко сну, онъ старался узнать побольше отъ полковника Эвереста о русскомъ астрономѣ. Полковникъ твердо стоялъ на своемъ и считалъ себя безусловно правымъ, прибавляя, что если Матвѣй Струксъ будетъ стоять на своемъ англичане, то русскіе должны будутъ разойтись. Послѣ всего, сэръ Джонъ Муррей, очень встревоженный, легъ спать; а такъ какъ отъ преключенія дня вообще и отъ охоты онъ достаточно усталъ, то и не замедлилъ уснуть. Около 11 ч. вечера онъ вдругъ былъ разбуженъ. Туземцы были въ необыкновенномъ волненіи; они бѣгали по лагерю во всѣ стороны.

Сэръ Джонъ сейчасъ же поднялся и нашелъ всѣхъ своихъ товарищей на ногахъ. Лѣсъ былъ весь въ огнѣ.

Какое зрѣлище! Въ эту темную ночь, на черномъ фонѣ неба огромный, огненный занавѣсъ подымался до самаго зенита. И въ одну минуту лѣсъ на много миль былъ охваченъ огнемъ.

Сэръ Джонъ Мурей взглянули на Мокума, который неподвижно стоялъ около него. Но бушменъ не отвѣтилъ на его взглядъ. Сэръ Джонъ понялъ: огонь проложитъ ученымъ дорогу черезъ этотъ непроходимый лѣсъ.

Вѣтеръ, дующій съ юга, благопріятствовалъ замысламъ бушмена. Воздухъ шелъ точно изъ вентилятора, поддерживалъ пожаръ и насыщалъ кислородомъ этотъ гигантскій костеръ. Онъ раздувалъ огонь, отрывалъ горящія вѣтки и несъ ихъ въ глубину, гдѣ сейчасъ же вспыхивало новое пламя. Площадь огня расширялась все больше и больше. Лагерь начиналъ охватывать невыносимый жаръ. Сухія вѣтки, вмѣстѣ съ обуглившимися, трещали и валились среди этой огненной скатерти; загорались, какъ факелы, ясныя искры при свѣтѣ смолистыхъ деревьевъ. Слышался ужасный трескъ, иногда звучные, инадо; глухіе выстрѣлы, отъ горѣнія различныхъ породъ деревьевъ

иногда доносился ужасный шумъ, напоминающій разрывъ бомбы, — это горѣло «желѣзное дерево». Небо отражало гигантское зарево. Облака, совсѣмъ красныя, казалось тоже горѣли, точно пожаръ перешелъ и туда, на небо. Массы искръ блестѣли на темномъ фонѣ, среди дыма.

Затѣмъ поднялся вой, ревъ, мычаніе со всѣхъ концовъ лѣса. Мелькали тѣни, испуганныя стада бѣжали по всѣмъ направленіямъ, проносились темные силуэты, издающія страшный ревъ, по которому можно было догадаться о породѣ бѣгущихъ. Гіены, буйволы, львы, слоны, бѣжали безъ оглядки. Пожаръ продолжался всю эту ночь, весь день и еще слѣдующую ночь. А 14-го августа утромъ, громадное пространство, опустошенное огнемъ, открывало дорогу въ лѣсъ на нѣсколько миль. Открылся проходъ къ меридіану, и на этотъ разъ судьба тріангуляціи была спасена, благодаря находчивости Мокума.

XIV. Объявленіе войны.

Работа возобновилась въ тотъ же день. Поводъ къ спору былъ устраненъ. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ не помирились вполнѣ, но они вмѣстѣ принялись за геодезическія работы.

Съ лѣвой стороны этого широкаго прохода, образованнаго пожаромъ, подымался холмъ, очень ясно видный на разстояніи миль пяти. Его вершина могла быть и точкой визированія, и вершиной для новаго треугольника. Уголъ, который образовывался холмомъ и послѣдней стоянкою былъ измѣренъ, и на другой день караванъ отправился дальше по сожженному лѣсу.

Это была дорога, сплошь усѣянная углемъ. Почва была еще горячей, головешки дымились то тамъ, то здѣсь, и подымался теплый, совсѣмъ влажный паръ. Потомъ стали попадаться обгорѣлые трупы тѣхъ животныхъ, которыя не успѣли спастись изъ своихъ убѣжищъ отъ пожара. Можно было также думать, что пожаръ кончился еще не вполнѣ, и что вѣтеръ воспроизведетъ его съ новой силой, и тогда онъ поглотилъ бы весь лѣсъ. Вотъ почему ученые торопились его миновать. Караванъ, попавшій въ кругъ огня, неминуемо погибнетъ. А между тѣмъ такая опасность угрожала, потому что на окраинахъ лѣса виднѣлся еще дымъ. Мокумъ подгонялъ

возчиковъ, и къ серединѣ дня лагерь былъ расположенъ у подножья холма, еще ранѣе намѣченнаго съ помощью теодолита.

Масса скалъ, которыми заканчивалась возвышенность, казалось были созданы руками человѣка. Здѣсь высилась какъ бы ограда изъ массы камней, которые, если бы попали на глаза археологу, заставили бы его не мало удивиться. Конусообразный песчанникъ поднимался надо всѣмъ и заканчивалъ этотъ монументъ, который нѣкогда, вѣроятно, былъ африканскимъ жертвенникомъ.

Два молодыхъ астронома и сэръ Мурей пожелали ближе разсмотрѣть это удивительное зданіе. По вершинѣ холма они добрались до верхней площадки. Бушменъ былъ съ ними. Посѣтители находились отъ ограды шагахъ въ двадцати, какъ вдругъ изъ-за нея выскочилъ какой-то человѣкъ, притаившійся за камнями фундамента; потомъ, съ удивительной быстротой онъ поспѣшно скрылся въ чащѣ, которой огонь не коснулся.

До сихъ поръ бушменъ ни разу не видѣлъ этого человѣка, но одного взгляда достаточно было, чтобы опредѣлить, кто это такой.

— Мокололосъ!—закричалъ онъ—и помчался за бѣглецомъ.

Сэръ Джонъ Мурей, увлекающійся всякими приключеніями, послѣдовалъ за нимъ. Они вмѣстѣ обыскали весь лѣсъ, но туземца не нашли. Этотъ послѣдній былъ въ лѣсу своимъ, зналъ каждую дорожку, и найти его было бы не легко.

Полковникъ Эверестъ, узнавъ о приключеніи съ туземцемъ, сталъ подробно разспрашивать бушмена. Кто былъ этотъ туземецъ? Что онъ дѣлалъ въ этой мѣстности? И почему онъ, бушменъ, бросился его догонять?

— Это нѣкто Мокололосъ, полковникъ, — отвѣтилъ Мокумъ,—туземецъ сѣвернаго племени, которое кочуетъ по притокамъ Замбези. Племя это враждуетъ не только съ бушменами—они отважные грабители, которыхъ боятся всѣ путешествующіе по южной Африкѣ. Во всякомъ случаѣ мы должны употребить всѣ усилія, чтобы не встрѣтиться съ нимъ больше.

— Но, бушменъ,—возразилъ полковникъ Эверестъ,—что намъ за дѣло до этой банды воровъ? Развѣ мы не въ состояніи отразить ея нападеній?

— Въ данное время да, — отвѣтилъ бушменъ, — но эти шайки встрѣчаются большей частью на сѣверѣ, и тамъ ихъ разбить трудно.

— Если этотъ Мокололосъ шпіонъ, въ чемъ я ни на минуты не сомнѣваюсь, то онъ не замедлитъ прислать намъ навстрѣчу сотню разбойниковъ, и когда они прибудутъ, полковникъ, я не ручаюсь за неприкосновенность вашихъ треугольниковъ.

Полковникъ Эверестъ былъ сильно встревоженъ этой встрѣчей. Онъ зналъ, что не въ привычкахъ бушмена преувеличивать опасность, и что дѣйствительно, надо быть на чеку. Его появленіе и поспѣшное бѣгство, вполнѣ доказывали, что его засгали подсматривающимъ и подслушивающимъ. И казалось, невозможнымъ, чтобы теперь сѣверныя племена не были извѣщены о близости англо-русской экспедиціи. А въ такомъ случаѣ, чѣмъ помочь?

Эта опасность заставила принять всевозможныя мѣры, но тріангуляціи рѣшено было не останавливать.

17-го августа измѣреніе третьяго градуса меридіана было окончено. Вѣрное опредѣленіе широты вполнѣ выясняло положеніе достигнутаго пункта. Астрономы измѣрили эти три градуса съ помощью двадцати двухъ треугольниковъ. Справка, сдѣланная по картѣ, показала, что въ ста миляхъ къ сѣверо-востоку отъ меридіана находится селеніе Колобенгъ. Астрономы, посовѣтовавшись, рѣшили остановиться на нѣсколько дней въ этой деревнѣ, въ которой они, безъ сомнѣнія, могли получить вѣсти изъ Европы. Вотъ уже около шести мѣсяцевъ, какъ они покинули берега рѣки Оранжевой и были въ этой южной Африкѣ совершенно отрѣзаны отъ цивилизованнаго міра. Колобенгъ—сборный пунктъ для всѣхъ миссіонеровъ, и здѣсь путешественники разсчитывали возстановить прорванную связь между ними и Европой. А кромѣ того, караванъ тамъ оправится отъ усталости и пополнитъ свой запасъ провизіи.

Тотъ камень, который служилъ точкой визированія при послѣднихъ работахъ, былъ принятъ за конечный пунктъ первой части геодезическихъ работъ. Съ этой вѣхи должны будутъ начаться дальнѣйшія работы. Широта мѣста была точно опредѣлена. Полковникъ Эверестъ, убѣдившись, что все идетъ правильно, далъ сигналъ къ отъѣзду, и весь караванъ направился къ Колобенгу.

Европейцы прибыли въ эту деревню 22-го августа, послѣ путешествія, полнаго тревогъ и приключеній.

Селеніе Колобенгъ состоитъ изъ нѣсколькихъ хижинъ,

среди которыхъ возвышается зданіе для миссіонеровъ. Эта деревня на нѣкоторыхъ картахъ называется Литубаруба, раньше же она называлась Лепелоле. Давидъ Ливингстонъ жилъ тамъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ; въ 1843 г. онъ изучалъ здѣсь нравы бехуановъ, которые въ той части Африки болѣе извѣстны подъ названіемъ бактиновъ.

Миссіонеры встрѣтили членовъ научной экспедиціи очень привѣтливо. Въ ихъ распоряженіе было предоставлено все лучшее, имѣвшееся въ селеніи. Между прочимъ, въ Колобенгѣ можно было видѣть еще домъ, гдѣ жилъ Давидъ Ливингстонъ, сохранившійся въ томъ состояніи, въ которомъ нашелъ его историкъ Больдвинъ, иначе говоря—совсѣмъ почти развалившимся, такъ какъ буры, во время вторженія въ 1852 году, не оказали ему должнаго уваженія.

Астрономы, едва успѣвъ немного устроиться по домашнему, тотчасъ же справились о вѣстяхъ изъ Европы. Главный миссіонеръ не могъ удовлетворить ихъ любопытства, такъ какъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ не прибыло ни одного курьера. Но нѣсколько дней тому назадъ онъ слышалъ о разносчикѣ газетъ и телеграммъ, туземцѣ, который теперь на берегахъ верхняго теченія Зембезе. По его мнѣнію, этотъ курьеръ придетъ въ селеніе не позднѣе, чѣмъ черезъ недѣлю. Это время астрономы рѣшили провести въ отдыхѣ, въ полномъ ничегонедѣланьѣ; одинъ лишь Николай Паландеръ провѣрялъ свои вычисленія.

Что касается Матвѣя Струкса, то онъ избѣгалъ своихъ англійскихъ товарищей и держался отдѣльно. Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ проводили время въ прогулкахъ по окрестностямъ Колобенга. Дружба связывала ихъ все больше и больше, и имъ никогда не могло придти въ голову, что она когда-нибудь порвется, основанная на глубокой симпатіи ума и сердца.

30-го августа, разносчикъ, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, явился. Это былъ уроженецъ Кильміаны, того города, который находится при одномъ изъ устьевъ Замбезе. Корабль, пришедшій туда съ камедью и слоновой костью, въ первыхъ числахъ іюля, привезъ и почти, которую миссіонерамъ послали съ этимъ туземцемъ. Такимъ образомъ, эта почта шла около двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ гонцу надо было употребить самое меньшее четыре недѣли, чтобы подняться къ верховьямъ Замбезе.

Въ этотъ день произошло приключеніе, на которомъ стоитъ остановиться, такъ какъ научная экспедиція, благодаря ему, подвергалась разнымъ опасностямъ. Главный начальникъ, сейчасъ же по прибытіи гонца передалъ полковнику Эвересту европейскіе журналы. Это были большей частью слѣдующія газеты: Times, Daily News, Journal des Débats; новости, которыя они узнали изъ газетъ, имѣли для нихъ гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать.

Члены комиссіи собрались въ главной залѣ. Полковникъ Эверестъ, развязавъ свертокъ съ журналами, взялъ одинъ изъ номеровъ Daily News отъ 13-го мая 1854 г. и началъ читать своимъ товарищамъ. Но едва онъ прочелъ заглавіе передовой статьи, какъ лицо его измѣнилось, на лбу появились морщины, и номеръ жунала задрожалъ въ его рукахъ. Спустя нѣсколько минутъ, полковникъ Эверестъ пришелъ въ себя, и къ нему вернулось его обыкновенное самообладаніе. Сэръ Джонъ Мурей поднялся и обратился къ капитану:

— Что вы прочли?—спросилъ онъ.

— Важныя новости,—отвѣтилъ полковникъ Эверестъ,—и очень печальныя; я ихъ сейчасъ вамъ сообщу.

Полковникъ держалъ въ рукахъ номеръ Daily News. Его товарищи во всѣ глаза смотрѣли на него, не понимая его волненія. Они не могли дождаться, когда, наконецъ, онъ заговоритъ.

Полковникъ поднялся. Къ большому удивленію всѣхъ, а въ особенности Матвѣя Струкса, онъ приблизился къ послѣднему.

— Прежде чѣмъ говорить о новостяхъ, которыя я прочелъ въ этомъ журналѣ, я хотѣлъ бы немного съ вами побесѣдовать.

— Я готовъ васъ слушать,—отвѣтилъ русскій астрономъ.

Полковникъ продолжалъ важнымъ тономъ:

— До сихъ поръ, господинъ Струксъ, частыя размолвки и споры останавливали нашу общую работу, предпринятую съ цѣлью общей пользы. Я объясняю все это тѣмъ, что оба мы стояли во главѣ этой экспедиціи, и такое положеніе порождало постоянный антагонизмъ между нами. Я полагаю, что во всякомъ дѣлѣ начальникъ долженъ быть одинъ. А вы согласны съ этимъ?

Матвѣй Струксъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Господинъ Струксъ,—продолжалъ полковникъ,—по совершенно независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, это тяжелое положеніе для насъ обоихъ скоро кончится, но прежде,

позвольте мнѣ вамъ сказать, господинъ Струксъ, что къ вамъ я питаю глубокое уваженіе, достойное вашего имени въ ученомъ мірѣ. Кромѣ того, примите увѣреніе, что я искренно сожалѣю о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя происходили между нами.

Эти слова полковникъ произнесъ съ большимъ достоинствомъ и даже съ оттѣнкомъ гордости.

Не замѣтно было и тѣни униженія въ этихъ добровольныхъ извиненіяхъ, такъ благородно выраженныхъ.

Ни Матвѣй Струксъ, никто изъ его товарищей не понимали, куда клонитъ рѣчь полковникъ Эверестъ. Нельзя было даже догадаться о причинѣ. Можетъ быть русскій астрономъ и не соглашался съ мнѣніями полковника и не желалъ забыть личную вражду, но онъ переселилъ себя и отвѣтилъ:

— Полковникъ, о нашихъ личныхъ размолвкахъ, я думаю такъ же, какъ и вы; я не буду искать причинъ, которыя ихъ вызывали, но я полагаю, что онѣ не мѣшали исполнять намъ общее дѣло. Я также цѣню вашъ умъ, ваши способности, и сдѣлаю все, чтобы устранить личныя счеты съ вами. Но вы заговорили о какой-то перемѣнѣ, которая измѣнитъ наше почетное положеніе. Я не понимаю...

— Вы скоро поймете, господинъ Струксъ,—отвѣтилъ полковникъ Эверестъ голосомъ, въ которомъ слышалась грусть.— Но раньше, позвольте мнѣ пожать вашу руку.

— Пожалуйста, — отвѣтилъ Матвѣй Струкъ, пересиливая легкое колебаніе.

Два астронома пожали другъ другу руки, и не прибавили больше ни одного слова.

— Наконецъ-то,—вскричалъ Джонъ Мурей,—наконецъ вы стали друзьями.

— Нѣтъ, Сэръ Джонъ, — отвѣтилъ полковникъ Эверестъ, выпуская руку русскаго астронома, — мы съ этой минуты— враги! Враги, которые не должны сталкиваться даже на научной почвѣ.

И, повернувшись къ товарищамъ, онъ продолжалъ:

— Господа, объявлена война между Россіей и Англіей! Вотъ журналы, русскіе, французскіе, англійскіе, которые принесли это извѣстіе.

Дѣйствительно, въ это время началась война 1854 г. Англичане въ союзѣ съ французами и турками осаждали Севастополь. Восточный вопросъ рѣшался выстрѣлами на берегахъ Чернаго моря.

Послѣднія слова полковника Эвереста, какъ громомъ поразили всѣхъ служащихъ; наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело это извѣстіе на англичанъ и русскихъ, у которыхъ особенно развито чувство національнаго достоинства.

Всѣ встали. Простыхъ словъ: «война объявлена» было достаточно, чтобы сразу измѣнить положеніе. Недавніе товарищи, компаньоны, сотрудники, соединенные научной работой, сдѣлались врагами, которые уже смѣривали другъ друга взглядами. Странно, какъ дѣйствуетъ на людей вражда между цѣлыми націями! Какъ-то инстинктивно европейцы отшатнулись другъ отъ друга. Николай Паландеръ, такъ же какъ и другіе, поддался этому настроенію. Впрочемъ, Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ обмѣнялись взглядами скорѣе печальными, чѣмъ ненавистными и сожалѣли, что не пожали руку Эвереста, до сообщенія имъ этой скорбной вѣсти.

Не было произнесено ни одного слова. Отдавъ другъ другу поклоны, русскіе и англичане разошлись.

Эта новая преграда, эта распря между членами экспедиціи, конечно, пріостановитъ геодезическія работы, но не должна прекратить ихъ совершенно. Каждый, въ интересахъ своего отечества, стремился продолжать начатую работу. Во всякомъ случаѣ, работы и вычисленія должны были вестись по двумъ разнымъ меридіанамъ. На совѣщаніи, которое было между Матвѣемъ Струксомъ и полковникомъ Эверестомъ, подробности были условлены. Судьба рѣшила, что русскіе будутъ продолжать работы по избранному уже меридіану, англичане же намѣтятъ себѣ другой, миль на 60, на 80 къ западу. Оба меридіана будутъ соединены треугольниками, чтобы не нарушать единства работъ.

Вопросы эти всѣ были рѣшены между двумя учеными, совершенно спокойно и безъ обостреній; ихъ личная вражда слишкомъ ничтожна по сравненію съ враждой націй. Матвѣй Струксъ и полковникъ Эверестъ не обмѣнялись ни однимъ рѣзкимъ словомъ и были изысканно вѣжливы.

Что же касается каравана, то рѣшили раздѣлить его на двѣ части; у каждой свои приборы, свои инструменты. Бушменъ, привязывавшійся къ англичанамъ, и въ особенности къ Сэру Джону, примкнулъ къ англійскому каравану. Проводникомъ у русскихъ былъ разумный и хорошо знакомый съ мѣстностью человѣкъ. Каждая партія получила свои инструменты и шнуровую книгу.

31-го августа члены комиссіи разстались. Англичане отправились раньше для того, чтобы соединить новый меридіанъ съ послѣдней станціей. Они покинули Колобенгъ въ 8 час. утра, поблагодаривъ главнаго начальника за гостепріимство.

И если бы за нѣсколько минутъ до отъѣзда англичанъ ктонибудь вошелъ въ комнату Михаила Цорна, то увидѣлъ бы его обнявшись съ Вильямомъ Эмери, сдѣлавшимся его теперь врагами по волѣ царя и королевы.

XV. Еще одинъ градусъ.

Послѣ раздѣленія комиссіи астрономамъ прибавилось еще больше работы, но предпріятіе экспедиціи отъ этого не страдало. Та же точность, тѣ же провѣрки сопровождали измѣреніе новаго меридіана, все должно было сопровождаться тѣми же заботами. Только тремъ англичанамъ, раздѣлившимъ между собой работу, пришлось медленнѣе и съ большимъ трудомъ подвигаться впередъ. Но это ихъ нисколько не огорчало, и они производили тѣ же работы на дугѣ новаго меридіана, какія совершали русскіе въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ нихъ. Національное самолюбіе служило имъ поддержкою въ этой трудной и сложной работѣ. Теперь на долю трехъ выпадала работа, которая раньше была распредѣлена между шестью.

Такимъ образомъ возникла необходимость всецѣло посвятить себя предпріятію, имѣя передъ собою лишь одну задачу это—какъ бы лучше выполнить работу. Вильямъ Эмери долженъ былъ почти совсѣмъ отказаться отъ своихъ мечтаній, а Джону Мурею—отъ изученія южной Африки съ ружьемъ въ рукахъ.

Новая программа предоставляла каждому астроному извѣстную часть работы. Сэръ Джонъ Мурей и полковникъ взяли на себя зенитныя измѣренія и геодезическія работы. Вильямъ Эмери замѣнилъ Николая Паландера, который велъ записи и вычисленія. Сообща рѣшались только вопросы, касающіеся выбора станцій и установки точекъ визированія, о несогласіяхъ же спорахъ между учеными въ данное время не могло быть и рѣчи.

Одинъ только Мокумъ, какъ раньше, такъ и теперь оставался проводникомъ каравана и охотникомъ. Шесть англійскихъ матросовъ, которые составляли часть экипажа «Королевы и

Царя», само собой разумѣется, послѣдовали за своимъ начальникомъ; паровая шлюпка осталась у русскихъ, но у англичанъ былъ каучуковый челнокъ, который былъ хорошъ для переправы черезъ не быстро текущіе потоки. Что же касается повозокъ и припасовъ, то они были раздѣлены поровну. Раздѣленіе же каравана встрѣтило нѣкоторыя затрудненія. Туземцы, бывшіе подъ начальствомъ Мокума, раздѣлились на двѣ равныя части не безъ неудовольствія. Можетъ быть, они и правы были въ виду угрожавшей безопасности. Они видѣли, что ихъ уводятъ далеко отъ рѣкъ, отъ пастбищъ, отъ знакомыхъ мѣстъ, на сѣверъ, гдѣ кочуютъ племена, столь враждебно относящіеся къ южнымъ африканцамъ. Вполнѣ естественно, что они съ такимъ неудовольствіемъ дробили свои силы. Но наконецъ, Бушменъ и проводникъ уговорили ихъ раздѣлиться, успокоивъ тѣмъ, что они будутъ итти по одному направленію и весьма близко другъ отъ друга.

Оставивъ Колобенгъ 31-го августа, караванъ Эвереста направился къ холму, который служилъ точкой визированія при послѣднихъ наблюденіяхъ.

Работы начались 2-го сентября. Вскорѣ сѣть вспомогательныхъ треугольниковъ была закончена, и Эверестъ, посовѣтовавшись съ товарищами и справившись съ картой, выбралъ новую дугу меридіана, которая впослѣдствіи должна была быть измѣрена до двадцатой южной параллели. Этотъ меридіанъ находился на одинъ градусъ западнѣе перваго, на разстояніи двадцати трехъ градусовъ отъ Гринвичскаго меридіана. Англичане работали на разстояніи шестидесяти миль отъ русскихъ, но это разстояніе было достаточно, чтобы ихъ треугольники не пересѣкались между собой. При данныхъ условіяхъ споры изъ-за тригонометрическихъ измѣреній или выбора точекъ визированія становились уже немыслимыми.

Мѣстность, по которой англичане шли въ продолженіи сентября, была, плодородная, холмистая, но совершенно не населенная. Казалось, все благопріятствовало движенію каравана впередъ. Небо было чистое, свѣтлое, безоблачное. Наблюденія производить было легко.

Большіе лѣса встрѣчались лишь изрѣдка. Густыя заросли чередовались съ лугами и холмами, на которыхъ легко было устанавливать точки визированія, какъ для дневныхъ, такъ и для ночныхъ наблюденій. Это была, кромѣ того, мѣстность, въ

изобилии снабженная произведеніями природы. Массы цвѣтовъ распространяли благоуханіе и привлекали на себѣ цѣлые рои жуковъ и пчелъ. Послѣднія были похожи на европейскихъ; ихъ вкусный бѣлый медъ можно было найти въ дуплахъ деревьевъ и между скалъ. Часто попадались большіе звѣри; особенно среди ночи: жираффы, антилопы, разныхъ породъ, гіены, носороги, слоны часто ночью подходили къ лагерю, но Джонъ старался не отвлекаться. При новыхъ обстоятельствахъ онъ промѣнялъ ружье на телескопъ.

Снабженіе каравана провизіей лежало на Мокумѣ и на туземцахъ, но сердце молодого ученаго навѣрное сильно билось при звукѣ выстрѣловъ. Подъ выстрѣлами падали большіе степные буйволы, бетжуанскіе—*bokolo-kolas*, достигавшіе 5-ти аршинъ отъ морды до хвоста, и трехъ аршинъ отъ копытъ до плеча. Шкура ихъ была черная съ синеватымъ отливомъ. Это ужасныя животныя, съ сильными конечностями, съ маленькой головой, съ злыми глазами, и крѣпкими рогами на лбу. Ихъ вкусное мясо разнообразило столъ участниковъ экспедиціи. Туземцы приготовляютъ это мясо тѣмъ способомъ, который сильно распространенъ у сѣверныхъ индѣйцевъ. Мясо, приговленное такимъ образомъ, можетъ сохраняться очень долгое время. Европейцы прибѣгли къ этому способу приготовленія, хотя сначала относились къ нему съ брезгливостью. Мясо буйвола надо разрѣзать на тоненькія ломтики и положить сушить на солнцѣ, потомъ кладутъ его въ горшокъ и начинаютъ бить молоткомъ до тѣхъ поръ, пока оно не обратится въ сплошную массу. Потомъ эту массу толкутъ въ порошокъ, кладутъ въ толстые кожанные мѣшки и заливаютъ буйволовымъ жиромъ. Этотъ жиръ болѣе похожъ на сало, его раньше приготовляютъ, прибавляя туда костяной мозгъ и ягоды особой породы, сахаристая мякоть которыхъ мало гармонируетъ съ азотистымъ веществомъ мяса. Потомъ смѣшиваютъ все вмѣстѣ, растираютъ и, послѣ охлажденія, получаютъ твердую, какъ камень массу.

Когда приготовленіе мяса было окончено, Мокумъ попросилъ астрономовъ попробовать это кушанье. Европейцамъ оставалось лишь согласиться. Первые куски англичанамъ показались непріятными, но привыкнувъ къ этому кушанью, они находили вкусъ его замѣчательно пріятнымъ. Дѣйствительно, для каравана такое кушанье можно считать неоцѣнимымъ,

такъ какъ часто приходится проходить по такимъ мѣстностямъ, гдѣ совершенно нѣтъ свѣжихъ припасовъ. Кушанье это, легко переваримое, долго сохраняется и заключаетъ въ себѣ массу питательныхъ веществъ. Охотники приготовили много сотенъ фунтовъ такого пеммикока, и слѣдовательно, караванъ въ этомъ отношеніи былъ надолго обезпеченъ.

Дни шли за днями. Иногда наблюденія дѣлались и ночью. Вильямъ Эмери думалъ все время о своемъ другѣ, Михаилѣ Цорнъ, досадуя на ту случайность, которая была причиной ихъ разрыва. Да Михаилъ Цорнъ дѣлился бы съ нимъ впечатлѣніями, производимой на нихъ величественной южной природой.

Что касается полковника Эвереста, то это былъ все тотъ же типичный англичанинъ, ко всему равнодушный, ничѣмъ не интересующійся, кромѣ своихъ тригонометрическихъ вычисленій. Сэръ Джонъ не жаловался, но и не скрывалъ огорченія объ утраченной свободѣ. Но все-же, время отъ времени, фортуна ему улыбалась. Если онъ не имѣлъ времени самъ ходить по чащамъ и выслѣживать звѣрей, то это не мѣшало послѣднимъ подходить къ станціямъ и отрывать его отъ работы. Въ такихъ случаяхъ въ немъ сразу сказывался охотникъ. Сэръ Джонъ находилъ необходимымъ защищаться. Однажды случилось ему встрѣтиться съ носорогомъ; столкновеніе это произошло 12-го сентября и стоило ему, какъ сейчасъ увидимъ, довольно дорого.

Прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ это животное появляется по близости каравана. Это былъ огромный *шукуро*, какъ называютъ его туземцы, достигавшій 6-ти футовъ высоты и 14 футовъ длины; по черному цвѣту его кожи и по не такой морщинистости, какъ у азіатскихъ его сородичей, бушменъ сразу узналъ опаснаго врага.

Въ этотъ день сэръ Джонъ Мурей вмѣстѣ съ Мокумомъ отправились верстъ за шесть отъ станціи осматривать возвышенность, гдѣ полковникъ Эверестъ предполагалъ установить столбъ. По какому-то инстинктивному предчувствію онъ захватилъ съ собой свой карабинъ съ коническими пулями, а не обыкновенное охотничье ружье. Вотъ уже два дня, какъ около лагеря носорогъ не появлялся, но тѣмъ не менѣе Джонъ считалъ опаснымъ удаляться безъ оружія на большое разстояніе. Мокумъ и его товарищи стрѣляли уже въ носорога, но могло случиться, что онъ еще не отказался отъ своего намѣренія.

Сэръ Джонъ не пожалѣлъ о сдѣланныхъ имъ предосторожностяхъ. До возвышенности никакихъ приключеній не было, но только что они добрались до ея вершины, какъ у подножія холма, на опушкѣ лѣса показался *шукуро*. Джону, который видѣлъ его такъ близко въ первый разъ, онъ, дѣйствительно, показался страннымъ. Маленькіе глаза животнаго сверкали. Почти прямые, лишь чуть чуть загнутые назадъ рога представляли изъ себя очень сильное оружіе.

Бушменъ первый замѣтилъ животное, которое притаилось между деревьями въ разстояніи около полумили отъ холма.

— Сэръ Джонъ,—сказалъ бушменъ,—судьба вамъ благопріятствуетъ! Вотъ *шукуро*.

— Носорогъ! — всkликнулъ сэръ Джонъ, и глаза его сразу засверкали.

— Да, сэръ Джонъ,—отвѣтилъ охотникъ.—Это, какъ вы видите, прекрасное животное, но оно собирается отрѣзать намъ путь отступленія. Отчего у него къ намъ такая ненависть! Вѣдь это травоядное животное, но тѣмъ не менѣе его надо выпроводить изъ лѣсу.

— Можетъ онъ вскарабкается къ намъ?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Ну нѣтъ!—отвѣтилъ охотникъ.—Здѣсь слишкомъ круто для его короткихъ ногъ; онъ подождетъ насъ внизу!

— Ну, пусть ждетъ, а мы пока осмотримъ станцію—сказалъ сэръ Джонъ,—послѣ ужъ прогонимъ его.

Сэръ Джонъ и Мокумъ опять возобновили прерванный осмотръ. Они внимательно осмотрѣли вершину, и избрали мѣсто для установки столба.

Слѣдующія возвышенности, расположенныя къ сѣверо-западу, давали возможность построить новый треугольникъ и притомъ въ весьма благопріятныхъ условіяхъ.

Когда они кончили наблюденія, сэръ Джонъ, повернувшись къ Мокуму, сказалъ.

— Ну, что же, Мокумъ?

— Къ вашимъ услугамъ!

— Что, носорогъ еще ожидаетъ насъ?

— Ожидаетъ.

— Хорошо, тогда сойдемъ внизъ; какъ бы онъ ни былъ силенъ, моя пуля его уложитъ.

— Одна пуля!—воскликнулъ бушменъ!—Вы значитъ не

знаете, что такое шукуро. Эти животныя крайне живучи. Не было еще случая, чтобы одна пуля его убила.

— Ну!—усумнился сэръ Джонъ—это оттого, что раньше не употребляли коническихъ пуль.

— Коническія или круглыя, безразлично—одной пулей не убить такого животнаго.

— Ну хорошо, мой милый Мокумъ,—отвѣтилъ сэръ Джонъ, самолюбіе котораго, какъ охотника, было задѣто,—я вамъ докажу достоинства европейскаго оружія, въ которомъ вы сомнѣваетесь!

И говоря это, сэръ Джонъ зарядилъ ружье, чтобы выстрѣлить сейчасъ же, какъ только позволитъ разстояніе.

— Позвольте спросить,—сказалъ немного задѣтый бушменъ, не желаете ли вы держать со мной пари?

— Почему же нѣтъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Я не богатъ, но держу пари на фунтъ стерлинговъ, относительно вашей пули.

— Прекрасно!—сказалъ сэръ Джонъ.—Если моя первая пуля не убьетъ носорога, я плачу вамъ фунтъ стерлинговъ.

— Идемъ!

— Идемъ!

Два охотника спустились съ холма и скоро очутились шагахъ въ пятистахъ отъ носорога, который оставался совершенно неподвижнымъ. Для сера Джона положеніе его было весьма удобно: онъ могъ цѣлить куда угодно. Англичанинъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что передъ тѣмъ, какъ стрѣлять, повернулся къ бушмену и сказалъ:

— Вы все-таки держите пари?

— Да,—спокойно отвѣтилъ Мокумъ.

Носорогъ стоялъ неподвижно, какъ цѣль. Джонъ могъ цѣлить, куда угодно, чтобы свалить животное.

Рѣшилъ онъ стрѣлять въ голову, и подстрекаемый охотничьимъ самолюбіемъ, особенно внимательно цѣлился, будучи совершенно увѣренъ въ мѣткости ружья.

Выстрѣлъ раздался, но пуля, вмѣсто того, чтобы попасть въ мясо, ударилось въ рогъ, кончикъ котораго совершенно разлетѣлся. Животное, казалось, и не почувствовало выстрѣла.

— Этотъ выстрѣлъ не считается,—сказалъ бушменъ,—такъ какъ вы не попали въ мягкую часть.

— Нѣтъ, этотъ выстрѣлъ считается, и я вамъ долженъ

фунтъ, но я еще могу держать пари на фунтъ. Или мы поквитаемся, или я буду долженъ вамъ два.

— Какъ хотите, сэръ Джонъ, но вы проиграете!

— Ну, это мы еще увидимъ!

Джонъ снова зарядилъ карабинъ и выстрѣлилъ вторично, цѣлясь теперь въ бедро. Но пуля попала туда, гдѣ кожа образовывала складку и отскочивъ, упала на землю. Носорогъ медленно отошелъ на нѣсколько шаговъ.

— Два фунта!—сказалъ Мокумъ.

— Не хотители и еще пари?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Весьма охотно.

На этотъ разъ сэръ Джонъ начиналъ уже сердиться; собравъ все свое хладнокровіе, онъ нацѣлился въ лобъ. Пуля попала туда, куда онъ мѣтилъ, но отскочила, какъ отъ металической брони.

— Четыре фунта,—спокойно произнесъ бушменъ.

— Еще на четыре!—чуть не въ отчаяньи вскричалъ Джонъ.

На этотъ разъ пуля попала подъ бедро носорогу и онъ сдѣлалъ громадный прыжокъ. Но вмѣсто того, чтобы упасть мертвымъ, животное съ яростью стало обрывать кустарникъ.

— Кажется, онъ еще немного шевелится,—пошутилъ охотникъ.

Сэръ Джонъ былъ внѣ себя. Хладнокровіе покинуло его совершенно. Онъ поставилъ на пятую пулю, проигранные бушмену четыре фунта. Проигравъ опять, онъ еще удвоилъ ставку и, наконецъ, только послѣ девятаго выстрѣла животное свалилось.

Сэръ Джонъ въ восторгѣ вскричалъ «ура!» Онъ не помнилъ про пари, про разочарованія, онъ сознавалъ лишь одно, что онъ убилъ носорога.

Однако, животное, какъ Джонъ послѣ самъ разсказывалъ въ клубѣ, стоило ему не дешево: оно обошлось въ 36 фунтовъ стерлинговъ — громадная сумма, которую бушменъ спокойно отправилъ въ карманъ.

XVI. Разныя приключенія.

Къ концу сентября астрономы подвинулись еще на одинъ градусъ къ сѣверу. Дуга меридіана, которую измѣрили съ помощью 32-хъ треугольниковъ, заключала въ себѣ уже 4 градуса, а это была лишь половина всей предпринятой работы.

Трое ученых относились къ дѣлу очень усердно: но работая втроемъ, они чувствовали иногда такую усталость, что принуждены были прерывать работу на нѣсколько дней. Жара стояла страшная, часто прямо невыносимая. Октябрь въ южномъ полушаріи то же, что апрѣль въ сѣверномъ, и температура на двадцать четвертой параллели почти тропическая. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ дней, какъ въ первые часы послѣ полудня совершенно невозможно работать. Это замедляло ходъ тріангуляціи, что страшно безпокоило бушмена, и вотъ почему. Къ сѣверу, въ ста миляхъ отъ послѣдней станціи, устроенной наблюдателями, дуга меридіана проходила по мѣстности, которую туземцы называютъ *Карру*. Мѣстность эта напоминаетъ собой мѣста у подножія Рогевальдскихъ горъ въ Капштадской колоніи. Во время дождей страна эта крайне плодородна: появляется густая трава, съ массою благоухающихъ цвѣтовъ; кругомъ раскидываются луга; стада антилопъ пасутся на этихъ новыхъ пастбищахъ. Но этотъ періодъ длится недолго: самое меньшее—мѣсяцъ, самое большее—шесть недѣль. Влага, нагрѣтая солнечными лучами, испаряется; почва дѣлается твердой и не можетъ доставлять питанія травамъ; растительность исчезаетъ въ нѣсколько дней; животныя разбѣгаются,—и недавно полные жизни луга превращаются въ пустыню.

Такова была мѣстность, которую долженъ былъ пройти полковникъ Эверестъ со своими спутниками, прежде чѣмъ дойти до настоящей пустыни, которая прилегала къ озеру Нгами. Теперь вполнѣ понятно, отчего бушменъ такъ стремился пройти по этой мѣстности ранѣе того, когда засуха успѣетъ все уничтожить. Свои соображенія онъ сообщилъ полковнику Эвересту. Послѣдній, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, обѣщалъ поторопиться съ работами. Но во всякомъ случаѣ спѣшность работъ не должна была отражаться на ихъ правильности и точности. Угловыя измѣренія не во всякій моментъ удобно производить. Для этого требуются извѣстныя атмосферическія условія. Такимъ образомъ, работы не могли идти особенно быстро, несмотря на то, что бушменъ крайне просилъ объ этомъ, и ему приходилось все время опасаться, что ко времени ихъ прибытія въ Карру, ужасный зной успѣетъ уничтожить тамъ всякую растительность.

Однако, когда тріангуляція привела астрономовъ въ Карру, они могли наслаждаться всѣми дарами природы, которые она

щедро разсыпала передъ ними. Работы ихъ никогда еще не производились среди такой удивительной природы. Несмотря на ужасную жару, ручьи давали достаточно влаги. Громадныя стада находили себѣ въ изобиліи пищу на прекрасныхъ лугахъ. Здѣсь было нѣсколько вполнѣ проходимыхъ лѣсовъ, похожихъ на англійскіе парки, которые мѣстами зеленѣли на громадномъ лугу.

Полковникъ Эверестъ мало восторгался величественностью природы, но сэръ Джонъ Мурей и, въ особенности, Вильямъ Эмери поддались поэтическому настроенію подъ вліяніемъ этой роскошной мѣстности, которая была заброшена среди африканскихъ пустынь. Теперь молодой ученый съ грустью вспоминалъ Михаила Цорна, и ихъ привычку изливать другъ передъ другомъ свою душу; онъ вѣроятно тоже наслаждался бы, и въ промежутокъ между наблюденіями, они могли бы помечтать и поговорить.

Караванъ такимъ образомъ углублялся все далѣе въ эту удивительную страну. Массы птицъ пѣли и летали черезъ поля и луга. Встрѣчались, между прочимъ, *кораны*, которые принадлежали къ роду стрепетовъ. Попадались также южно-африканскіе *диккопы*, мясо которыхъ очень вкусно и цѣнно. Вниманіе европейцевъ привлекали къ себѣ и еще много птицъ, но не съѣдобныхъ. На берегахъ ручьевъ или на поверхности рѣкъ нѣсколько крупныхъ птицъ отгоняли жадныхъ вороновъ, которые пытались унести ихъ яйца изъ устроенныхъ въ пескѣ гнѣздъ. Голубые журавли съ бѣлыми полосками на шеѣ, красные фламинги, цапли, бекасы, *каласы*, часто сидящіе на хребтѣ у буйволовъ, ржанки, ибисы, точно покрытые іероглифическими знаками, массы пеликановъ—все это значительно оживляло мѣстность; не хватало лишь человѣка.

Изъ птицъ наибольшій интересъ представляли умные *тисерины*. Гнѣзда ихъ зеленыя, перевитыя траками, какъ груши, висѣли на плакучей ивѣ. Вильямъ Эмери принялъ ихъ за особаго рода плоды и сорвалъ одинъ или два; но каково было его удивленіе, когда внутри онъ услыхалъ воробьиное чириканье. Легко понять, почему нѣкоторые путешественники по Африкѣ думали, что существуютъ деревья, изъ плодовъ которыхъ вылетаютъ живыя птички.

Да, Карру была восхитительна! Жвачныя животныя также находили въ изобиліи все нужное для существованія. Здѣсь

встрѣчались острокопытные гну, каамасы, которые состояли какъ бы изъ однихъ треугольниковъ, лоси, серны. Сколько разнообразной дичи! Джонъ Мурей не могъ устоять противъ остраго искушенія поохотиться, и получивъ разрѣшеніе у полковника Эвереста на отдыхъ, употребилъ его для охоты. Конечно, онъ охотился эти два дня вполнѣ успѣшно, вмѣстѣ съ бушменомъ и Вильямомъ Эмери, которые, какъ любители, сопровождали его. Сколько новыхъ страницъ появилось въ его охотничьемъ дневникѣ! Сколько трофеевъ доставитъ онъ въ свой шотландскій замокъ! Погрузившись весь въ охоту, онъ совершенно забылъ и про геодезическія работы, и про тріангуляцію, и меридіанъ.

Кто могъ бы думать, что рука, такъ твердо держащая ружье, такъ же хорошо умѣетъ обращаться съ зрительными трубами теодолита! Кто подумаетъ, что этотъ глазъ, такъ искусно прицѣливающійся въ охотѣ за антилопами, такъ же зорокъ и внимателенъ, разыскивая въ небесныхъ созвѣздіяхъ звѣзду тринадцатой величины! Да, сэръ Джонъ Мурей эти два дня совершенно отдался охотѣ, и можно было опасаться, что онъ уже не сдѣлается снова астрономомъ.

Между всѣми мелкими происшествіями, надо отмѣтить одно, совершенно нежданное обстоятельство, заставившее бушмена серьезно усумниться въ успѣхѣ экспедиціи. Своими основательными опасеніями онъ подѣлился съ полковникомъ Эверестомъ.

Случилось это 15-го октября. Прошло уже два дня съ тѣхъ поръ, какъ сэръ Джонъ весь отдался удовлетворенію своихъ охотничьихъ инстинктовъ. Стадо антилопъ, головъ въ двадцать, показалось приблизительно въ двухъ миляхъ направо отъ каравана. Мокумъ, разсмотрѣвъ ихъ, убѣдился, что это родъ антилопъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «ориксовъ», поимка которыхъ представляетъ очень большую трудность и является мечтой африканскихъ охотниковъ.

Бушменъ объяснилъ сэру Джону, что имъ представлялся прекрасный случай поохотиться, и предложилъ воспользоваться. Онъ объяснилъ, какъ трудно поймать этихъ ориксовъ, которые бѣгаютъ скорѣе самыхъ быстрыхъ лошадей, такъ что, когда извѣстный Куммингъ, въ странѣ Намаковъ, охотился на нихъ, то даже на самыхъ лучшихъ лошадяхъ ему во всю его жизнь не удалось догнать и четырехъ изъ этихъ великолѣпныхъ антилопъ.

Ничего больше и не требовалось, чтобы подзадорить почтеннаго англичанина на охоту за антилопами. Онъ взялъ свою лучшую лошадь, лучшее ружье, лучшихъ собакъ, и въ нетерпѣніи обгоняя бушмена, держался опушки рощи, вблизи которой паслось стадо антилопъ. Послѣ часовой ѣзды, охотники остановились. Мокумъ, спрятавшись за группу сикоморъ, указывалъ своему товарищу на пасущееся въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ стадо. Осторожныя животныя ихъ еще не замѣтили и спокойно продолжали пастись. Вдругъ одинъ изъ нихъ насторожился. Бушменъ указалъ на это сэру Джону.

— Это часовой,—сказалъ онъ ему. — Бестія, вѣроятно, видала виды. При малѣйшей опасности онъ начнетъ блеять, и тогда все стадо, съ нимъ во главѣ, помчится, собравъ всю свою силу. Стрѣлять въ нихъ надо лишь на близкомъ разстояніи и попадать на-вѣрняка.

Сэръ Джонъ въ отвѣтъ кивнулъ утвердительно головой и передвинулся немного, чтобы лучше наблюдать за стадомъ. Ориксы, по прежнему спокойно продолжали пастись. Часовой же выказывалъ нѣкоторое безпокойство, поднимая часто свою, увѣнчанную рогами, голову. Но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ охотниковъ, чтобы стоило стрѣлять, съ надеждой на полный успѣхъ. Что же касается до преслѣдованія стада, то на такой ровной долинѣ, безъ всякихъ препятствій, нельзя было объ этомъ и думать. Можетъ быть, стадо приблизится къ рощѣ, и въ такомъ случаѣ сэръ Джонъ Мурей и бушменъ смогутъ стрѣлять при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Счастье, казалось, имъ улыбалось. Понемногу стадо, во главѣ съ самцомъ, приближалось къ лѣсу. Безъ сомнѣнія, они считали себя среди открытой долины не въ полной безопасности и спѣшили укрыться въ густой рощѣ. Когда намѣреніе ихъ было понято, то бушменъ посовѣтовалъ своему товарищу сойти съ лошади. Лошадей за ноги привязали къ сикоморѣ, завернувъ головы ихъ въ одѣяла, чтобы ржаніе не безпокоило стадо. Потомъ Мокумъ и Джонъ, сопровождаемые собаками, стали пробираться между кустарниками по опушкѣ заросли, шагахъ въ трехстахъ отъ того мѣста, гдѣ паслось стадо.

Тамъ оба охотника притаились и ожидали съ ружьями наготовѣ. Съ того мѣста, которое они заняли, можно было хорошо разсмотрѣть ориксовъ и любоваться этими красивыми животными. Самцы мало отличались отъ самокъ, и по странной игрѣ

природы, которая наблюдается довольно рѣдко, самки были лучше вооружены, нежели самцы, нося на головѣ болѣе сильные, загнутые назадъ рога. Нѣтъ болѣе красивыхъ животныхъ чѣмъ антилопы, разновидность которыхъ представляли ориксы!

Между тѣмъ, стадо, состоявшее головъ изъ двадцати, приблизившись къ лѣсу, остановилось. Ихъ сторожъ, какъ это легко было замѣтить, старался увести стадо изъ долины. Онъ ходилъ по высокой травѣ, стараясь собрать все стадо вмѣстѣ, какъ дѣлаетъ это охотничья собака съ ввѣренными ей овцами. Но животныя, рѣзвясь на лугу, и не думали покидать роскошнаго пастбища. Они не слушались вожака, убѣгали, прыгали, перебѣгая съ одного мѣста на другое.

Это обстоятельство сильно удивило бушмена. Онъ указалъ на него сэру Джону, впрочемъ, не давая объясненій. Охотникъ не могъ понять дѣйствій стараго самца, не могъ понять для чего онъ хочетъ стадо антилопъ угнать въ лѣсъ. Продолжалось это нѣкоторое время. Сэръ Джонъ нетерпѣливо сжималъ дуло карабина. Мокумъ его удерживалъ съ трудомъ.

Прошелъ цѣлый часъ, и охотники начинали уже терять терпѣніе, какъ вдругъ одна собака, вѣроятно, такая же нетерпѣливая, какъ сэръ Джонъ, пронзительно залаяла и бросилась въ долину.

Взбѣшенный бушменъ готовъ былъ застрѣлить предательское животное. Но стадо мчалось уже безъ оглядки, и сэръ Джонъ понялъ, что никакая лошадь не въ состояніи его догнать. Немного спустя, ориксы казались уже лишь черными точками, мелькавшими въ высокой травѣ. Но, къ большому удивленію бушмена, старый самецъ не подалъ стаду сигнала къ бѣгству. Въ противоположность тому, какъ всегда наблюдается у антилопъ, онъ остался на мѣстѣ, не слѣдуя за ввѣренными ему ориксами. Послѣ ихъ бѣгства онъ хотѣлъ укрыться въ травѣ, чтобы послѣ спрятаться въ чащѣ.

— Вотъ интересная исторія,—сказалъ бушменъ.—Что съ этимъ старымъ ориксомъ? Поступокъ его весьма страненъ! Раненъ онъ или ужъ такъ старъ?

— Сейчасъ узнаемъ!—отвѣтилъ сэръ Джонъ, бросаясь къ животному съ ружьемъ наготовѣ.

Ориксъ, при приближеніи охотника все больше и больше опускался въ траву. Видны были только его длинные рога, фута въ четыре, концы которыхъ поднимались надъ зеленой тра-

вой. Онъ старался не убѣжать, а лишь спрятаться. Сэръ Джонъ приблизился къ этому странному животному. Будучи отъ него шагахъ въ ста, онъ выстрѣлилъ. Пуля, очевидно, попала въ голову, потому что рога, раньше видимые, теперь пропали въ травѣ. Сэръ Джонъ и Мокумъ изо всѣхъ силъ побѣжали къ животному. Бушменъ держалъ въ рукѣ свой охотничій ножъ, чтобы покончить съ животнымъ, если оно еще не совсѣмъ убито.

Но эта предосторожность была безполезна; ориксъ былъ мертвъ, настолько мертвъ, что когда сэръ Джонъ потянулъ его за рога, то у него въ рукахъ осталась мягкая и пустая шкура.

— О, святой Патрикъ! Вотъ исторія, которая можетъ случиться только со мной,—вскричалъ Мурей такъ комично, что всякій на мѣстѣ бушмена расхохотался бы.

Но Мокумъ не смѣялся. Его сжатыя губы, сдвинутыя брови, прищуренные глаза, выражали безпокойство. Скрестивъ руку и посматривая то налѣво, то направо, онъ внимательно изучалъ мѣстность.

Неожиданно одинъ предметъ привлекъ его взглядъ. Это былъ маленькій, валявшійся на пескѣ, кожаный мѣшокъ, испрещренный красными арабесками. Бушменъ сейчасъ же его поднялъ тщательно разсмотрѣлъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Это,—отвѣтилъ Мокумъ,—это мѣшокъ мокололоса.

— Какъ же онъ попалъ сюда?

— Очень просто: владѣлецъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ его обронилъ.

— Мокололосъ?

— Сейчасъ все станетъ вамъ ясно,—отвѣтилъ бушменъ, злобно сжимая свои кулаки.—Въ шкурѣ орикса былъ Мокололосъ. Въ него вы и стрѣляли.

Сэръ Джонъ не успѣлъ еще выразить своего удивленія, какъ Мокумъ шагахъ въ пятистахъ отъ себя замѣтилъ движеніе въ травѣ и выстрѣлилъ по этому направленію. Сэръ Джонъ и Мокумъ побѣжали къ подозрительному мѣсту, но тамъ ничего не оказалось. Видно было по смятой травѣ, что здѣсь только что прошли. Мокололосъ исчезъ, и пришлось отказаться отъ мысли преслѣдовать его на необозримомъ пространствѣ.

Оба охотника были сильно встревожены этимъ инцидентомъ,

который давалъ поводъ къ серьезнымъ опасеніямъ. Присутствіе мокололоса на опушкѣ сгорѣвшаго лѣса и эта встрѣча, указывали на стремленіе преслѣдовать караванъ полковника Эвереста. Вѣроятно, не безъ причинъ туземцы-разбойники выслѣживали европейскій отрядъ.

Приближаясь къ сѣверу все больше и больше, путешественники рисковали попасть въ руки степныхъ разбойниковъ. Сэръ Джонъ Мурей слишкомъ былъ пораженъ тѣмъ, что произошло, и вернувшись въ лагерь, съ горечью сообщилъ своему другу Вильяму:

— Вотъ неудача, милый Вильямъ, первый ориксъ, котораго я убилъ, былъ уже давнымъ давно мертвъ!

XVII. Саранча.

Послѣ охоты на ориксовъ, Мокумъ выразилъ полковнику свою увѣренность въ томъ, что за караваномъ слѣдятъ, что ему грозитъ опасность, и что мокололосы только и ждутъ удаленія каравана къ сѣверу. Нападеніе въ сѣверныхъ областяхъ имъ выгоднѣе, потому, что въ этихъ мѣстахъ они гораздо многочисленнѣе. Неужели, однако, предстояло вернуться и пріостановить работу, неужели африканскіе дикари помѣшаютъ англійскимъ ученымъ закончить свое предпріятіе? Это надо было обсудить.

Полковникъ просилъ Мокума сообщить все извѣстное ему о мокололосахъ. Мокумъ передалъ, что мокололосы принадлежатъ къ племени бехуановъ, и кочуютъ по пути къ экватору. Въ 1850 году докторъ Ливингстонъ былъ гостепріимно принятъ въ Сезекѣ, резеденціи Себитуана, главнаго вождя мокололосовъ, обладавшаго большимъ умомъ и соединившаго подъ своей властью отдѣльныя племена. Въ 1853 году этотъ замѣчательный вождь умеръ на рукахъ Ливингстона. Его сынъ Секелету сначала очень покровителсствовалъ европейцамъ, но послѣ отъѣзда Ливингстона, отношенія къ нимъ измѣнились. Онъ сталъ притѣснять и европейцевъ и туземцевъ. Грабежи производились большею частію между озерами Нгами и Замбезе, и поэтому здѣсь проходить каравану было очень рисковано. Вотъ въ немногихъ словахъ то, что бушменъ разсказалъ полковнику. Онъ прибавилъ, что не преувеличиваетъ опасности, но если будетъ рѣшено идти впередъ, то онъ не отказывается. Послѣ обсуж-

денія было рѣшено продолжать работу. Около пяти восьмыхъ дуги было уже измѣрено, и они рѣшили работу закончить.

27 октября комиссія пересѣкла тропикъ Козерога, а 3 ноября изъ зенитныхъ наблюденій выяснилось, что измѣреніе меридіана подвинулось еще на цѣлый градусъ.

Цѣлый мѣсяцъ работы продолжались безостановочно. Мокумъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ кругомъ. Все было тихо, ничто не обнаруживало присутствія мокололосовъ, и можно было надѣяться, что опасенія бушмена окажутся неосновательными. Несмотря на это, Мокумъ видѣлъ безпокойство между бушменами, которые знали о двухъ случаяхъ, бывшихъ на опушкѣ лѣса и во время охоты на ориксовъ. Они были увѣрены, что столкновенія съ мокололосами неизбѣжно, а такъ какъ они были непримиримые враги, то и не могли ждать пощады отъ побѣдителей. Численность же каравана была очень не велика, особенно послѣ происшедшаго, въ виду объявленія войны, раздѣленія его на двѣ части. Несмотря на своевременныя предупрежденія Мокума о трудностяхъ путешествія, члены каравана нерѣдко высказывали сожалѣніе и роптали. Мокумъ не подавалъ и виду, что замѣчаетъ это.

2 декабря одно обстоятельство едва не вызвало настоящаго бунта. Небо покрылось тучами. Это были *cumulus*, скученные, какъ комки бумаги, темно-сѣраго цвѣта съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Солнце сдѣлалось блѣднымъ. При невыносимой жарѣ, стояла полная тишина. Астрономы, хотя и видѣли это, но не думали, что придется остановить работу. Вильямъ Эмери съ двумя матросами и четырьмя бушменами отправились за двѣ мили къ востоку отъ меридіана для установки вѣхи, которая должна служить вершиной новаго треугольника. Установили шестъ. Вдругъ пронеслась струя холоднаго воздуха, и почти сейчасъ посыпался градъ; градины искрились—явленіе очень рѣдкое—и казалось, что это куски раскаленнаго металла; тамъ, гдѣ они падали появлялись искры изъ земли. Отъ металлическихъ частей повозки какъ бы исходили огненные полосы. Градъ достигъ огромныхъ размѣровъ, и оставаться подъ нимъ было небезопасно.

Вильямъ Эмери оставилъ работу и поспѣшилъ спрятаться въ повозку. Едва онъ успѣлъ сойти съ холма, какъ вспыхнула ослѣпительная молнія, и одновременно раздался страшный ударъ грома.

Вильямъ Эмери упалъ, какъ мертвый. Два матроса бросились къ нему. Къ счастью, онъ не былъ убитъ. Молнія скользнула по немъ и окружила его огненнымъ столбомъ. Вѣроятно, электричество было отвлечено желѣзными наконечниками треноги компаса, которая была въ рукѣ у ученаго.

Вильямъ Эмери скоро пришелъ въ себя. Два туземца лежали мертвыми, при чемъ тѣло одного было совершенно черно. Три человѣка сдѣлались жертвою одного удара. Бушмены, напуганные смертью товарищей, кинулись бѣжать въ лагерь. Матросы перенесли Вильяма Эмери и двухъ убитыхъ бушменовъ въ повозку и спрятались туда же сами. Гроза продолжалась съ четверть часа. Затѣмъ погода начала проясняться.

Смерть товарищей страшно напугала бушменовъ, и безъ того относившихся со страхомъ къ непонятнымъ имъ геодезическимъ работамъ. Они составили совѣщаніе и нѣкоторые объявили, что дальше не пойдутъ. Начался бунтъ. Мокумъ долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы успокоить туземцевъ. Полковникъ обѣщалъ прибавить плату. Судьба тріангуляціи была сомнительна. Когда похоронили двухъ туземцевъ, караванъ направился къ холму, гдѣ были убиты бушмены.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Вильямъ Эмери не могъ оправиться. Лѣвая рука была точно разбита параличемъ. Но мало-по-малу болѣзнь прошла, и онъ могъ снова приняться за работу.

Въ продолженіе восемнадцати дней съ караваномъ ничего не случилось особеннаго, и всѣ начали успокаиваться. Несмотря на то, что пустыня находилась не болѣе, какъ на разстояніи пятидесяти миль, растительность была роскошная, и не ощущалось въ водѣ недостатка. Значитъ, можно было быть спокойнымъ за сытость, какъ людей, такъ и животныхъ, если только не появится саранча.

Двадцатаго декабря трое англичанъ и Мокумъ сидѣли подъ деревомъ, отдыхали и говорили о предстоящемъ выступленіи. Дулъ легкій сѣверный вѣтеръ.

Астрономы рѣшили измѣрить ночью высоту нѣкоторыхъ звѣздъ, чтобы точно опредѣлить широту мѣстности. Небо было совершенно чистое, и можно было надѣяться, что звѣзды будутъ хорошо видны. Но въ это время Вильямъ, указывая на сѣверъ, сказалъ:

— На горизонтѣ тучи, пожалуй, мы ошибемся, расчитывая на благопріятную ночь.

— Громадная туча надвигается,—сказалъ Джонъ Мурей,— и при этомъ вѣтрѣ она скоро покроетъ все небо.

— Неужели опять гроза?—произнесъ полковникъ Эверестъ.

— Гроза легко можетъ быть, такъ какъ мы находимся въ тропической странѣ, и намъ ночью едва ли удастся работать,—отвѣчалъ Вильямъ Эмери.

— Что вы на это скажите, Мокумъ?

Бушменъ посмотрѣлъ на сѣверъ. Туча, простиравшаяся надъ горизонтомъ мили на четыре, была черная, какъ дымъ. Заходящее солнце отражалось въ ней скорѣе, какъ въ твердой массѣ, чѣмъ въ парахъ.

— Странная туча,—сказалъ Мокумъ.

Черезъ нѣсколько минутъ стали замѣчать, что лошади, буйволы и другія животныя безпокоятся и не хотятъ идти внутрь лагеря.

— Тогда оставьте ихъ на ночь въ степи,—сказалъ Мокумъ.

— А хищныя животныя?

— На этотъ разъ хищныя животныя ихъ не тронутъ, потому что будутъ заняты другимъ.

Бушменъ ушелъ. Полковникъ спросилъ у Мокула, что означаютъ его слова; но Мокумъ молчалъ, занятый разсматриваніемъ тучи. Туча быстро приближалась. Было видно, что она проходитъ невысоко надъ землею, и доносился какой-то странный шорохъ, точно исходящій изъ облака. Подъ нимъ двигались черныя точки, которыя то погружались въ нее, то снова подымались.

— Что это за точки?—спросилъ Джонъ Мерей.

— Это птицы—ястреба, орлы, соколы, которые будутъ все время двигаться съ этой тучей.

— Но это туча...

— Живая. Саранча,—сказалъ Мокумъ, указывая на нее.

Охотникъ не ошибся. Это была дѣйствительно саранча, которая въ одну ночь можетъ уничтожить всю растительность и обратить цвѣтущую мѣстность въ пустыню. Саранча Grylli devastatorii летѣла миріадами. Путешественникамъ случалось иногда видѣть, какъ саранча покрывала пространства миль въ пятьдесятъ, слоемъ въ 4 фута высоты.

— Это страшный бичъ степей, — сказалъ Мокума, — и счастье, если онъ насъ минуетъ.

— Но вѣдь у насъ нѣтъ своихъ полей, чего же намъ опасаться,—сказалъ полковникъ

— Если они сядутъ здѣсь, то они пожрутъ все, не оставивъ ни листочка; что же будетъ съ нашими лошадями и буйволами?

Бушмены не сводили глазъ съ тучи. Шорохъ дѣлался все громче, мнимая туча становилась все больше; слышенъ былъ крикъ орловъ и коршуновъ, которые съѣдали этихъ насѣкомыхъ.

— Думаете-ли вы, что они сядутъ здѣсь,— спросилъ Вильямъ Эмери Мокума.

— Я боюсь, что это случится: вѣтеръ гонитъ ихъ сюда, влага дѣлаетъ ихъ крылья тяжелыми. Я думаю, что они опустятся на луга, и тогда...

Фраза еще не была окончена, какъ огромная туча внезапно опустилась на землю. Все сплошь покрылось насѣкомыми, не исключая палатокъ и повозокъ. Образовался черный слой, толщиною въ цѣлый футъ. Англичане, стоя по колѣно въ массѣ насѣкомыхъ, давили ихъ при каждомъ движенiи тысячами. Но что это значитъ, въ сравненiи съ миріадами, составлявшими тучу?

Однако, саранчѣ доставалось порядочно отъ всѣхъ. Птицы, издавая хриплые крики, бросались на нихъ и съѣдали. Подъ ними появились змѣи, которыя также лакомились этой вкусной пищей. Лошади. буйволы, мулы и собаки тоже ѣли ее съ большимъ удовольствіемъ. Степная дичь, дикія животныя, львы, гіены, слоны пожирали ее массами. Наконецъ, и бушмены, лакомые до «воздушныхъ раковъ», охотно ѣли ихъ, какъ манну небесную. Здѣсь было не только внѣшнее нападеніе, такъ какъ насѣкомыя сами пожирали другъ друга.

Уступивъ просьбамъ бушмена, англичане рѣшились попробовать этой пищи, которая упала къ нимъ съ неба. Нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ были сварены съ солью, перцемъ и уксусомъ, причемъ были отобраны самыя лучшія, молодыя — отличающіяся и зеленымъ цвѣтомъ и мягкостью и небольшой величиною, въ то время, какъ старыя достигаютъ до 4-хъ дюймовъ длины. Любители этого кушанья особенно цѣнятъ ихъ яйцеклады, длиною въ 15 и 20 линій, толщиною въ стволъ пера, но еще не несшіе яицъ.

Черезъ четверть часа очень аппетитное мясо было готово. Саранча, лишенная головы, лапъ и крыльевъ очень похожи на раковыя шейки; эти «воздушные раки» очень вкусны, и Джонъ Мурей, который съѣлъ ихъ нѣсколько сотъ, попросилъ сдѣлать запасъ, что исполнить было весьма не трудно, так какъ для этого стоило лишь нагнуться.

Ночь наступила, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Но повозки тоже были полны этими насѣкомыми. Невозможно было ступить, чтобы не раздавить ихъ сотни и тысячи. При такихъ обстоятельствахъ спать было не особенно пріятно. Небо было ясное, созвѣздія горѣли на небосклонѣ, трое астрономовъ провели всю ночь за опредѣленіемъ высоты звѣздъ. Это имъ куда болѣе улыбалось, чѣмъ спать въ саранчѣ. Да кромѣ того, европейцы вѣроятно и не могли бы спать при страшномъ ревѣ хищныхъ звѣрей, которыхъ привлекла сюда саранча.

На другой день солнце взошло на ясномъ горизонтѣ и предвѣщало жаркій день. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца, послышался глухой шумъ: это поднималась саранча, собиравшаяся летѣть дальше, чтобы производить опустошенія на другихъ мѣстахъ. Въ 8 ч. утра надъ землей поднялся черный занавѣсъ и вскорѣ закрылъ собой солнце. Кругомъ стало темно, какъ ночью. Вѣтеръ странно шевелилъ эту громадную тучу. Въ продолженіе двухъ часовъ съ страшнымъ шумомъ летѣла саранча надъ лагеремъ, закрывая свѣтъ, и наконецъ, исчезла за горизонтомъ.

Когда просвѣтлѣло, то оказалось, что печальныя предсказанія бушмена сбылись въ точности. Ни одного листочка на деревьяхъ, ни одной травки на лугу! Все было уничтожено. Земля стала желтой и точно покрылась грязью. Голыя вѣтки имѣли жалкій видъ. Это была зима среди лѣта, пустыня среди цвѣтущей природы. Живо вспоминалась восточная пословица: «гдѣ прошелъ турокъ—тамъ не растетъ трава». Такъ-же не было травы и тамъ, гдѣ посидѣла саранча.

XVIII. Пустыня.

Когда 25-го декабря путешественники, закончивъ сорокъ восьмой треугольникъ, приблизились къ западной сторонѣ Карру, они увидѣли передъ собой настоящую пустыню; не было никакой разницы между той пустыней, которую они оставили, и той, которая теперь лежала передъ ними, вся сожженная солнцемъ. Животныя каравана сильно страдали отъ недостатка корма. Воды также не было; послѣднія капли ея жадно всасывались въ грунтъ. Почва, усѣянная песчанниками, не могла удержать ни капли влаги.

Это, вѣроятно, была одна изъ тѣхъ мѣстностей, по которой

докторъ Ливингстомъ проходилъ во время своихъ богатыхъ приключеніями путешествій. Не только почва, но даже воздухъ былъ настолько сухъ, что желѣзныя вещи, оставленныя подъ открытымъ небомъ, не ржавѣли. По разсказу ученаго доктора, листья на деревьяхъ были такъ сухи, что всѣ сморщились и завяли; мимозы оставались весь день закрытыми; насѣкомыя, оставленныя на пескѣ, издыхали черезъ нѣсколько минутъ, наконецъ, термометръ, зарытый въ землю на три дюйма, показывалъ 134° по Фаренгейту.

Такія мѣстности видѣлъ знаменитый африканскій путешественникъ, и тѣ же области пришлось посѣтить англійскимъ астрономамъ, расположенныя между Карру и озеромъ Нгами. Они страшно утомились въ пути и мучились отъ недостатка воды. Это отсутствіе воды сильно сказывалось и на животныхъ, которыя питались лишь совершенно сухой травой, да и то рѣдко попадавшейся. Пустыня казалась еще мрачнѣе отъ отсутствія всякаго живого существа. Птицы переправились на другую сторону Замбезе, гдѣ въ изобиліи росли деревья и травы. Дикія животныя также оставили эту мѣстность, не находя пищи. Лишь въ первой половинѣ января путешественники видѣли стада антилопъ, которыя могутъ долго обходиться безъ воды—нѣсколько недѣль. Они принадлежали къ той же породѣ ориксовъ, которые принесли такое большое разочарованіе сэру Джону. Чаще еще встрѣчались квамасы, съ шерстью пепельнаго цвѣта, съ добрыми глазами,—животное предпочитающее пустыню плодородной мѣстности.

Между тѣмъ подъ лучами солнца, въ атмосферѣ, которая не содержитъ совершенно влаги и которую не освѣжалъ даже вѣтеръ, страшно утомительно было производить геодезическія работы. Небольшой запасъ воды сильно уменьшался. Путешественники уже начали соблюдать въ этомъ отношеніи строгую экономію. Но одушевленные сознаніемъ важности задачи, они спокойно переносили усталось, лишенія, несмотря на трудную и кропотливую работу. 25-го января окончилось измѣреніе седьмой части меридіана, измѣренъ былъ еще одинъ градусъ, при помощи девяти новыхъ треугольниковъ, а въ общемъ все составляло уже 57 треугольниковъ. Астрономы прошли уже большую часть пустыни и думали быть у озера Нгами въ концѣ января. Полковникъ Эверестъ и его товарищи были твердо убѣждены, что выдержатъ этотъ трудный переходъ.

Но бушменъ, у котораго не было ободряющей цѣли, и люди наемные, еще менѣе способные увлекаться научными изслѣдованіями, съ трудомъ переносили лишенія пути. Они страшно страдали отъ недостатка воды.

Уже нѣсколько вьючныхъ животныхъ, истощенныхъ голодомъ и жаждой, пришлось оставить на пути, и можно было опасаться, что число такихъ случаевъ будетъ только увеличиваться. Ропотъ и жалобы возростали съ усталостью. Положеніе Мокума дѣлалось съ каждымъ днемъ труднѣе, и авторитетъ его падалъ. Становилось ясно, что отсутствіе воды помѣшаетъ идти на сѣверъ и заставитъ караванъ или вернуться назадъ, или же повернуть отъ меридіана вправо, хотя бы тогда пришлось встрѣтиться съ русскимъ караваномъ.

15-го февраля бушменъ жаловался полковнику Эвересту на тѣ затрудненія, съ которыми уже почти нельзя было бороться. Погонщики не слушались его. Съ каждымъ днемъ туземцы все болѣе отказывались отъ повиновенія. Эти несчастные, утомленные переходомъ, голодомъ и жаждой, представляли жалкій видъ. Къ тому же волы и лошади, не находя даже сухой и рѣдкой травы, окончательно отказывались идти дальше. Полковникъ Эверестъ все это вполнѣ понималъ. Но тѣмъ не менѣе, будучи строгъ къ себѣ, онъ такъ же относился и къ другимъ. Онъ сказалъ, что работъ не прекратитъ ни въ какомъ случаѣ; и если всѣ откажутся слѣдовать за нимъ, то онъ отправится одинъ. Два его товарища думали совершенно, какъ онъ.

Бушменъ съ новой энергіей уговаривалъ туземцевъ идти дальше. По его разсчету они достигнутъ цѣли черезъ пять, шесть дней. Тамъ лошади и волы найдутъ и лѣса, и траву, и свѣжія пастбища. Тамъ люди найдутъ цѣлое море воды, и могутъ отдыхать, сколько имъ угодно. Бушменъ говорилъ туземцамъ, что все это легче найти, идя на сѣверъ; дѣйствителъно, если идти на западъ, то легко можетъ случиться, что придется идти назадъ въ Карру, гдѣ нѣтъ уже ни растительности, ни источниковъ. Наконецъ, туземцы поддались увѣщаніямъ, и измученный караванъ снова двинулся къ Нгами.

Къ счастью, въ этой ровной долинѣ геодезическія работы было удобно производить при помощи шестовъ. Чтобы выиграть время, астрономы работали и днемъ и ночью, съ помощью электрическихъ лампъ. Величины угловъ получились совершенно точно, а это главное въ тріангуляціи. Сѣть треуголь-

никовъ все увеличивалась, такъ какъ работы шли дружно и правильно.

16-го января караванъ разсчитывалъ встрѣтить воду, на которую природа въ этой мѣстности такъ скупа. Наконецъ, на горизонтѣ показалось озеро въ двѣ мили длины. Можно представить себѣ радость путешественниковъ; всѣ поспѣшно кинулись по тому направленію, гдѣ подъ лучами солнца блестѣла желанная влага. Озера достигли лишь въ 5 ч. вечера. Лошади оборвали узду и, вырвавшись изъ рукъ погонщиковъ, понеслись галопомъ къ столь долго жданной водѣ. Вскорѣ они уже стояли въ озерѣ по шею въ водѣ. Но почти тотчасъ же бѣдныя животныя поспѣшно выбѣжали на берегъ: вода эта не могла утолить ихъ жажды, она оказалась настолько солона, что пить ее было не возможно. Разочарованіе и отчаяніе были ужасны. Что можетъ быть хуже обманутыхъ надеждъ! Мокумъ думалъ уже, что ему не отвести туземцевъ отъ этого озера. Но къ счастью, караванъ находился уже невдалекѣ отъ обширнаго озера Нгами и рѣки Зембезе, гдѣ можно было достать воду,—и единственное спасеніе состояло въ немедленномъ движеніи впередъ. Черезъ четыре дня, если геодезическія работы не задержатъ каравана, онъ долженъ быть на берегу Нгами.

Пришлось двинуться дальше. Полковникъ Эверестъ, пользуясь ровностью мѣстности, строилъ треугольники съ длинными сторонами, что требовало менѣе частыхъ остановокъ. Такъ какъ наблюденія производились и по ночамъ, то огненные сигналы превосходно были видны, и можно было ихъ безошибочно визировать при помощи теодолита. Это была крупная экономія и времени и силъ. Но надо сознаться, что безъ посторонней помощи они все же погибли бы въ пути.

Неожиданную помощь подали имъ русскіе, случайно оказавшіеся въ той же мѣстности. Въ русскомъ караванѣ были Матвѣй Струксъ, Николай Паландеръ, Михаилъ Цорнъ и пять матросовъ; изъ туземцевъ остался одинъ только проводникъ, другіе покинули ихъ въ минуту опасности.

— Это вы, господа англичане!—въ изумленіи воскликнулъ Матвѣй Струксъ.

— Мы, господа русскіе,—съ достоинствомъ отвѣтилъ полковникъ Эверестъ,—но здѣсь нѣтъ ни русскихъ, ни англичанъ, здѣсь европейцы, и въ данное время намъ надо только соединиться для самозащиты.

XIX. Тріангулировать или умереть.

Слова полковника Эвереста были встрѣчены громкимъ «ура!» Въ виду опасности со стороны макололосовъ, англичане и русскіе должны были соединиться, забывъ о національности для защиты. Казалось, что англо-русская комиссія никогда не была такъ дружна, какъ теперь. Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ обнимались, остальные пожимали другъ другу руки.

Прежде всего англичане утолили жажду. Воды въ русскомъ лагерѣ было достаточно. Потомъ они всѣ собрались въ покинутой крѣпости на вершинѣ Скорцефъ и разсказали, что произошло послѣ ихъ разлуки въ Колобенгѣ.

Почему русскіе оказались настолько лѣвѣе отъ своего меридіана? Вѣроятно, по той же причинѣ, по какой англичане очутились правѣе. Скорцефъ была единственная возвышенность, находящаяся на равномъ разстояніи между двумя дугами и могущая служить удобной станціей на берегу Нгами. Вполнѣ понятно поэтому, что двѣ враждебныя экспедиціи и столкнулись на единственномъ удобномъ мѣстѣ для наблюденій. Англійскій и русскій меридіаны пересѣкали Нгами въ двухъ точкахъ, очень далекихъ другъ отъ друга, поэтому и нужно было геодезически соединить южный берегъ съ сѣвернымъ.

Матвѣй Струксъ разсказывалъ, что тріангуляція отъ Калобенга шла успѣшно; меридіанъ, доставшійся русскимъ, проходилъ по плодородной, волнистой мѣстности, что облегчало составленіе тригонометрической сѣти. Жара стояла сильная, но воды было достаточно, лошади и волы имѣли прекрасныя пастбища. Чтобы избавиться отъ хищниковъ, разводили костры. Туземное населеніе было радушно. 20 февраля русскіе достигли Скорцефа и простояли тамъ тридцать шесть часовъ. Вдругъ въ долинѣ появилось человѣкъ 400 макололосовъ. Бушмены разбѣжались, и разбойники безпрепятственно разграбили кибитки. Къ счастію, инструменты и паровая шлюпка были во-время убраны. Макололосы могли легко добраться до крѣпости съ южной стороны, если бы не подоспѣли англичане.

Вотъ въ немногихъ словахъ то, что передалъ Матвѣй Струксъ. Полковникъ Эверестъ разсказалъ про свои приключенія, лишенія и труды, выпавшіе на ихъ долю, упомянувъ и про бунтъ бушменовъ; по сравненію обоихъ разсказовъ, всѣ признали, что англичанамъ пришлось гораздо труднѣе.

Ночь съ 21-го на 22-е прошла спокойно, бушмены и матросы караулили стѣну крѣпости. Мокололосы не возобновляли нападенія. У нихъ мелькали огни, и поэтому можно было думать, что они еще не собираются уходить.

На другой день двадцать второго, рано утромъ, европейцы вышли изъ крѣпости, чтобы осмотрѣть долину. Солнечные лучи освѣщали все пространство до горизонта. Подъ горою находился лагерь: въ немъ еще горѣли костры, на угляхъ виднѣлись куски мяса; здѣсь было человѣкъ пятьсотъ туземцевъ. Видно было, что туземцы и не думаютъ уходить, хоть они забрали повозки, лошадей, воловъ, съѣстные припасы; но имъ очевидно хотѣлось во что бы то ни стало убить европейцевъ и забрать ихъ оружіе. Русскіе и англійскіе ученые осмотрѣли съ горы туземный лагерь и стали совѣтываться съ бушменомъ, какъ поступить. Для того, чтобы это рѣшить, надо было хорошенько опредѣлить положеніе Скорцефа.

Астрономы знали, что къ югу отъ горы до самаго Карру тянется степь, съуживающаяся къ западу и востоку. На западѣ видны холмы, ограничивающіе страну мокололосовъ, одно изъ крупныхъ селеній которыхъ находится къ сѣверозападу отъ Нгами.

Къ сѣверу отъ Скорцефа характеръ мѣстности измѣнялся. Она изобиловала водою, была покрыта богатой растительностью. Почти на сто миль катились волны Нгами. По ту сторону мѣстность представляла легкій наклонъ, съ лѣсами, лугами, потоками, впадавшими въ Замбезе. Эта прекрасная мѣстность походила на оазисъ. Благодаря естественнымъ каналамъ, почва была покрыта роскошной растительностью. Бассейнъ рѣки Замбезе также важенъ для Африки, какъ Дунай для Европы и Амазонка для южной Америки.

Передъ глазами европейцевъ растилалась прекрасная картина. Скорцефъ возвышался надъ самымъ озеромъ и съ ея сѣверной стороны спускался совсѣмъ отвѣсно. Несмотря на трудность спуска, путешественникамъ все-таки удалось добраться до озера, гдѣ качался пароходъ. Значитъ въ водѣ не могло быть недостатка, слѣдовательно, они могли держаться, пока хватитъ провизіи.

Почему на этой горѣ въ пустынѣ была выстроена крѣпость? За разъясненіями обратились къ Мокуму, и онъ разсказалъ слѣдующее. Въ прежнія времена сюда часто приходили тол-

говцы слоновою костью, которую они здѣсь добывали, и чернымъ товаромъ т. е. неграми. Войны и грабежи доставляли массу плѣнныхъ, продаваемыхъ въ рабство. Торговцы пріѣзжающіе съ запада, ѣхали обыкновенно по этому берегу. Караваны останавливались на Скорцефѣ, и вотъ здѣсь ими и было возведено укрѣпленіе, чтобы обезопасить себя отъ нападенія туземныхъ разбойниковъ, такъ какъ часто случалось, что туземцы, продавши плѣнниковъ, затѣмъ старались ихъ отбить, чтобы снова ихъ продать. Такъ возникла эта крѣпость, нынѣ уже почти развалившаяся. Караваны теперь ходятъ по другому пути, здѣсь не останавливаются, и поэтому разрушающіяся стѣны не исправляются. Отъ прежней крѣпости осталась только стѣна въ видѣ дуги, выдающаяся сторона которой приходилась на югъ, а вогнутая на сѣверъ. Посрединѣ этой стѣны находилось много бойницъ и возвышается деревянная башня. Хотя крѣпость и была стара, но она все-таки представляла убѣжище для европейцевъ. До той поры, пока хватало съѣстныхъ припасовъ они могутъ держаться за стѣнами этой крѣпости, и, быть можетъ, имъ удастся довести до конца геодезическія работы.

Въ боевыхъ припасахъ недостатка не было, такъ какъ ящикъ съ патронами былъ въ той же повозкѣ, гдѣ и паровая шлюпка, и не попалъ въ руки грабителей. Съѣстныхъ припасовъ не было, ихъ захватили туземцы, а въ крѣпости не нашлось бы провіанта и на два дня для восемнадцати человѣкъ, шести астрономовъ, десяти матросовъ, бушмена и туземца-проводника. Это стало извѣстнымъ сейчасъ послѣ осмотра имѣющихся въ наличности припасовъ.

Осмотрѣвши все и позавтракавши, астрономы и бушменъ собрались у редута, а матросы охраняли стѣны крѣпости. Разговаривали о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ и о наступающемъ голодѣ, но не могли придумать, что предпринять.

— О чемъ вы безпокоитесь,—сказалъ Мокумъ, — вы находите, что съѣстныхъ припасовъ хватитъ на два дня, а кто вамъ мѣшаетъ уйти раньше? Мы можемъ это сдѣлать даже сегодня. Макололосы не плаваютъ по Нгами, а я берусь васъ перевести на паровой шлюпкѣ на противоположный берегъ озера.

Астрономы переглянулись между собою, мысль эта не приходила имъ въ голову, потому что они считали себя обязанными до конца исполнить въ этой экспедиціи роль героевъ науки. Сэръ Джонъ Мурей отвѣтилъ Мокуму:

— Но мы не окончили еще нашей работы, мой храбрый Мокумъ.

— Какую работу?

— Измѣреніе меридіана.

— А вы думаете, что мокололосамъ много дѣла до вашихъ меридіановъ?

— Что имъ нѣтъ до него никакого дѣла—это вполнѣ возможно,—вовразилъ Джонъ Мурей,—но мы не мокололосы и не можемъ не окончить начатаго предпріятія. Какъ вы полагаете, товарищи?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ полковникъ Эверестъ, и его словами было высказано мнѣніе всѣхъ.—Мы не оставимъ измѣреніе меридіана, пока хотя одинъ изъ насъ останется живъ и будетъ въ состояніи смотрѣть въ окуляръ зрительной трубы, тріангуляція будетъ продолжаться. Если бы даже понадобилось производить наблюденія съ трубою въ одной рукѣ и ружьемъ въ другой, то и тогда бы мы не отступили!

— Да здравствуетъ Англія! Да здравствуетъ Россія!—вскричали неутомимые ученые, ради науки не останавливающіеся ни передъ какой опасностью.

Рѣшеніе было принято. Работы постановлено было продолжать, если озеро не послужитъ тому препятствіемъ.

Матвѣй Струксъ, болѣе ознакомившійся съ мѣстностью во время своего двухдневнаго пребыванія на вершинѣ Скорцефа, обратился къ товарищамъ со словами:

— Господа, работа будетъ трудная, нужно будетъ много усилій, но она все же возможна. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы геодезически соединить Скорцефъ со сранціей, расположенной къ сѣверу отъ Нгами; для этой станціи я выбралъ на горизонтѣ вершину, которая можетъ служить точкой визированія для нашихъ трубъ; она возвышается къ сѣверо западу отъ озера, слѣдовательно, сторона треугольника, соединяющая Скорцевъ со станціей, пересѣчетъ Нгами наискось.

— Если точка визированія намѣчена, то въ чемъ же затрудненіе?

— Затрудненіе,—отвѣтилъ Матвѣй Струксъ,—въ разстояніи, на которомъ находится эта вершина отъ насъ.

— Какъ велико это разстояніе? — спросилъ полковникъ Эверестъ.

— Не менѣе 120 миль.

— Наши трубы достаточно сильны для такого разстоянія.

— На вершинѣ понадобится установить электрическій фонарь.

— Установимъ!

— Но его надо туда принести.

— Принесемъ!

— И надо будетъ защищаться отъ мокололосовъ,— добавилъ бушменъ.

— Будемъ защищаться!

— Приказывайте, господа, я вамъ повинуюсь,—сказалъ бушменъ.

Этими словами закончилось засѣданіе, рѣшившее судьбу научной экспедиціи. Ученые, соединенные одной общей цѣлью, рѣшили, если это понадобится, даже пожертвовать собой для ея достиженія. Они вышли изъ крѣпости, чтобы осмотрѣть мѣстность. Матвѣй Струксъ указалъ товарищамъ выбранную для станціи вершину. Это была вершина горы Валькиріи, едва видная. Электрическій фонарь, поставленный на ней, могъ быть однако видѣнъ въ зрительныя трубы. Но фонарь надо было еще туда доставить и установить на разстояніи болѣе ста миль отъ Скорцефа. Хотя задача и не была неисполнима, но во всякомъ случаѣ представляла большую трудность. Уголъ, образуемый Скорцефомъ съ Валькиріемъ, съ одной стороны, и предыдущей станціей—съ другой, по всей вѣроятности, долженъ закончить измѣреніе меридіана, такъ какъ эта гора была не въ далекѣ отъ параллели. Поэтому-то астрономы съ такой настойчивостью старались произвести это послѣднее измѣреніе. Надо было рѣшить, какъ установить на горѣ электрическій фонарь, для этого нужно было пройти по неизслѣдованной совершенно мѣстности около ста миль. Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ взялись исполнить это, а проводникъ-туземецъ вызвался ихъ сопровождать и немедля стали собираться въ дорогу. Они не взяли съ собою паровой шлюпки, потому, что она могла понадобится остальнымъ, чтобы скорѣе удалиться изъ крѣпости по окончаніи наблюденія. Для переправы черезъ Нгами рѣшили сдѣлать легкую, устойчивую, берестовую лодку, которую туземцы сооружаютъ въ нѣсколько часовъ. Мокумъ съ проводникомъ опустились къ бухтѣ и быстро справились съ этой работой. Въ восемь часовъ вечера въ лодку были положены инструменты, фонарь, ружья и немного съѣстныхъ припасовъ.

Встрѣтиться было рѣшено на южномъ берегу Нгами у бухты, которую знали и проводникъ и Мокумъ. Кромѣ этого, было условлено, что когда зажжется свѣтъ на Валькиріи, полковникъ Эверестъ сдѣлаетъ то же и на Скорцефѣ и тѣмъ дастъ возможность Вильяму Эмери и Михаилу Цорну опредѣлить его положеніе.

Молодые астрономы простились съ товарищами, вышли изъ крѣпости и спустились къ лодкѣ, въ которой ихъ ожидали два матроса—русскій и англичанинъ. Кругомъ было совершенно тепло. Канатъ отвязали, и легкая лодка подъ мѣрные удары веселъ начала скользить по темнымъ водамъ Нгами.

XX. Восемь дней на вершинѣ Скорцефа.

Оставшіеся съ безпокойствомъ слѣдили за удаляющимися товарищами и думали о томъ, сколько трудностей и опасностей ожидаетъ молодыхъ астрономовъ въ неизвѣстной мѣстности. Бушменъ ихъ всячески успакаивалъ, говоря о ловкости и храбрости проводника и высказывая увѣренность, что молодые люди не встрѣтятъ мокололовъ. Онъ даже считалъ ихъ въ большей безопастности, чѣмъ оставшихся въ крѣпости—и не обманулся. Мокумъ и матросы по очереди стерегли по ночамъ крѣпость. Темнота благопріятствовала мокололосамъ. До сихъ поръ эти «пресмыкающіеся», какъ называли ихъ Мокумъ, еще не взбирались на склоны Скорцефа, вѣроятно ожидая подкрѣпленія, чтобы аттаковать европейцевъ со всѣхъ сторонъ и принудить ихъ сдаться.

Какъ предполагалъ охотникъ, такъ и случилось. На другой день полковникъ Эверестъ увидалъ мокололосовъ въ большемъ оживленіи и, очевидно, готовыми къ нападенію. Къ счастью, берегъ Нгами не могъ быть ими аттакованъ и на случай безвыходной опасности, давалъ возможность отступленія къ озеру. Но объ этомъ никто не думалъ. Европейцы занимали научный постъ—постъ чести и славы науки и родины—и рѣшили ни въ какомъ случаѣ его не покидать. Въ этомъ сходились и русскіе и англичане. Между полковникомъ Эверестомъ и Матвѣемъ Струксомъ теперь не было вражды, они даже не вспоминали о войнѣ, которая въ это время разгорѣлась между Россіей и Англіей. Ученые шли къ одной цѣли, они стремились къ пользѣ и славѣ своего отечества и думали лишь объ одномъ—какъ можно лучше выполнить свою задачу.

Пока не загорѣлся фонарь на Волькиріи, оба астронома оканчивали измѣреніе предыдущаго треугольника. Когда же эта работа была окончена, то слѣдующія ночи рѣшено было заняться наблюденіемъ возможно большаго количеста звѣздъ для этого, чтобы самымъ точнымъ образомъ опредѣлить широту Скорцефа.

Нужно было рѣшить вопросъ, въ какой срокъ молодые астрономы могутъ при благопріятныхъ условіяхъ дойти до мѣста назначенія. Мокумъ былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе по этому вопросу. Онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, для этого понадобится дней пять, а если принять во вниманіе, что ученые идутъ пѣшкомъ, а мѣстность часто пересѣкается потоками, то вполнѣ возможно, что и пяти дней окажется недостаточно.

Во всякомъ случаѣ, было рѣшено разсчитывать дней на шесть и соотвѣтственно распредѣлить имѣющуюся провизію. Ее было очень мало, такъ какъ часть отдали ушедшимъ, оставшейся не хватило бы и на два дня, еслибы раздавать обыкновенныя порціи. Размѣры порцій пришлось уменьшить до трети, чтобы ихъ хватило на шесть дней, пока на горизонтѣ не появится ожидаемый свѣтовой сигналъ. Всѣ оставшіеся страдали отъ недостатка пищи, но не показывали виду, что недовольны.

— Впрочемъ, вѣдь охотиться не запрещено? — сказалъ Джонъ Мурей бушмену.

Мокумъ покачалъ головою. Нельзя было разсчитывать здѣсь что-нибудь найти; но это не причина не браться за ружья, и охотники отправились осматривать гору, въ то время какъ другіе занялись вычисленіемъ измѣреній, занесенныхъ Николаемъ Паландеромъ въ оба журнала. Въ лагерѣ мокололосовъ было тихо; повидимому, они еще не думали производить аттаку, а ожидали, чтобы голодъ заставилъ осажденныхъ сдаться. Вышедшіе изъ крѣпости осмотрѣли гору. На ней росли низенькіе кустарники, красный верескъ, мелкія деревца съ серебристыми листьями; на крутыхъ склонахъ попадались колючія деревца вышиною около десяти футовъ съ кистями бѣлыхъ, пахучихъ цвѣтовъ; названія ихъ Мокумъ не зналъ *). Встрѣтилось нѣ-

---

*) Эти растенія, вѣроятно, принадлежатъ къ породѣ Arduuia bispinosa — кустарникъ, который туземцы называютъ нумъ-нумъ.

сколько птицъ съ темными перьями и красными клювами, но при первомъ же выстрѣлѣ они конечно, всѣ бы разлетѣлись. Итакъ, нельзя было надѣяться прокормиться охотой.

— Но вѣдь можно же удить рыбу—сказалъ Джонъ Мурей, любуясь прекраснымъ видомъ Игами.

— Это будетъ мудрено безъ невода и удочки. Но не будемъ отчаяваться,—случай намъ не разъ помогалъ, можетъ быть, и теперь поможетъ.

— Случай,—воскликнулъ Джонъ Мурей,—да если Богъ его направляетъ, то это лучшій другъ человѣка! Случай помогъ намъ придти къ нашимъ друзьямъ-русскимъ, а ихъ онъ направилъ туда, куда шли мы, и будемъ надѣятся, что онъ же дастъ намъ возможность окончить наше дѣло.

— А этотъ случай насъ и накормитъ?—спросилъ бушменъ.

— И накормить—отвѣчалъ Мурей,—и сдѣлавши это онъ выполнитъ только свой долгъ.—Слова эти дышали такою увѣренностью, что даже бушменъ проникся увѣренностью въ томъ, что случай, дѣйствительно ихъ вѣрный слуга, ожидающій съ ихъ стороны лишь нѣкотораго содѣйствія для своего проявленія.

25 февраля дѣло обстояло по-прежнему безъ перемѣнъ. Мокололосы оставались въ своемъ лагерѣ. Волы и овцы паслись у подножія Скорцефа, повозки были перевезены въ лагерь. Иногда нѣкоторые изъ мокололосовъ, по виду начальники, отличающіеся пышностью своихъ одеждъ, пытались высмотрѣть удобныя для восхожденія тропинки, но тотчасъ же поражались мѣткими пулями европейцевъ. Мокололосы издавали воинственные крики, пускали стрѣлы и угрожающе потрясали копьями. 26-го туземцы повели аттаку: въ количествѣ пятисотъ человѣкъ они стали стремительно взбираться съ трехъ сторонъ на гору. Гарнизонъ крѣпости размѣстился по стѣнамъ. Человѣкъ шесть мокололосовъ было убито залпомъ, остальные бросились бѣжать. Но продолжаться такъ не могло: отъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ отстрѣливаться будетъ очень трудно. Джонъ Мурей предложилъ взять съ паровой лодки митральезу и перенести на фронтъ укрѣпленія. Поднять эту тяжелую пушку почти по отвѣсному склону было не легко, но матросы лихо приступили къ работѣ.

Двадцать шестого февраля орудіе здѣсь было установлено, и всѣ двадцать пять ея стволовъ обстрѣливали фронтъ не-

пріятеля. Мокололосы скоро почувствовали гибельность этого оружія.

По ночамъ астрономы мирно занимались опредѣленіемъ высоты звѣздъ. Широта Скорцефа оказалась 19° 37′ 18″, 265— значитъ была вычислена съ точностью до тысячныхъ долей секунды, т. е. почти до одного метра. На этомъ основаніи легко было опредѣлить, что путешественники находятся меньше, чѣмъ на полградуса отъ сѣверной оконечности дуги, намѣченной для измѣренія, слѣдовательно, и треугольникъ вершину котораго они хотѣли помѣстить на Валкиріи, будетъ послѣднимъ въ тригонометрической сѣти.

Съ 26 по 27 попытки аттаки не возобновлялись. День 27-го тянулся медленно и казался безконечнымъ: въ этотъ день ушедшіе астрономы должны были по разсчету дойти до Волкиріи, и въ слѣдующую ночь могъ уже быть замѣченъ свѣтъ электрическаго фонаря. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ уставили инструменты и навели трубу на вершину. Если свѣтъ появится на вершинѣ, то уголь быстро будетъ опредѣленъ.

Джонъ Мурей, обыскавшій всѣ кустарники и высокую траву, не нашелъ ничего. Даже птицы, напуганныя присуствіемъ людей, улетѣли. Охотникъ были страшно золъ, потому что теперь охота для него была уже не удовольствіемъ, а pro domo sua, если эту латинскую пословицу можно примѣнить къ желудку англичанина. Джонъ Мурей, обладавшій прекраснымъ аппетитомъ, былъ страшно голоденъ. Матросы и бушменъ страдали не менѣе его, что же касается ученыхъ, то они легче переносили голодъ, замѣняя, по примѣру Паландера, птицу однимъ или двумя уравненіями второй или болѣе высокой степени. Вскорѣ истощились почти всѣ припасы: осталось лишь на одинъ день. Въ ночь съ 27-е по 28-е на вершинѣ Волькиріи не было усмотрѣно ни малѣйшаго признака свѣтового сигнала. Впрочемъ, прошелъ только самый кратчайшій срокъ, въ который Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ могли достигнуть мѣста назначенія, слѣдовательно, отчаяваться не было основаній. 28 было съѣдено все, но отважные ученые оставались спокойны; они твердо рѣшили окончить работу и не уходитъ съ этого мѣста, хотя бы имъ пришлось питаться травой.

Съ 28 по 1 марта ничего не случилось. Раза два имъ

чудилось, что на горѣ вспыхнулъ свѣтъ, но по провѣркѣ оказывалась, что это была звѣзда.

Перваго марта ѣсть уже было нечего. Полковникъ Эверестъ и его товарищи, привыкшіе за послѣднее время мало ѣстъ, отъ этого совсѣмъ не страдали, но завтра, если будетъ то же, имъ придется испытать мученія голода.

На слѣдующій голодъ продолжался. Джонъ Мурей и Мокумъ страшно страдали; глаза пріобрѣли дикое выраженіе; имъ казалось, что внутри скребутъ кошки.

— Если бы у насъ были желудки травоядныхъ, —сказалъ Джонъ Мурей, мы могли бы питаться этой растительностью.

Размышляя такъ, Мурей и бушменъ смотрѣли на озеро, въ которомъ имъ не удалось поймать ни одной рыбы. Утомленные и измученные. Мокумъ и Мурей легли на траву, подъ небольшимъ холмомъ, высотой въ пять или шесть футовъ. Они заснули тяжелымъ сномъ, впали какъ бы въ оцѣпененіе. Какъ долго продолжалось такое состояніе—они не могли сообразить. Вдругъ Джонъ Мурей сквозь сонъ почувствовалъ уколы; онъ хотѣлъ снова заснуть, но уколы упорно продолжались, пока не разбудили его совершено.

Онъ увидѣлъ массу бѣлыхъ муравьевъ, бѣгавшихъ по его лицу, платью и покрывшихъ его съ ногъ до головы. Онъ быстро вскочилъ и разбудилъ бушмена, который былъ тоже весь покрытъ муравьями; но къ удивленіе англичанина, бушменъ ихъ не гналъ, а съ жадностью ѣлъ.

— Мокумъ, что за гадость!—вскричалъ Джонъ Мурей.

— Кушайте, кушайте и вы, это бушменскій рисъ.

Дѣйствительно, туземцы такъ называли этихъ насѣкомыхъ, составляющихъ лакомое блюдо. Недостатокъ этихъ муравьевъ только тотъ. что ихъ надо слишкомъ много съѣсть, чтобы насытится. Африканцы обыкновенно смѣшиваютъ ихъ съ смолой мимозы и получаютъ болѣе сытное кушанье. Но мимозы не было, и охотникамъ приходилось довольствоваться рисомъ au naturel.

Джонъ Мурей, несмотря на отвращеніе, рѣшился попробовать «рисъ», взялъ горсть и поднесъ ко рту: вкусъ муравьевъ оказался кисловатымъ и пріятнымъ. Онъ продолжалъ ѣсть, и боль въ желудкѣ начала понемногу успокаиваться. Мокумъ побѣжалъ въ крѣпость и оттуда привелъ весь гарнизонъ. Матросы сразу накинулись на «рисъ», ученые же нѣкоторое вре-

мя не рѣшались, но голодъ и примѣръ Джона Мурея подѣйствовали и на нихъ.

Неожиданный случай вскорѣ доставилъ имъ гораздо болѣе питательную пищу. Муравейникъ представлялъ изъ себя конусообразный холмъ, вокругъ котораго было еше нѣсколько другихъ, поменьше. Мокумъ хотѣлъ разрыть большой муравейникъ, чтобы добыть побольше муравьевъ; онъ сдѣлалъ было уже нѣсколько ударовъ, какъ вдругъ услышалъ внутри муравейника шумъ, похожій на ворчанье. Онъ остановился и сталъ слушать. Товарищи смотрѣли на него. Мокумъ ударилъ еще нѣсколько разъ и продолжалъ рубить холмъ топоромъ, стараясь сдѣлать отверстіе около фута ширины. Вскорѣ изъ отверстія ямы показалось странное животное съ длинной мордой, маленькимъ ртомъ, прямыми ушамп, короткими ногами, и длинными острымъ хвостомъ. Туловище было покрыто длинными сѣрыми волосами, лапы кончались огромными когтями. Мокумъ однимъ ударомъ по головѣ сразу убилъ животное.

— Вотъ вамъ и жаркое! Долго ждали, зато вкуское будетп. Раскладывайте огонъ, вмѣсто вертела, насадимъ мясо на шомполъ и пообѣдаемъ съ большимъ аппетитомъ!

Мокумъ живо потрошилъ животное. Это былъ муравьѣдъ, страшный врагъ муравьевъ, извѣстное у буровъ подъ именемъ земляной свиньи. Если само животное не можетъ попасть въ муравейникъ, то просовываетъ свой длинный и липкій языкъ, который весь густо облѣпляется муравьями.

Жаркое было почти готово; но настоящему его еще слѣдовало бы немного пожаритъ, но у ожидавшихъ уже не было терпѣнія. Сразу съѣли половину животнаго, и несмотря на то, что мясо было нѣсколько жестко и отзывалось муравьиной кислотой, всѣ нашли его очень вкуснымъ. Ѣда возстановила силы, подняла духъ и укрѣпила надежды европейцевъ.

А надежда была наобходима, потому что и въ слѣдующую ночь свѣта на вершинѣ Волькиріи еще не было.

XXI. Ожиданіе сигнала.

Прошло девять дней съ тѣхъ поръ, какъ молодые астрономы съ проводникомъ ушли изъ Скорцева. Что задержало ихъ—люди или животныя? Задержаны ли они, или погибли? Надежда смѣнялась страхомъ. Прошло девять дней, а на пе-

реходъ достаточно шесть-семь дней. Отъ благополучнаго прибытія на вершину Волькиріи зависѣла участь всего предпріятія. Ученые это знали и медлить по пустой причинѣ не могли; а такъ какъ прошло уже девять дней, и сигнала не было, то значитъ, они убиты или захвачены въ плѣнъ. Вотъ какими печальными мыслями были полны полковникъ Эверестъ и его товарищи. Они съ нетерпѣніемъ ожидали заката солнца, чтобы возобновить наблюденія. Вся надежда возлагалась на трубу, въ которую долженъ былъ быть замѣченъ отдаленный сигналъ. Вся жизнь какъ бы была сосредоточена въ узкомъ кругозорѣ трубы.

Третьяго марта были съѣдены послѣдніе остатки провіанта, и приходилось снова питаться муравьями.

Атаки мокололосы не возобновляли. Они, вѣроятно, разчитывали голодомъ вынудить осажденныхъ къ сдачѣ. 4 марта голодъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ; несчастные европейцы жевали луковичные корни, надѣясь этимъ хоть немного заглушить голодъ. Плѣнниками въ полномъ смыслѣ слова онѣ не были, такъ какъ могли уплыть на тотъ берегъ озера, гдѣ много дичи; нѣсколько разъ думали послать охотника, но это было опасно, такъ какъ рисковали потерять пароходъ и всецѣло погибнуть. О томъ, чтобы уйти раньше окончанія работы, не было и разговора—это было мученичество ради науки. Полковникъ Эверестъ собралъ вокругъ себя товарищей и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Араго, Біо и Родригъ, когда измѣряли меридіанъ отъ Дюнкирхена до острова Ивиса находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и мы. Они должны были соединить островъ съ пунктомъ Испаніи треугольникомъ, стороны котораго были больше 120 миль. Астрономъ Родригъ долженъ былъ на вершинѣ острова зажечь фонарь, а французскіе ученые ожидали на разстояніи 100 миль въ пустынѣ Палмаса въ продолженіи шестидесяти ночей, и только на шестьдесятъ первую—фонарь загорѣлся. Почему же русскіе и англійскіе ученые не могутъ сдѣлать того же?

— Ура!—было отвѣтомъ на эти слова, хотя можно было возразить, что Араго и его спутники не испытывали голода, отъ котораго страдали наши путешественники.

Въ лагерѣ осаждавшихъ днемъ было замѣтно особое движеніе: они куда-то уходили и возвращались. Бушменъ видимо безпокоился. Не думаютъ ли мокололосы ночью произвести

атаку или, быть можетъ, собираются ночью совсѣмъ уйти. Бушмену казалось, что приготовленія имѣютъ враждебный характеръ. Женщины и дѣти ушли на востокъ, а оставшіеся макололосы не думали повести рѣшительную атаку.

Мокумъ сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ сэру Мурею; рѣшено было зорко слѣдить ночью и быть на готовѣ. Нападеніе было опасно, потому что ихъ было нѣсколько сотъ, и помѣшать имъ взобраться на стѣну было ночью невозможно. Полковникъ Эверестъ приказалъ матросу развести пары и держать паровую шлюпку наготовѣ, на случай, если понадобится бѣжать. Приказано это было сдѣлать вечеромъ, чтобы осаждающіе не замѣтили лодки на озерѣ.

Ужинать пришлось сухими корнями и муравьями. Такая пища, конечно не могла быть достаточно подкрѣпляющей для людей, которымъ предстоитъ сраженіе, но ихъ ободряла твердая рѣшимость.

Въ шесть часовъ вечера, когда сразу стемнѣло, механикъ занялся разведеніемъ паровъ. Бѣгство допускалось лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. Имъ не хотѣлось оставлять свою позицію, въ тотъ моментъ, когда ежеминутно можно ожидать сигнальнаго свѣта. Матросы были разставлены у стѣнъ, оружіе и митральеза приведены въ готовность. Нѣсколько часовъ было тихо. Полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ, сидя въ башнѣ, не спускали глазъ съ вершины, на которую была наведена труба. На небѣ блестѣли звѣзды, кругомъ полная тишина. Бушменъ стоялъ на выступѣ скалы и внимательно прислушивался къ шуму въ долинѣ, который становился все громче. Мокумъ былъ увѣренъ, что этой ночью они будутъ атакованы. До десяти часовъ царила тишина, огни въ лагерѣ были потушены, и въ долинѣ была совершенная темнота. Вдругъ Мокумъ замѣтилъ на склонахъ подозрительныя тѣни: атакующіе находились не далѣе 100 шаговъ отъ крѣпости.

— Къ оружію, къ оружію!—закричалъ бушменъ.

Гарнизонъ выбѣжалъ на южный фронтъ крѣпости и открылъ пальбу. Макололосы издавали воинственные крики и продолжали взбираться. Пули производили сильное опустошеніе, но атакующіе продолжали нападать, не выпуская ни одной стрѣлы, чтобы не терять времени. Полковникъ Эверестъ былъ впереди другихъ, товарищи не отставали отъ него, не исключая и Паландера, который, навѣрное, въ первый разъ въ жизни

держалъ ружье въ рукахъ. Сэръ Джонъ дѣлалъ чудеса, перебѣгая съ мѣста на мѣсто и выпуская массу пуль. Бушменъ былъ храбръ и хладнокровенъ какъ на охотѣ.

Но ничто не могло остановить мокололосовъ; одного убитаго замѣняло двадцать новыхъ. Двѣнадцати европейцамъ борьба была не подъ силу, и черезъ полчаса уже стало ясно, что мокололосы достигнутъ площадки на вершинѣ горы. Они взбирались массами, укрываясь отъ пуль за тѣлами убитыхъ. Видъ ихъ былъ страшнѣе дикихъ звѣрей, и пощады ждать было нечего.

Въ половинѣ одиннадцатаго появились на площадкѣ первые мокололосы. Пришлось укрыться за стѣною крѣпости, такъ какъ выстрѣлами удержать атакующихъ было уже невозможно. Полковникъ Эверестъ громкимъ голосомъ скомандовалъ:

— Отступленіе!

Дали еще одинъ залпъ и бросились за стѣну крѣпости.

Туземцы издали торжествующій крикъ и вскорѣ появились передъ среднимъ обваломъ, стараясь разрушить стѣну. Вдругъ раздался страшный грохотъ, точно ударъ грома, и затѣмъ удары послѣдовали одинъ за другимъ. Это грохотала митральеза, которой управлялъ Джонъ Мурей. Двадцать пять дулъ, расположенныхъ вѣеромъ, осыпали пулями пространство футовъ на сто, гдѣ были туземцы. Площадка быстро очистилась, остались только трупы. Раздались крики, стоны, градомъ посыпались стрѣлы, но они не достигали цѣли.

— Славно работаете,—сказалъ бушменъ, подходя къ сэру Джону.—Когда вы устанете отъ этой игры?

Митральеза утихла. Враги исчезли, спасаясь отъ града пуль. Они собрались на склонахъ горы. Во время этой передышки полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ успѣли побывать въ башнѣ и, приблизивъ глазъ къ окуляру зрительной трубы, посмотрѣть на вершину Волькиріи. Когда атака возобновилась, они смѣняя другъ друга, продолжали стоять у драгоцѣннаго инструмента. Битва снова началась, и митральезы было уже недостаточно, чтобы отражать враговъ, собиравшихся у всѣхъ обваловъ. Бой продолжался еще съ полчаса. Ожесточеніе было страшное. Европейцы защищались огнестрѣльнымъ оружіемъ и получали сами только царапины отъ метательныхъ копій нападающихъ Около половины двѣнадцатаго, въ самый разгаръ боя, къ полковнику Эвересту подошелъ Матвѣй Струксъ

На немъ была шапка, въ которой качалась стрѣла. Лицо его выражало и радость и ужасъ.

— Сигнальный свѣтъ, свѣтъ!—кричалъ онъ.

— Что?—переспросилъ полковникъ, заряжая ружье.

— Да, свѣтъ!

— Вы видѣли?

— Видѣлъ!

Выстрѣливъ, полковникъ бросился въ башню съ крикомъ «ура», а за нимъ послѣдовалъ и Матвѣй Струксъ.

Полковникъ сталъ на колѣни передъ трубою и смотрѣлъ въ нее съ замираніемъ сердца. Свѣтъ виднѣлся на горѣ Валькиріи какъ разъ въ точкѣ пересѣченія нитей окуляра. Наконецъ-то была найдена вершина для послѣдняго треугольника! Удивительную сцену представляли ученые, работающіе въ самый разгаръ битвы. Туземцы овладѣвали стѣной. Сыпались пули, стрѣлы, раздавались удары копій, топоровъ, а въ это время полковникъ Эверестъ и Матвѣй струксъ спокойно производили измѣренія, а Николай Паландеръ вносилъ въ журналы результаты наблюденій. Стрѣлы много разъ пролетали надъ ихъ головами и вонзались во внутреннюю стѣну башни. Ученые невозмутимо продолжали визировать свѣтъ на Волькиріи и съ помощью лупы разсматривали число дѣленій верньера, повѣряя одинъ другого.

— Сдѣлаемъ еще одно измѣреніе,—сказалъ Матвѣй Струксъ, молча повернулъ трубу по раздѣленному на градусы лимбу.

Наконецъ, наблюденія были окончены, направленіе свѣта было опредѣлено съ точностью до тысячныхъ долей секунды.

Между тѣмъ, туземцы уже проникли въ казематъ и каждую минуту могли появиться въ башнѣ. Полковникъ Эверестъ съ двумя товарищами забравъ оружіе, а Николай Паландеръ,— свои драгоцѣнныя книги, выбѣжали на обвалъ. Тамъ ихъ ожидали товарищи, нѣкоторые слегка раненые, готовые къ отступленію.

— А нашъ сигналъ!—вскричалъ Матвѣй Струксъ.

— Условлено было на свѣтъ астрономовъ отвѣтить огневымъ сигналомъ! Для успѣшнаго окончанія геодезической работы Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ должны были съ Волькиріи визировать на вершину Скорцефа и, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ждали появленія дня.

— Еще одна минута!—вскричалъ полковникъ Эверестъ, и

побѣжалъ въ башню, въ то время, когда его товарищи съ нечеловѣческими усиліями отбивались отъ дикарей.

Башня была срублена изъ сухихъ бревенъ, и одной искры было достаточно, чтобы она загорѣлась. Онъ поспѣшно поджегъ ее съ помощью трута. Дерево затрещало, и черезъ нѣсколько минутъ полковникъ Эверестъ съ своими товарищами уже спускались по склону, осыпаемые стрѣлами и катя передъ собою митральезу, которую они не хотѣли оставить въ рукахъ враговъ. Шлюпка была готова, канатъ отвязанъ, винтъ завертѣлся, и пароходъ понесся по темнымъ волнамъ Нгами. Скоро они настолько удалились отъ берега, что имъ видна была лишь башня, горѣвшая, какъ маякъ и, вѣроятно, хорошо видимая товарищамъ, ожидавшимъ на Валькиріи. Экипажъ кричалъ «ура» при видѣ этого огромнаго факела, далеко освѣщавшаго путь. Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ должны быть довольны: въ отвѣтъ на звѣздочку, имъ показали цѣлое солнце.

XXII. Николай Паландеръ раздражается.

Утромъ пароходъ остановился у сѣвернаго берега озера. Никакихъ признаковъ туземцевъ не было. Экспедиція расположилась у маленькой бухты между двумя скалами.

Мокумъ, Джонъ Мурей и одинъ матросъ отправились въ поиски за дичью. Къ счастію, ея было достаточно. На берегахъ Нгами была масса болотныхъ птицъ въ родѣ утокъ, и охотники принесли ихъ такое количество, какого было вполнѣ достаточно, чтобы подкрѣпить ослабѣвшія силы товарищей. Очевидно, и на будущее время не ожидалось голодовки. Присутствія мокололосовъ не было и слѣдовъ.

5-го марта лагерь расположился на берегу Нгами, подъ высокими ивами. Это было то самое мѣсто, на которомъ рѣшено было встрѣтиться съ молодыми астрономами. Въ этомъ мѣстѣ полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ должны были ждать своихъ товарищей и надѣялись болѣе счастливо завершить вмѣстѣ обратный путь. Имъ поневолѣ приходилось отдохнуть нѣсколько дней, но этимъ никто не огорчился. Николай Паландеръ занялся вычисленіемъ результатовъ послѣднихъ тригонометрическихъ наблюденій. Мокумъ и Джонъ Мурей проводили все время на охотѣ въ этой богатой дичью мѣстности, которую Мурей съ удовольствіемъ пріобрѣлъ бы для своего отечества.

Черезъ три дня послышались выстрѣлы, извѣщающіе о приближеніи Вильяма Эмери, Михаила Цорна, двухъ матросовъ и проводника. Они принесли съ собою теодолитъ, который только одинъ и остался теперь въ англо-русской экспедиціи.

Радость при встрѣчѣ была неописуемая. Всѣ поздравляли молодыхъ астрономовъ. О своемъ путешествіи они разсказали въ нѣсколькихъ словахъ. Въ продолженіе двухъ дней они блуждали по огромному лѣсу, и только благодаря находчивости и сметливости проводника, выбрались изъ него. Подъемъ на гору былъ очень тяжелъ, почему они и запоздали, страшно безпокоясь о своихъ оставшихся товарищахъ. Наконецъ, имъ удалось добраться до вершины Волькиріи. 4-го марта фонарь былъ установленъ, и въ ночь на пятое появился его свѣтъ, который сейчасъ же и былъ замѣченъ.

Вильямъ Эмери и Михаилъ Цорнъ тоже сразу увидѣли огонь, опредѣлили его направленіе и закончили измѣреніе треугольника, вершина котораго находилась на Валькиріи.

— А широту этой горы вы опредѣлили?—спросили полковникъ Эверестъ и Матвѣй Струксъ.

— Очень точно, по наблюденіямъ надъ звѣздами.

— И широта ея?

— 19°37′35″337 съ точностью до тысячныхъ,—отвѣчалъ Вильямъ Эмери.

— Итакъ,—сказалъ полковникъ Эверестъ,—наша задача окончена. Мы измѣрили дугу меридіана болѣе чѣмъ въ восемь градусовъ съ помощью шестидесяти трехъ треугольниковъ, и когда будутъ вычислены результаты нашихъ работъ, получится точная величина градуса и метра въ этой части земного шара.

Раздалось громкое «ура» русскихъ и англичанъ.

— Теперь намъ надо добраться по Замбезе до Индѣйскаго океана, какъ вы думаете мистеръ Струксъ?—сказалъ полковникъ.

— Согласенъ, но я думаю, что наши работы надо еще математически провѣрить. Для этого я предлагаю продолжить тригонометрическую сѣть на востокъ до тѣхъ поръ, пока найдется удобное мѣсто для постройки новаго базиса. Отношеніе, полученное между величиною этого базиса, опредѣленнаго вычисленіями, и величиной, найденной непосредственнымъ измѣреніемъ на мѣстности, послужитъ выясненію точности нашихъ работъ.

Предложеніе было всѣми принято. Всѣ сознались, что такая провѣрка необходима и поэтому рѣшили построить къ востоку рядъ вспомогательныхъ треугольниковъ до той поры, пока непосредственно на мѣстности не окажется возможнымъ измѣрить самымъ точнымъ образомъ, посредствомъ платиновыхъ линеекъ, сторону какого-нибудь изъ нихъ. Пароходъ долженъ былъ спуститься по одному изъ притоковъ Зембезе и ждать ихъ у знаменитыхъ водопадовъ Викторіи.

Шестого марта, по указанію бушмена, всѣ двинулись въ путь. На пароходѣ остались только четыре матроса. Станція выбиралась къ востоку отъ измѣренныхъ угловъ. Мѣстность была удобна для установленія точекъ визированія, и можно было надѣяться, что работа пойдетъ успѣшно.

Мокумъ очень ловко поймалъ квагу, родъ дикой лошади, съ коричнево-бѣлой гривой, съ красноватой и полосатой, какъ у зебра спиною. Быстро ее усмиривъ, онъ навьючилъ на нее багажъ каравана, теодолитъ, переносныя подставки и платиновыя линейки.

Погода стояла хорошая. Путешественники подвигались быстро. На холмистой мѣстности то и дѣло встрѣчались пункты, которые было удобно принять за вершины треугольниковъ. Остановки устраивали въ лѣсахъ, гдѣ жара умѣрялась влажностью воздуха, которая исходила изъ ручьевъ и маленькихъ озеръ. Охота была прекрасная. Туземцы не попадались вовсе. Споры между полковникомъ Эверестомъ и Матвѣемъ Струксомъ прекратились, и хотя они не дружили, но было хорошо и то, что они не ссорились.

Съ шестого по двадцать седьмое ничего особеннаго не случилось. Нужно было найти мѣсто, удобное для измѣренія непосредственно стороны заключительнаго треугольника, по такой мѣстности они еще не находили. Для этого нужно было совершенно ровное пространство, а такого еще не попадалось. Караванъ подвигался къ сѣверо-востоку, шелъ по правому берегу Шобе, главнаго притока Замбезе, и всячески старался обойти Макето, главное селеніе мокололосовъ.

Они надѣялись, что обратный путь пройдетъ при благопріятныхъ условіяхъ. Мѣстность была болѣе или менѣе изслѣдованная, и скоро они должны были уже дойти до деревень, раскинутыхъ по Замбезе, гдѣ бывалъ докторъ Ливингстонъ. Они считали, что самое трудное уже прошло и задача ихъ

почти выполнена. Вдругъ случилось обстоятельство, которое могло испортить все дѣло. Причиной явился Николай Паландеръ.

Извѣстно, что этотъ ученый, увлекшись своими вычисленіями, часто отставалъ а это въ лѣсу могло быть и опасно.

Матвѣй Струксъ и бушменъ часто предостерегали его. Онъ обѣщалъ быть осторожнѣе, хотя удивлялся этимъ предостереженіямъ. И вдругъ 27-го марта онъ исчезъ, когда проходили по зарослямъ. Помнили, что онъ былъ съ карандашомъ въ рукѣ и записной книжкой, пот мъ отклонился влѣво и потерялся.

Въ четыре часа вечера, когда замѣтили его исчезновеніе, Матвѣй Струксъ и его товарищи страшно обезпокоились, такъ какъ хорошо еще помнили случай съ крокодилами.

Кромѣ безпокойства, неудобство состояло еще и въ томъ, что караванъ долженъ былъ изъ-за этого задержаться. Его звали, стрѣляли изъ ружей, обыскивали окрестность, но его нигдѣ не было. Онъ исчезъ.

Безпокойство увеличивалось, а у Матвѣя Струкса появилось страшное раздраженіе. Задержка происходитъ второй разъ по винѣ этого Паландера, и если полковникъ на это укажетъ, то ему нечего будетъ возразить.

Нужно было ждать и всюду искать разсѣяннаго математика.

Полковникъ Эверестъ выбралъ уже мѣсто для остановки, какъ вдругъ раздался страшный крикъ въ лѣвой сторонѣ лѣса. Среди деревьевъ появился Паландеръ, онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ, весь въ лохмотьяхъ, и когда остановился, то не могъ говорить и только тяжело дышалъ и дико водилъ глазами. Товарищи не могли сразу понять, что такое съ нимъ случилось. Наконецъ, онъ перевелъ духъ и пробормоталъ:

— Книги, книги съ записями!

Астрономы вздрогнули. Онъ потерялъ книги! Пропали всѣ труды. Ограбили его, или онъ самъ потерялъ ихъ въ лѣсу— не все ли равно? Труды пропали. Матвѣй Струксъ вышелъ окончательно изъ себя. Онъ сталъ такъ кричать и браниться, что весь налился кровью и — наконецъ—поклялся, что если онъ не умретъ подъ кнутомъ, то будетъ въ Сибири.

Паландеръ молчалъ, безсмысленно кивалъ головою и считалъ брань и крикъ вполнѣ заслуженными.

Полковникъ Эверестъ вступился за несчастнаго:

— Можетъ быть, его ограбили?

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла! Почему онъ не слушаетъ? Зачѣмъ уходитъ?

— Но все-таки надо узнать, потерялъ ли онъ книги, или ихъ у него отняли.

— Васъ ограбили, господинъ Паландеръ?—спросилъ Джонъ Мурей.

Николай Паландеръ тупо кивнулъ головой.

— Кто, мокололосы?

Онъ покачалъ головой въ знакъ отрицанія.

— Европейцы? Бѣлые?

— Нѣтъ,—еле отвѣчалъ Паландеръ.

— Кто же, наконецъ?!—вскричалъ Матвѣй Струксъ, бросаясь на него съ кулаками.

— Павіаны,—тихо отвѣтилъ несчастный Паландеръ.

Если бы пропажа не была такъ важна, всѣ навѣрное бы расхохотались. Паландера ограбили обезьяны!

Бушменъ сказалъ, что это бываетъ нерѣдко. По разорванной одеждѣ видно было, что книги были отняты у него послѣ сильной борьбы, но это не мѣняло дѣла — книги были потеряны—все пропало!

— Стоило измѣрять дугу меридіана въ центрѣ Африки, чтобы какой нибудь безумецъ...—Полковникъ Эверестъ не кончилъ своей фразы, потому что ему стало жаль несчастнаго Паландера, выслушавшаго столько отъ Матвѣя Струкса.

Бушменъ, какъ болѣе опытный и хладнокровный, вмѣшался въ дѣло.

— Господа,—сказалъ онъ,—я понимаю, что вы въ отчаяніи, но теперь нельзя тратить время на разговоры, такъ какъ каждая минута дорога. Павіаны берегутъ украденныя вещи, а такъ какъ книгъ не ѣдятъ, то есть надежда ихъ найти и вернуть, если мы догонимъ воровъ.

Всѣ вдругъ оживились, обрадовавшись поданной надеждѣ. Николай Паландеръ взялъ у одного матроса куртку, у другого шапку и вызвался указать мѣсто, гдѣ онъ былъ ограбленъ.

По его указанію, всѣ отправились на западъ на поиски.

Слѣдующіе сутки не принесли ничего утѣшительнаго, хотя въ одномъ мѣстѣ бушменъ и проводникъ нашли слѣды обезьянъ. Николай Паландеръ увѣрялъ, что на него напало около десяти животныхъ. Скоро всѣ убѣдились, что напали на настоящій слѣдъ и быстро пошли по немъ, съ большими пред-

осторожностями, такъ какъ павіаны очень чутки и близко къ себѣ не подпускаютъ. Мокумъ надѣялся на удачу только при томъ условіи, если на нихъ удастся напасть неожиданно.

На другой день, часовъ около восьми, одинъ изъ матросовъ, шедшій впереди, увидѣлъ если не самого вора, ограбившаго Паландера, то его товарища. Онъ быстро вернулся и разсказалъ о встрѣчѣ.

Бушменъ предложилъ остановиться. Европейцы послушались его совѣта и остановились. Тогда Мокумъ, Джонъ Мурей и проводникъ пошли туда, гдѣ матросъ увидѣлъ обезьяну. Они шли тихо, прячась между деревьями и вскорѣ замѣтили сперва одного павіана, а за нимъ еще штукъ десять. Притаившись за деревьями, охотники стали внимательно слѣдить за ними. Это оказалось стадо обезьянъ, покрытыхъ зеленоватою шерстью, съ черными ушами и длиннымъ волочащимся по землѣ хвостомъ, такъ называемыя шакмасы. Это сильныя животныя съ крѣпкими челюстями, острыми когтями, страшными даже для хищныхъ звѣрей. По природѣ они разбойники, они разоряютъ пшеничныя и маисовыя поля, а иногда врываются даже въ жилища буровъ. Ихъ ревъ похожъ на собачій лай. Они расположились, не замѣчая слѣдившихъ за ними людей.

Между ними находился и ограбившій Паландера — это было видно по тому, что на одномъ изъ нихъ находился кусокъ матеріи, оторванный отъ платья ученаго.

Джонъ Мурей ободрился, онъ былъ увѣренъ, что это и есть воръ, и что книги у него. Нужно только быть очень осторожнымъ, потому что иначе стадо вспугнется и уйдетъ въ лѣсъ.

— Оставайтесь здѣсь, а мы сходимъ за остальными,— сказалъ тихо бушменъ проводнику.

Для того, чтобы вырвать добычу, надо было окружить стадо со всѣхъ сторонъ. Для этого всѣ раздѣлились. Одинъ отрядъ изъ Матвѣя Струкса, Эмери, Цорна и трехъ матросовъ, долженъ былъ подойти къ оставленному проводнику и расположиться возлѣ него полукругомъ. Другой отрядъ, состоящій изъ бушмена, Джона Мурея, полковника, Паландера и трехъ матросовъ, пошелъ налѣво, чтобы обойти стадо.

Всѣ шли очень тихо, держа оружіе наготовѣ; всѣмъ было сказано, что стрѣлять надо въ обезьяну, опоясанную матеріей.

Паландеръ выходилъ изъ себя. Мокумъ шелъ рядомъ съ нимъ и слѣдилъ, чтобъ онъ не сдѣлалъ какой-нибудь глупости. Дѣйствительно, Паландеръ не владѣлъ собою, такъ какъ возвращенiе книгъ было для него вопросомъ жизни.

Такъ они шли съ полчаса, когда Мокумъ рѣшилъ, что уже можно напасть на стадо. Онъ остановился, за нимъ и всѣ остальные, приготовивъ ружья.

Стадо обезьянъ было хорошо видно. Казалось, что оно, что-то услышало и собирается бѣжать. Самый большой, оказавшійся воромъ, высказывалъ сильное безпокойство. Николай Паландеръ узналъ его сразу, но не увидалъ у него книгъ.

— Вотъ, вотъ онъ разбойникъ!—прошепталъ съ дрожью ученый.

Обезьяна уже дѣлала знаки товарищамъ. Самки сбились въ кучу, самцы забѣгали вокругъ нихъ. Охотники подошли ближе, каждый уже видѣлъ вора и могъ въ него стрѣлять, какъ вдругъ Паландеръ выронилъ отъ волненья ружье и оно выстрѣлило.

— Проклятіе!—вскричалъ Джонъ Мурей и выстрѣлилъ тоже. Раздалось еще десять выстрѣловъ. Три обезьяны были убиты, другія перелетѣли надъ головами охотниковъ и поспѣшно скрылись.

Остался одинъ воръ, который быстро полѣзъ по стволу и скрылся въ вѣтвяхъ.

— Тамъ у него книги!—крикнулъ бушменъ и не ошибся.

Явилось опасеніе, какъ бы онъ не ушелъ, перепрыгивая съ дерева на дерево. Бушменъ прицѣлился и попалъ ему въ ногу. Обезьяна скатилась, прижимая къ себѣ драгоцѣнныя книги. Николай Паландеръ набросился на нее, и не помня себя отъ злости, схватился съ нимъ; они боролись и свились въ клубокъ, такъ что трудно было стрѣлять въ обезьяну, не задѣвъ математика.

— Стрѣляйте въ обоихъ!—яростно кричалъ Струксъ и несомнѣнно выстрѣлилъ бы самъ,—если бы ружье у него было заряжено,—такъ велика была его ярость.

Борьба продолжалась. Николай Паландеръ старался задушить обезьяну, а она впилась въ него когтями, и по плечу его текла кровь. Наконецъ, бушмену удалось топоромъ разсѣчь голову обезьяны, и борьба окончилась.

Николай Паландеръ лишился чувствъ. Его подняли. Руки его судорожно прижимали книги къ груди.

Обезьяну отнесли въ лагерь и приготовили изъ нея ужинъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, чувствуя злое торжество мести и находили мясо убитаго вора очень вкуснымъ.

XXIII. Водопады Замбези.

Раны Николая Паландера не были опасны. Бушменъ ихъ легко вылечилъ, и Паландеръ могъ снова отправиться въ путь. Онъ былъ очень веселъ, но мало-по-малу успокоился и сталъ снова сосредоточеннымъ ученымъ, углубленнымъ въ свои цифры. Книгу ему оставили только одну, а другую на храненіе дали Эмери. Работа продолжалась. Тріангуляція производилась быстро, не доставало только равнины, на которой можно было бы измѣрить основаніе. 1-го апрѣля они подошли къ болоту, которое ихъ нѣсколько задержало. Здѣсь строили треугольники съ очень большими сторонами, чтобы скорѣе выбраться изъ атмосферы вредныхъ испареній.

Настроеніе у всѣхъ было прекрасное; даже между начальниками царило согласіе, которому радовались Цорнъ и Эмери.

— Дорогой Вильямъ, я думаю, что когда мы вернемся въ Европу, между Англіей и Россіей будетъ уже миръ, и мы можемъ быть друзьми,—сказалъ Цорнъ.

— Я даже увѣренъ въ этомъ,—отвѣчалъ Вильямъ Эмери,— теперешнія войны коротки. Послѣ одного, двухъ сраженій уже подписываютъ миръ, а война эта длится уже годъ.

— Надѣюсь, что вы не спѣшите въ Капштадтъ?—сказалъ Михаилъ Цорнъ, — и будете такъ любезны, что побываете у меня въ Кіевской обсерваторіи.

— Я провожу васъ въ Европу, побываю въ Россіи, но надѣюсь и вы заглянете въ Капштадтъ, и полюбуетесь чудными южными созвѣздіями. Если хотите, я буду съ вами изслѣдовать звѣзду θ созвѣздія Центавра. Безъ васъ я не начну работы; даю вамъ въ этомъ слово!

— Правда, Вильямъ?

— Честное слово! я приберегу вамъ θ, а за это я вознагражу себя въ Кіевѣ однимъ изъ вашихъ туманныхъ пятенъ.

По ихъ разговору можно было думать, что небо принадлежитъ имъ, да по настоящему это такъ и было: оно, дѣйстви-

тельно, принадлежитъ тому, кто занимается изученіемъ его тайнъ.

— Но прежде всего надо, чтобы война окончилась,—сказалъ Цорнъ.

— Это будетъ навѣрное, потому что войны съ пушками кончаются скорѣе, чѣмъ ученыя схватки и, навѣрное, полковникъ Эверестъ съ Матвѣемъ Струксомъ позднѣе сдѣлаются друзьями, чѣмъ Англія съ Россіей,—отвѣтилъ Эмери.

— Развѣ вы не думаете, что они примирились послѣ всего пережитаго?

— Нѣтъ, не думаю, вѣдь это соперничество между учеными, да еще знаменитыми!

— Если извѣстность причина вражды, то останемся не знаменитыми и будемъ друзьями,—сказалъ Михаилъ Цорнъ.

Черезъ одиннадцать дней послѣ случая съ обезьянами, наши ученые, наконецъ, нашли въ нѣсколько миль равнину, удобную для измѣренія основанія. На краю равнины находилось нѣсколько хижинъ, въ которыхъ жили мирные туземцы, любезно принявшіе европейцевъ. Для путешественниковъ это было большимъ облегченіемъ, такъ какъ они могли жить не подъ открытымъ небомъ во время измѣреній, которыя могли продолжаться около мѣсяца.

Всѣ размѣстились по хижинамъ, по возможности приспособленныхъ для нихъ, и занялись работою измѣренія основанія послѣдняго треугольника. Длина этой стороны была вычислена математически и чѣмъ ближе сойдется это вычисленіе съ результатомъ, полученнымъ отъ измѣренія на мѣстности, тѣмъ точнѣе опредѣленіе меридіана.

Подставки были разставлены, линейки уложены, измѣреніе велось со всѣми предосторожностями, при чемъ были приняты во вниманіе перемѣна температуры, наклонъ и линеекъ къ горизонту. Ничто не было упущено и, казалось, вся ихъ жизнь сосредоточилась на этой работѣ.

Она длилась съ десятаго по пятнадцатое мая, и когда была окончена, то результаты были вычислены Николаемъ Паландеромъ и Вильямомъ Эмери.

При объявленіи этихъ результатовъ сердца ученыхъ усиленно бились и они считали лучшей наградой для себя, если послѣ повѣрки окажется, что работа вѣрно выполнена.

Николай Паландеръ и Вильямъ Эмери объявили своимъ товарищамъ слѣдующія числа

Измѣренный на мѣстности новый базисъ равенъ 5.075,25 туазамъ. Длина этого же базиса, вычисленная изъ перваго базиса и всей тригонометрической сѣти, равна 5.075,11 туазамъ.

Разница между вычисленіемъ и измѣреніемъ оказалась въ 0,14 туаза.

Только четырнадцать сотыхъ туаза, менѣе десяти дюймовъ, а базисы находились на разстояніи другъ отъ друга шестисотъ миль!

Работа англо-русской экспедиціи оказалась точнѣе работы, произведенной между Дюнкирхеномъ и Перпиньяномъ для измѣренія французскаго меридіана, гдѣ разница между базисамъ Мелуна и Перпеньянскимъ равнялась одиннадцати дюймамъ; при этомъ — несмотря на то, что работа производилась при самыхъ трудныхъ условіяхъ, она оказалась самой совершенной геодезической работой.

Громкое «ура» загремѣло по объявленіи результатовъ.

По вычисленіямъ Николая Паландера длина градуса въ этой части земного шара равнялась пятидесяти семи милямъ и тридцати семи туазамъ. Съ измѣреніемъ, полученнымъ Лакайлемъ на мысѣ Доброй Надежды въ 1752 г., была разница только на одинъ туазъ.

Чтобы опредѣлить длину метра, нужно было дождаться окончанія работъ, которыя должны быть произведены въ сѣверномъ полушаріи. Длина метра должна равняться десятимилліонной части четверти меридіана. Четверть эта, при условіи сплющенности земли у полюсовъ равняется десяти милліонамъ восьмистамъ пятидесяти шести метрамъ. Слѣдовательно, длина метра равна 0,513070 туаза или тремъ футамъ одиннадцати и 296 тысячнымъ линіи. Насколько это вѣрно, будетъ видно изъ слѣдующихъ работъ англо-русской экспедиціи...

Геодезическія работы окончились. Астрономы выполнили свою задачу, и теперь имъ нужно только добраться до устья Замбезе.

25 мая, послѣ очень труднаго перехода, они прибыли къ водопадамъ Викторіи.

Эти удивительные водопады, по названію туземцевъ «гремящій дымъ» вполнѣ оправдываютъ свое названіе. Масса водъ въ милю шириною падаетъ съ высоты вдвое большей, чѣмъ въ Ніагарѣ, разсыпаясь и сверкая тройной радугой. Этотъ

потокъ выкатываясь изъ базальтовой расщелины, гремитъ, какъ двадцат ударовъ грома.

Ниже водопада стоялъ пароходъ, прибывшій уже недѣлю тому назадъ и ожидающій ученыхъ. Всѣ взошли на него. На берегу остались Мокумъ и проводникъ. Мокумъ во все время путешествія былъ очень преданъ всѣмъ и сталъ другомъ Джона Мурея, который приглашалъ его къ себѣ въ Европу, но Мокумъ отказался, такъ какъ получилъ уже приглашеніе сопровождать Давида Ливингстона во второе его путешествіе по Замбезе и уже далъ свое согласіе.

Его щедро наградили, но онъ особенно былъ тронутъ искреннимъ чувствомъ грусти, съ которымъ европейцы расставались съ нимъ.

Пароходъ отчалилъ, выѣхалъ на средину рѣки и поплылъ по теченію.

Джонъ Мурей послалъ послѣдній привѣтъ своему другу.

Плаваніе шло быстро. Туземцы смотрѣли со страхомъ на дымящуюся трубу бѣгущаго чудовища и не задерживали его хода.

15 іюня, послѣ шести мѣсяцевъ отсутствія, полковникъ Эверестъ съ товарищами прибыли въ Квильміану, одинъ изъ главныхъ городовъ на устьѣ Замбезе.

Первой заботой европейцевъ было узнать у консула войнѣ.

Война еще продолжалась, и Севастополь крѣпко держался противъ соединенныхъ армій.

Это извѣстіе было очень непріятно европейцамъ, соединеннымъ научной цѣлью и пережитыми опасностями.

Но нужно было ѣхать.

Рѣшили ѣхать на коммерческомъ австрійскомъ суднѣ «Навара». 18 іюня, передъ отъѣздомъ, полковникъ Эверестъ собралъ своихъ товарищей и сказалъ имъ спокойнымъ голосомъ.

— Господа, почти восемнадцать мѣсяцевъ мы пробыли вмѣстѣ, пережили радость и горе, вынесли много испытаній, и исполнили задачу, которую оцѣнитъ Европа. Все это должно было скрѣпить между нами дружбу.

Матвѣй Струксъ, вмѣсто отвѣта, только наклонилъ голову.

— Затѣмъ, — продолжалъ полковникъ, — къ сожалѣнію, война еще не кончена, осада Севастополя продолжается, и пока городъ не будетъ взятъ англичанами...

— Этого не будетъ, — возразилъ Матвѣй Струксъ, — хотя Францiя...

— Это посмотримъ,—сухо сказалъ полковникъ,—во всякомъ случаѣ до конца войны мы будемъ врагами.

— То же самое и я хотѣлъ предложить вамъ,—отвѣтилъ Матвѣй Струксъ.

Отношенiя выяснились. Члены научной экспедицiи перешли на «Навару».

Спустя нѣсколько дней, они были уже въ Суэцѣ, гдѣ должны были разстаться. Вильямъ Эмери, прощаясь, говорилъ Михаилу Цорну:

— Навсегда друзья, Михаилъ?

— Да, дорогой Вильямъ, навсегда, какъ и сейчасъ!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.